РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КНИГА В РОССИИ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1991

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

КНИГА В РОССИИ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1991

К $\frac{4503000000-22}{042(02)-90}$ 10

Посвящается памяти
великого князя
Николая Михаиловича

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник является 19-м выпуском серии научных трудов «Книга в России», ежегодно издаваемых научно-исследовательским отделом истории книги Библиотеки Академии наук СССР *. Посвященный проблемам источниковедения и историографии русской книги XVIII — начала XX в ., он является также запоздалой данью памяти выдающемуся ученому, последнему председателю Императорского Русского исторического общества великому князю Николаю Михаиловичу.

Роль великого князя Николая Михаиловича в истории России до сих пор еще не оценена по достоинству, а его жизнь и труды ждут своего исследователя. Личность великого князя Николая Михаиловича поражает своей многогранностью. Историк и воин, издатель и коллекционер, дипломат и охотник, меценат и предприниматель, к каждому делу он подходил с должным чувством ответственности и профессиональной сноровкой, что позволило ему добиваться значительных успехов. Результаты энергичной деятельности великого князя Николая Михаиловича были достаточно разнообразны — упрочение русско-французского союза, руководство Императорскими Русским географическим (с 1892 г.) и Русским историческим (с 1910 г.) обществами, подготовка первого (и единственного) национального биографического словаря России, командование полком в годы первой мировой войны, устройство совместно с С. П. Дягилевым грандиозной выставки русского портрета, благоустройство Бор-

---

* Содержание предшествующих выпусков см.: Указатель работ, опубликованных научно-исследовательским отделом истории книги Библиотеки Академии наук России / Сост. *М. П. Лепехин.* СПб.: БАН России, 1992.

жомского курорта, подготовка сводного русского некрополя и создание образцового руководства по гусиной охоте. И все это — за 59 лет трагически оборвавшейся жизни...

В сознании современников заслуги великого князя Николая Михаиловича перед Россией связываются прежде всего с его историческими трудами и с его издательской деятельностью. Сделанное лично им за два с небольшим десятилетия не может не вызывать уважения: это и ряд монументальных исследований, посвященных александровской эпохе, в первую очередь двухтомная монография «Император Александр I. Опыт исторического исследования», это и подготовка корпуса дипломатической переписки России и Франции, это и руководство продолжением работы над «Русским Биографическим Словарем», это и печатное воспроизведение «Военной галереи 1812 года» Зимнего дворца, это и работа над созданием комментированного иконографического свода «Русские портреты XVIII и XIX столетий», это и подготовка сводного русского некрополя. К собственным ученым трудам великого князя Николая Михаиловича следует добавить руководство имп. Русским историческим обществом (1910—1917), наметившим в это время общероссийские исследовательские программы по краеведению и архивному делу, а также его щедрую меценатскую и просветительскую деятельность на поприще исторической науки. Достойна быть упомянутой и книгоиздательская деятельность великого князя Николая Михаиловича: большинство своих исследований он печатал в типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг, лично входя во все хлопоты по изданию и распространению книг, — все они отличаются необычным изяществом оформления и заслуженно должны быть отмечены среди достижений русского полиграфического искусства начала XX века. В судьбе великого князя Николая Михаиловича книга играла исключительную роль, и последняя добровольно возложенная им на себя обязанность — быть библиотекарем в петроградской тюрьме «Кресты» — представляется нам закономерным завершением его жизненного пути в ту кровавую эпоху.

Обстоятельства гибели своего брата сообщает великий князь Александр Михаилович: «Мои братья, Великие Князья Николай Михаилович и Георгий Михаилович встретили свою

смерть в Петропавловской крепости, где, начиная с Петра Великого, были погребены все русские Государи и Великие Князья. Максим Горький просил у Ленина помилования для Николая Михаиловича, которого глубоко уважали даже на большевистских верхах за его ценные исторические труды и всем известный передовой образ мыслей. „Революция не нуждается в историках", — ответил глава советского правительства и подписал смертный приговор» (Великий Князь Александр Михаилович. Книга воспоминаний. Париж, 1933. С. 324).

Последующие семь десятилетий отечественной истории позволяют дать оценку словам и делам «самого человечного человека». Время показало и практическую значимость трудов как вождя мирового пролетариата, так и августейшего историка. Если сочинения «кремлевского мечтателя» вряд ли могли принести какую-либо пользу историкам русской книги (отметим, что в постоянном обиходе советского книговедения находилось — за исключением специальных монографий «Ленин и книга» — не более трех десятков постоянно употребляемых цитат), то без изданий великого князя Николая Михаиловича источниковедческое изучение культурного развития России было бы чрезвычайно затруднено. К исследованиям и публикациям великого князя Николая Михаиловича, а также к трудам, осуществленным под его руководством, сотрудники научно-исследовательского отдела истории книги обращаются постоянно, и поэтому закономерным явилось проведение специального научного заседания, посвященного его светлой памяти. Оно состоялось 30 января 1990 г., в 71-ю годовщину со дня его трагической гибели. Чтения памяти великого князя Николая Михаиловича явились первым заседанием научно-теоретического семинара «Из истории отечественной книжной культуры», и в основу данного сборника положены прочитанные на данном семинаре доклады.

В сборнике публикуются также исследования, посвященные русско-голландским книжным связям и поставкам иностранных книг в военно-учебные заведения середины XVIII в. Отметим, что история книги в России и международные культурные связи всегда были предметом научных интересов великого князя Николая Михаиловича.

А. Н. ЦАМУТАЛИ

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ МИХАИЛОВИЧ КАК ИСТОРИК

Великий князь Николай Михайлович (1859—1919) был внуком императора Николая I и старшим сыном великого князя Михаила Николаевича, сыновья которого, так называемые «Михаиловичи», играли заметную роль в придворной и политической жизни. С. Ю. Витте, постоянно не ладивший с одним из них — вел. кн. Александром Михайловичем, писал в своих мемуарах, что «известные своими интригами» «злополучные великие князья Александр Михайлович и Николай Михайлович интриговали в пользу Столыпина, убедив его, в частности, отказаться от уже принятого решения уйти в отставку».[1] Незадолго до Февральской революции 1917 г. вел. кн. Николай Михайлович был одним из лидеров так называемой великокняжеской оппозиции, стремившейся устранить Распутина и тем самым спасти монархию.[2] Подобно другим членам императорской фамилии вел. кн. Николай Михайлович числился долгое время на военной службе, в 1884—1903 гг. занимал различные командные должности в гвардии. Следует признать, он выгодно отличался от большинства окружавших престол великих князей своей образованностью. При этом дело было не только в том, что он окончил Академию Генерального штаба. Вел. кн. Николаю Михайловичу был присущ живой интерес к прошлому, побуждавший его все больше времени проводить в библиотеках и архивах, в кругу историков и любителей старины. Когда великий князь стал председателем Русского исторического общества, он в этом качестве сделал много полезного, особенно своим содействием в издании различных и многочисленных исторических памятников.

Принадлежность вел. кн. Николая Михаиловича к императорской фамилии ставила его в привилегированное положение по сравнению с простыми смертными, которые, даже достигнув профессорских званий и признания в ученом мире, не могли получить доступа ко многим архивным документам. Что же касается вел. кн. Николая Михаиловича, то он, собирая материалы для своих трудов, имел возможность пользоваться не только архивами в России, но и архивами других стран, где также получил многие документы, ранее неизвестные историкам, в частности интереснейшие материалы по дипломатической истории, хранившиеся в фондах министерств иностранных дел Франции, Австрии, Пруссии.

Первые же публикации, подготовленные великим князем, свидетельствовали о том, что многие, а иногда и подавляющее большинство использованных им документов печатаются впервые. При этом, подобно Н. К. Шильдеру, вел. кн. Николай Михаилович многие использованные им источники в тексте своих исследований или в приложениях к ним приводил полностью, другие обильно цитировал. Очень быстро читатели книг поняли и тот круг проблем, которые его интересовали. Так, изданная в 1901 г. книга «Князья Долгорукие, сподвижники императора Александра I, в первые годы его царствования»[3] со всей определенностью свидетельствовала о том, что царствование Александра I, его окружение и он сам особенно интересуют великого князя, серьезно занявшегося историей. Намечалась и склонность во главу угла ставить деятельность отдельных исторических личностей.

Особый интерес историков, занимавшихся историей России начала XIX в., вызвал трехтомный труд вел. кн. Николая Михаиловича «Граф Павел Александрович Строганов».[4] Сам великий князь считал, что ему посчастливилось с архивными находками. В письме к Л. Н. Толстому, с которым он одно время поддерживал оживленную переписку, вел. кн. Николай Михаилович сообщал, что во время пребывания в Петербурге «собирал материалы для биографии графа Павла Алек[сандровича] Строганова, одного из сотрудников Александра I, ученика Ромма (члена Конвента), товарища министра внутренних дел Кочубея (1802—1806)».[5] Подготовка этой книги шла быстро, и 18 марта 1903 г. великий

князь извещал Л. Н. Толстого о том, что посылает ему первый том своей книги «Павел Александрович Строганов». Обещая скорый выход в свет второго и третьего тома книги, он добавлял: «Прошу Вас обратить особенное внимание на II том, где впервые изданы полностью заседания секретного комитета».[6] Действительно, материалы из строгановского архива, другие документы, впервые извлеченные вел. кн. Николаем Михаиловичем, имели первостепенное значение для того, чтобы восстановить картину первых лет царствования Александра I, в особенности деятельность сложившегося вокруг Александра I частного кружка, вошедшего в историю под названием негласного или интимного комитета и состоявшего из В. П. Кочубея, П. А. Строганова, Н. Н. Новосильцова и Адама Чарторыйского. В своей оценке деятельности членов негласного комитета вел. кн. Николай Михаилович демонстрировал в какой-то мере и свои политические взгляды, которые сочетали убеждение в необходимости сохранить монархию с сознанием необходимости проведения либеральных реформ как в прошлом, так и в настоящем. В письме к Л. Н. Толстому от 11 мая 1902 г., размышляя о воззрениях членов негласного комитета, о преобразованиях в начале царствования Александра I, он писал: «Когда вы прочтете чистые увлечения четырех юношей, окружавших Александра I, и то, что они создали и что вскоре было обработано Сперанским, то увидите, что все эти учреждения, как то: комитет министров, Госуд[арственный] совет, министерские департаменты, остались почти нетронутыми почти сто лет спустя и ныне действуют в полной мере. Нормально ли это?».[7] Мысли, изложенные в письмах вел. кн. Николая Михаиловича к Л. Н. Толстому, показывают, что, исследуя историю первых лет царствования Александра I, он постоянно размышлял о необходимости и возможности каких-то либеральных преобразований в современной ему России начала XX в. В цитированном выше письме он счел нужным высказать свое отношение к весьма умеренным предложениям Толстого о возможных реформах: «...мне представляется исполнителем такой реформы (если она не утопия) — царь-богатырь вроде Петра Великого, т. е. царь энергичный, самостоятельный, упорный в своих затеях и умеющий выбирать людей. А с одной добротой и благостью намерений нельзя совер-

шить и сотую долю того, что вы желали бы... На деле, т. е. на практике, надо считаться с тем, что есть. Нельзя требовать от него (Николая II. — *А. Ц.*) неисполнимого, а необходимо ему помочь... Вот я и набрел на мысль о переформировании высших учреждений. Необходимо установить ответственность министров перед общественным мнением... ограничить число департаментов, переписку, принявшую ужасающие размеры, установить более строгий надзор за чиновничеством, которое, как червь, понемногу съедает все строение и дискредитирует власть, где только хочет и может... А тогда бы, т. е. при полном обновлении всех высших государственных учреждений, новые люди сами бы явились... Ведь даже за истекшее XIX столетие были люди, которые хотели влить живую струю. Неужели Вы не признаете пользы, принесенной такими личностями, как Сперанский, Н. С. Мордвинов, гр[аф] Канкрин, В. А. Милютин, сам имп[ератор] Александр II? А покойный государь Александр III, как русский человек, положил основу всему русскому и старался стать на твердые начала добра во внутренней политике, а во внешней придал такое положение России за 10-летнее царствование, какого она дотоле не имела. Следовательно, и личность самодержца играет выдающуюся роль в нашей жизни на Руси».[8]

Вышеприведенные рассуждения дают, как нам кажется, довольно определенное представление о том, какую политическую окраску имела историческая концепция вел. кн. Николая Михайловича, сколь значительную роль, по его представлениям, могла играть в истории личность императора. Изучая историю внутренней и внешней политики России в начале XIX в., большое внимание он уделил и фигуре Александра I, попытался не только охарактеризовать его государственную, дипломатическую и военную деятельность, но и набросать психологический портрет императора. В этой связи особое место среди трудов вел. кн. Николая Михайловича заняла его двухтомная монография «Император Александр I. Опыт исторического исследования».[9] Труд этот был выполнен в характерной для него манере: предельно насыщен документами.

Следует также заметить, что двухтомная монография об Александре I вышла в окружении еще нескольких книг, подготовленных вел. кн. Николаем Михайловичем и посвя-

щенных царствованию Александра I. Помимо уже названных выше книг «Князья Долгорукие...» и «Граф Павел Александрович Строганов» им были изданы следующие труды: трехтомник «Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I»,[10] «Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной»,[11] «Письма Высочайших особ к графине А. С. Протасовой»,[12] «Генерал-адъютанты императора Александра I».[13]

Специально следовало бы отметить труды вел. кн. Николая Михаиловича по истории внешней политики России в начале XIX в., прежде всего семитомник «Дипломатические отношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра I и Наполеона. 1807—1812»[14] и «Донесения посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816—1826 годы».[15] Эти издания послужили ценнейшим собранием исторических документов, освещавших сложнейшие коллизии во взаимоотношениях между Россией и Францией в 1807—1812 гг., то есть в годы, предшествовавшие войне 1812 г., и между Россией и Австрией в десятилетие 1816—1826 гг. Опубликованные в этих изданиях документы позволяли не только более точно представить внешнеполитический курс таких держав, как Россия, Франция, Австрия, но и воспроизвести своеобразие, присущее дипломатической деятельности этой эпохи, взгляд на роль дипломатии, характерный для таких императоров, как Александр I и Наполеон I, а также практическую деятельность таких дипломатов, как Меттерних, Лебцельтерн, Нессельроде и другие.

Изданию монографии вел. кн. Николая Михаиловича об Александре I предшествовал выход в свет двухтомного труда Н. К. Шильдера «Император Александр I».[16] Взятые вместе книги Н. К. Шильдера и вел. кн. Николая Михаиловича давали возможность познакомиться со многими подробностями, касавшимися внешней и внутренней политики России в царствование Александра I, значительное число архивных документов воспроизводилось в тексте этих книг или в обширных приложениях. Уже это обстоятельство вызывало интерес, со стороны как историков, так и тех, кому эти роскошно изданные А. С. Сувориным и дорого стоившие книги были доступны. Что касается политической окраски, то и Н. К. Шильдер, и вел. кн. Николай Михаилович вы-

ступали с верноподданических, монархических позиций, что, впрочем, не исключало наличия в их трудах и отдельных оценок и высказываний, не лишенных критического подхода и выдержанных в духе либеральной традиции. При этом вел. кн. Николай Михаилович в большей степени, чем Н. К. Шильдер, был склонен критически подходить к оценке Александра I. Наличие такого рода либеральных тенденций в его высказываниях о царствовании и личности Александра I, пожалуй, можно объяснить тем, что после революции 1905—1907 гг. даже в преданных монархии кругах русского общества со все большей отчетливостью начинали раздаваться голоса о необходимости каких-то преобразований в государственной и политической системе, что влекло за собой и пересмотр многих оценок, касавшихся истории России и деятельности российских монархов XVIII—XIX вв.

Поставив перед собою вопрос: заслуживает ли Александр I того, чтобы «быть причисленным к великим государям и правителям?»,[17] вел. кн. Николай Михаилович отвечал на него не в духе апологетических высказываний, господствовавших в официально-охранительной историографии. Он писал, что Александр I, вступив на престол «увлеченный реформами», «казалось, понял свою задачу и хотел что-то создать прочное, но это мимолетное стремление не успело пустить корней, несмотря на сравнительно долгий период общей ломки».[18] По его мнению, «сперва молодые сотрудники, а потом Сперанский, сделали, что могли, чтобы положить основы обновления внутреннего строя и порядков»,[19] «фундамент, как ни говори, а был положен, но далеко не прочный».[20] Разрыв с реформаторскими начинаниями начала александровского царствования вел. кн. Николай Михайлович связывал с появлением фигуры Наполеона I. Идеализируя деятельность Александра I во время Отечественной войны, великий князь полагал, что «1812 год сблизил Царя с народом», но затем, по его мнению, «Александр не отдал себе в этом настроении вполне ясного отчета» и совершил целую серию политических ошибок. Вел. кн. Николай Михаилович полагал, что заграничные походы были «только к выгоде чужеземцев, а вовсе не русских», что «три года войн за освобождение Европы были роковыми во всех отношениях и для личности монарха». По его мнению, Александр I, у которого стали глохнуть чувства

патриотизма, «отдался всецело зловредному мистицизму», что на практике привело к заключению Священного союза, «столь невыгодного и вредного для интересов России».[21] Тем более, что «Священный союз и мистицизм породили в России аракчеевщину».[22] В конечном итоге, считал вел. кн. Николай Михаилович, «Россия продолжала пребывать в глубоком сне, в котором военные поселения не могли дать живой струи, а покровительство, оказанное разным сектам и масонству, только породило насаждение тайных обществ, которые благодаря событиям 14 декабря 1825 года надолго отвели Россию на путь самой убежденной реакции Николаевского режима». Александр I «оставил брату тяжелое наследство, страну, изнемогшую от прошлых войн, а еще более от аракчеевщины, а весь организм больным и утомленным, а внутри — полнейшую дезорганизацию власти и всякого порядка, при полном отсутствии какой-либо определенной системы управления».[23] На фоне столь печальной картины вел. кн. Николай Михаилович на ранее поставленный вопрос отвечал: «Для России Александр не был великим, хотя его царствование дало многое, но ему не хватало знания ни русского человека, ни русского народа».[24]

Критически оценивая деятельность Александра I, великий князь делал и такой, неожиданный для официальной историографии, вывод: «Как правитель громадного государства вообще, благодаря гениальности сперва его союзника, а потом врага, Наполеона, он навсегда займет совсем особое положение в истории Европы начала XIX столетия, получив и от мнимой дружбы, и от соперничества с Наполеоном то наитие, которое составляет необходимый атрибут Великого монарха. Его облик стал как бы необходимым дополнением образа Наполеона...».[25]

Монография вел. кн. Николая Михаиловича об Александре I привлекла к себе внимание нескольких историков, написавших рецензии. Представляется достойным внимания, что рецензенты принадлежали к либеральным или либерально-народническим кругам. И. И. Игнатович, ученица В. И. Семевского, сама занимавшаяся историей крестьянства, критиковала великого князя за недостачное внимание к крестьянскому вопросу и к истории движения декабристов. Вместе с тем она отмечала наличие в труде об Александре I наличие большого числа интересных и ранее неизвестных

материалов.[26] В. А. Мякотин, представлявший либеральное крыло неонародничества, одобрительно отзывался о монографии «Император Александр I», так как не только обнаружил в ней много заслуживающих внимания документов, но и усмотрел также отказ от апологетики Александра I,[27] считал, что книга — «шаг вперед».[28] Либеральный историк С. П. Мельгунов был более критичен. Он считал, что вел. кн. Николай Михайлович старается реабилитировать Александра I, требовал снять с него нимб, но вместе с тем приходил к выводу, что монография об Александре I «будит мысль».[29]

Следует заметить, что в рецензиях названных выше историков в общих чертах были отмечены как сильные, так и слабые стороны монографии вел. кн. Николая Михайловича. Естественно, они сознавали, сколь прочной была его связь с официальной историографией. Тем более очевидна близость взглядов вел. кн. Николая Михайловича, несмотря на присущую им либеральную тенденцию, к построениям историков охранительного направления при ретроспективном взгляде на историческую науку начала XIX в. Тем не менее, к трудам, подготовленным великим князем, как к не утратившим своей ценности публикациям документов, прибегают и современные историки.

Большая заслуга принадлежит вел. кн. Николаю Михайловичу в издании иконографических материалов XVIII—XIX вв.,[30] в подготовке и публикации таких своеобразных и интересных для историков справочников, как описание надгробий на кладбищах Петербурга, Москвы и других городов.[31]

Откликнулся вел. кн. Николай Михайлович и на ту дискуссию, которая возникла в начале XX в. по поводу легенды о старце Федоре Кузьмиче. Представляется, что его исследование «Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича»[32] содержит весьма убедительные аргументы в пользу версии, согласно которой Александр I умер в Таганроге в 1825 г.

В 1915 г. Совет профессоров Московского университета по представлению историко-филологического факультета присудил вел. кн. Николаю Михайловичу, автору многочисленных трудов по русской истории, ученую степень доктора русской истории honoris causa. Сейчас можно сказать, что

соискатель ученую степень действительно заслужил.

Февральская революция 1917 г. покончила с династией Романовых. Прервалась и научная деятельность Николая Михаиловича. В 1918 г. А. И. Верховский, бывший военный министр Временного правительства, оказался в «Крестах», печально известной петербургской тюрьме, куда он был водворен, как участник раскрытого ВЧК контрреволюционного заговора. По его признанию, режим не был строгим: камеры днем не запирались, заключенные свободно общались друг с другом, читали книги из тюремной библиотеки: «Библиотекой заведовал бывший великий князь Николай Михаилович, упрекавший меня за то, что я арестовал в Крыму Николая Николаевича и бывшую императрицу Марию Федоровну. Николай Михаилович смеялся надо мной: Вы нас арестовывали в апреле, а теперь сидите вместе с нами. Во-первых, вам поделом, а во-вторых, учитесь истории... В революционной борьбе нет середины. Если вы не идете с последовательными революционерами, вы оказываетесь за одной решеткой с нами».[33]

Бывшему великому князю Николаю Михаиловичу пришлось заплатить жизнью за свою принадлежность к императорской фамилии. Но его имя осталось в истории русской исторической науки,[34] а его научное наследие достойно критического, но вместе с тем обстоятельного и внимательного изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 40, 429; Т. 2. С. 228; Т. 3. С. 544, 557.

[2] Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 616, 617, 625, 640, 647.

[3] *Вел. кн. Николай Михаилович.* Князья Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования. СПб., 1901.

[4] Граф Павел Александрович Строганов. 1774—1817. Историческое исследование эпохи императора Александра I. Т. 1—3. СПб., 1903.

[5] Цит. по кн.: *Л. Н. Толстой.* М., 1939. Т. II. С. 303. (Литературное наследство; Т. 37—38).

[6] Там же. С 314.

[7] Там же. С. 309.

[8] Там же.

[9] *Вел. кн. Николай Михаилович.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 1—2; 2-е изд. СПб., 1914. Т. 1—2.

[10] *Вел. кн. Николай Михаилович.* Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. СПб., 1908—1909. Т. 1—3.

[11] *Вел. кн. Николай Михайлович.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910.

[12] *Вел. кн. Николай Михайлович.* Письма высочайших особ к графине А. С. Протасовой. СПб., 1913.

[13] *Вел. кн. Николай Михайлович.* Генерал-адъютанты императора Александра I. СПб., 1913.

[14] *Вел. кн. Николай Михайлович.* Дипломатические отношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра I и Наполеона. 1807—1812. СПб., 1905—1914. Т. 1—7.

[15] *Вел. кн. Николай Михайлович.* Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816—1826 гг. СПб., 1913.

[16] *Шильдер Н. К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1897—1898. Т. 1—4.

[17] *Вел. кн. Николай Михайлович.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. 2-е изд. СПб., 1914. Т. 1. С. 346.

[18] Там же. С. 347.

[19] Там же. С. 347—348.

[20] Там же. С. 348.

[21] Там же. С. 344.

[22] Там же. С. 345.

[23] Там же. С. 348.

[24] Там же. С. 346.

[25] Там же. С. 346—347.

[26] *Игнатович И. И.* Новый труд об Александре I // Северные записки. 1913. № 1. С. 181—182.

[27] *Мякотин В. А.* Новый труд об императоре Александре I // Русское богатство. 1919. № 1. С. 368—369.

[28] Там же. С. 381—382.

[29] *Мельгунов С. П.* Рец. на кн.: Вел. кн. Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 1—2 // Голос минувшего. 1913. № 1. С. 242.

[30] Русские портреты XVIII—XIX столетий. Издание вел. кн. Николая Михайловича. СПб., 1905—1909. Т. 1—5.

[31] *Вел. кн. Николай Михайлович.* Петербургский некрополь. СПб., 1912—1913. Т. 1—4; *Его же.* Московский некрополь. СПб., 1907. Т. 1; *Его же.* Русский провинциальный некрополь. СПб., 1914. Т. 1; *Его же.* Русский некрополь в чужих краях. Вып. 1. Париж и его окрестности. СПб., 1915.

[32] *Вел. кн. Николай Михайлович.* Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича. СПб., 1907.

[33] *Верховский А. И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 408.

[34] См., например: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 323, 366; История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период: Библиография. М., 1965. С. 369; *Овчинников Р. В.* Николай Михайлович (Романов) // Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. С. 223; *Цамутали А. Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986. С. 40—44, 60, 61.

С. Н. ИСКЮЛЬ

ТРУДЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ МИХАИЛОВИЧА ПО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ
(издания и неосуществленные замыслы)

В начале 1915 г. великому князю Николаю Михайловичу была присуждена ученая степень доктора русской истории.[1] В своем представлении совету профессоров Московского университета историко-филологический факультет указал, что «ученые труды Великого князя... составляют выдающийся вклад в историческую науку. Особенно большое зачение для русской истории имеют труды... охватывающие эпоху царствования Императора Александра I. В этом капитальном историческом исследовании приведены ценные архивные документы, не появлявшиеся до сих пор в печати и составляющие новый исторический материал, отражающий совершенно до того не исследованные моменты Александровской эпохи...».[2] В дипломе, врученном великому князю по этому поводу, говорилось о том, что совет Московского университета «возвел в степень Доктора Русской Истории Его Императорское Высочество Великого князя Николая Михайловича, приобревшего учеными трудами почетную известность, без испытания и представления диссертации».[3]

Присуждение почетной степени состоялось, вне всякого сомнения, под впечатлением выхода в свет второго издания труда великого князя «Император Александр Первый. Опыт исторического исследования», которое, как и первое издание, стало тотчас же библиографической редкостью.[4] Успеху книги содействовали, во-первых, личность великого князя, а во-вторых, упорно державшиеся слухи о том, что книга подверглась негласному запрету.

В «Очерке об исторических работах Великого князя Николая Михаиловича» неустановленный автор справедливо писал об этой книге: «...эти два тома, принадлежащие перу Великого князя, утвердили за ним репутацию талантливого и нелицеприятного исследователя, отстаивавшего свою точку зрения на причины целого ряда событий царствования Александра I, давшего характеристику Государя и его окружения, что в значительной степени основывалось им на подлинниках и впервые им опубликованных документах».[5]

Книга вызвала многочисленные отклики в печати. Вот один из них: «Год юбилея отечественной войны по справедливости может быть назван александровским — так часто вспоминается теперь в печати имя „сфинкса не разгаданного до гроба"... Но только одна из многочисленных книг текущего 1912 г. ... надолго переживет юбилейное время. Это новый двухтомный труд Великого князя Николая Михаиловича „Император Александр Первый", скромно названный автором опытом исторического исследования».[6]

Видный историк 1812 г. К. А. Военский, рецензировавший многие работы великого князя, писал по поводу первого издания книги: «Казалось бы, что после Н. К. Шильдера, посвящавшего дни за днями научным изысканиям в государственном архиве министерства иностранных дел и имевшего доступ в собственную библиотеку Его Императорского Величества в Зимнем дворце, не остается надежды на отыскание документов, сколько-нибудь значительных, касающихся Александра I, тем более его подлинных писем, никогда еще не бывших в руках историков, и при том таких, которые представляли бы державного вождя русского народа в совершенно новом освещении, а поступкам его давали бы новое толкование. Честь такого открытия выпала на долю Великого князя Николая Михаиловича, посвятившего себя изысканиям по истории начала XIX века и давшего уже целый ряд весьма ценных изданий».[7]

В предисловии к этому труду великий князь писал: «Задача наша не из легких, мы это сознаем: во-первых, потому что многие источники отсутствуют, благодаря систематическому истреблению их Императором Николаем I; другие, хотя и существуют, но с большими пробелами... во-вторых, мы не могли воспользоваться полностью всеми иностранными архивами, несмотря на широкую любезность архивов

иностранных дел... наконец, доступ к некоторым частным архивам, как русским, так и иностранным, еще не открыт». Именно поэтому историк старался воздерживаться от зачастую напрашивавшихся, но лишенных основания оценок событий, действий и личностей. Великий князь отступал от своего обыкновения в тех немногих случаях, когда внутреннее чувство заставляло его хотя бы походя выразить свое отношение к тому или иному событию. Например, «увлечения успехами внешней политики и внешней славы (в войне 1812 г. — *С. И.*) привели к продолжению борьбы на чужих землях... Роль государя русского была возвышенной... но и только. Интересы России не требовали такого вмешательства».

Великий князь Николай Михаилович в известной степени идет в этой своей работе вслед за Шильдером, автором ранее опубликованной биографии Александра I, хотя и не считает его книгу серьезным трудом («в ней чувствуется какая-то незаконченность, много досадных пробелов, недомолвок, неточностей»). Но, строго говоря, положение Шильдера, в отличие от такового великого князя, было весьма деликатным и ему приходилось быть осмотрительным в своих оценках. Великий князь был более свободен в своих суждениях, но все же чувствовал некоторую ответственность, будучи представителем царствующей фамилии. К этому присоединялись собственное понимание национальных задач, стоящих перед Россией, которое не оставили своим вниманием представители либеральной историографии,[8] и известные симпатии великого князя к Антанте.

В результате в ряде своих оценок великий князь Николай Михаилович отходит от Шильдера, дает новую трактовку событий (например, при освещении известной миссии Новосильцева в Лондон в 1804—1805 гг., в оценке деятельности Чарторыйского на посту товарища министра иностранных дел, действий Александра I по отношению к Австрии перед и во время войны 1809 г.), но не настолько, чтобы не чувствовалось, что именно Шильдеру он обязан своими общими представлениями об эпохе.

Все исторические труды великого князя обладали одной важнейшей особенностью. Имея доступ к архивам, зачастую закрытым для другим историков, автор нередко публиковал ценнейшие материалы и тем самым делал огромный вклад

в русскую историческую науку. С этой точки зрения историческая значимость трудов великого князя действительно высока и по сей день, в том числе и трудов в области внешней политики России. В своей книге об Александре I, в которой три четверти текста отведено публикации документов, великий князь опубликовал, в частности, депеши австрийского поверенного в делах в Петербурге графа Сен-Жюльена Меттерниху за 1809—1812 гг. и переписку Родиона Александровича Кошелева с российским посланником в Вене Штакельбергом и упомянутым Сен-Жюльеном. Тем самым великий князь открыл еще один канал, по которому, минуя канцлера Н. П. Румянцева, к Александру I поступала важная информация. Опубликованная великим князем переписка касалась в основном русско-австрийского союза и совместного противодействия Франции, которое наметилось еще в 1808 г.

В 1910 г. великий князь Николай Михаилович выпускает роскошное, как тогда говорили, издание переписки Александра I с великой княгиней Екатериной Павловной.[9] Поскольку любимая сестра была тем человеком, с которым государь чувствовал потребность говорить на волновавшие его темы, в их переписке неизбежно присутствуют внешнеполитические аспекты тогдашней политической жизни. Как справедливо говорит в своем обширном введении великий князь, Александр I старался не поверять бумаге свои сокровенные мысли, и тем не менее в его переписке с сестрой есть моменты, которые позволяют внести уточнения при оценке тех или иных дипломатических шагов.

В одном томе опубликовано восторженное письмо Александра из Тильзита от 17 мая 1807 г., на которое девятнадцатилетняя великая княжна отвечает, как умудренный опытом государственный муж, и письмо, относящееся к началу 1812 г., в котором император пишет: «У нас будет мир с Англией, но пока ни слова об этом!», или такое письмо от 10 ноября 1811 г.: «Мы постоянно начеку: все обстоятельства тернисты, события вносят такое напряжение, что враждебные действия могут начаться в любое мгновение... мне нужно дожидаться более благоприятного момента или война смешает все мои карты...».

Это только несколько примеров из капитальной публикации великого князя, и остается пожалеть, что переписка

эта сохранилась не в полном своем объеме, не говоря уже о том, что сохранились не все письма великой княгини за тверской ее период жизни в России.

«Александр Первый» — это не первый опыт великого князя в области публикации дипломатических документов. В 1905—1914 гг. им было выпущено капитальное издание «Дипломатические сношения между Россией и Францией по донесениям послов Императоров Александра и Наполеона 1808—1812 гг.».[10] Ко времени подготовки первого тома этого издания в Русском историческом обществе уже существовала традиция издания сборников дипломатических документов (в 1890—1893 гг. была осуществлена серия таких сборников). Великий князь с успехом ее продолжил, систематически издавая наиболее важные документы русско-французских отношений 1808—1812 г. Таким образом к томам РИО 21, 77, 83 и 89 прибавилось еще семь томов, подготовленных великим князем Николаем Михаиловичем. Такое издание было предпринято впервые, и следует согласиться с рецензировавшим первые три тома К. Военским, что оно «должно считаться совершенно новым и самостоятельным вкладом в историю 1812 г.»[11], в историю русско-французских отношений в целом.

Всего в этих томах было издано около тысячи новых, ранее не издававшихся документов, которые касаются всех аспектов русско-французских переговоров относительно условий выполнения Тильзитского мира вплоть до взаимных претензий, обостренных событиями 1809 — начала 1812 г.

Среди этих материалов нельзя не выделить особую публикацию неофициальных донесений Коленкура, где содержатся сведения о слухах и о том, что говорили в салонах Петербурга. Некоторые из них, весьма многословные, позволяют судить о богатстве и разнообразии направления мыслей в светском обществе, часто фрондировавшего по отношению к императору и двору. Например, 19 августа 1809 г. Коленкур сообщал в Париж о таких слухах: «Александр из опасений как бы его не лишили престола остался в Петергофе. Говорят, что во главе правительства поставят Императрицу-мать до совершеннолетия Великого князя Николая. Другие уверяют, что Великая княгиня Екатерина, вышедшая замуж в апреле, будет провозглашена императ-

рицей...», в связи с чем строились догадки относительно новой роли принца Ольденбургского.

Важной была и первая публикация донесений французского посла Лористона, особенно последних его депеш накануне разрыва.

Опубликованные великим князем документы и тогда, в начале XX в., и сейчас, когда стали известными многие материалы российского министерства иностранных дел, в целом подтверждают его взгляд на характер отношений Александра и Наполеона. В течение почти четырехлетнего русско-французского союза Наполеон — по крайней мере до 1810 г. — действовал в соответствии с духом и буквой Тильзитских соглашений и согласно своим обещаниям, Александр же проявлял двойственность, утаивая чувство обиды, которое питал с 1804 г., и жажду реванша, которая не оставляла его после Аустерлица.

Впечатление, которое производит публикация великого князя — это поначалу едва заметное, а затем лавинообразное нарастание противоречий в русско-французских отношениях. Документы — их характер, содержание, логика появления того или другого — побудили августейшего историка отойти от общепринятых до него и при его жизни определений меры ответственности за вторжение в Россию «двунадесяти языков». Великий князь считал нужным расставить таким образом акценты в этом сложном приговоре: «Наполеон объявил войну, вторгнувшись со своими полчищами в русские пределы, Александр мечтал о ней и ничего не сделал, чтобы ее предотвратить, кроме внешних проявлений обеспечения мира». Однако историк при этом считал, что Александр I предвидел столкновение еще в Тильзите: «Он только и сблизился с Наполеоном, чтобы его погубить, и, когда настал момент, воспользовался гениально всеми обстоятельствами, став всенародно жертвой коварства и честолюбия своего соперника».

В своей рецензии на т. VII «Дипломатических сношений...» Е. Шумигорский писал: «Вообще новое издание Великого князя Николая Михайловича проливает яркий свет на дипломатические сношения России и Франции перед 1812 г. и в достаточной степени характеризует истинную подкладку событий... а равно и на личность самого Александра I. Какова бы ни была тонкость его дипломатических

приемов... нельзя не пожалеть, тонкость эта имела своею целью более интересы Германии, чем России. С нетерпеним будем ожидать VIII тома ... в котором дипломатические приемы Александра I найдут себе завершение».[12]

Восьмой том так и не появился, а между тем издание непременно должно было быть продолжено: в самом заглавии каждого тома была заключена идея создания всеобъемлющей картины дипломатических узлов наполеоновской эпохи: «...по донесениям послов Императоров Александра и Наполеона». Кроме того, во введении к первому тому «Дипломатических сношений» сам великий князь писал о том, что собирается издавать донесения Александра Борисовича Куракина, инструкции послам российского министерства иностранных дел, частные письма Куракина императрице Марии Феодоровне, письма Нессельроде Сперанскому (частично донесения послов были ранее опубликованы в разного рода сборниках, преимущественно в РИО, но нет сомнений — великий князь собирался готовить новую публикацию всех наиболее важных и интересных документов). Седьмой том завершал французскую «версию» событий периода русско-французского союза (1808—1812 гг.). Препятствием на пути к продолжению задуманного великим князем издания стали современные ему события тогдашней российской действительности.

В фонде великого князя в Центральном государственном историческом архиве рукопись восьмого тома в подготовленном к печати виде нам обнаружить не удалось. Материалы «для невышедших в свет томов» этого издания великого князя, согласно опубликованному отчету рукописного отдела Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина за 1914—1938 гг., находятся в ГПБ. Среди них значатся рукописные и машинописные копии донесений кн. А. Б. Куракина гр. Н. П. Румянцеву за январь 1810 — октябрь 1812 г., донесения Куракина императрице Марии Феодоровне за ноябрь 1808 — октябрь 1812 г.[13] Таким образом, «Дипломатические сношения» — это один из известных проектов великого князя, завершению которого помешала революция.

Последней работой историка явилась публикация дипломатических донесений баварского поверенного в делах в Петербурге Ольри, хранившихся в личной библиотеке великого князя.[14] Это единственный случай публикации на

русском языке донесений дипломатического представителя германского государства в Петербурге в начале XX в.; тем самым историк обратил внимание исследователей на важнейший дипломатический источник, ибо донесения германских дипломатов как правило оставались вне поля зрения историков, а между тем свидетельства немецких дипломатов, представителей государств, союзных с Францией и династически родственных российскому императорскому дому, весьма ценны как для общей характеристики дипломатической ситуации, так и для освещения более частных моментов политической истории России того времени. Опубликованные великим князем документы изобилуют многими важными наблюдениями, в том числе и по вопросу об отношении русского двора к развитию политики «индемнизаций» германских государств, а также и в связи с визитом герцога Брауншвейгского в Петербург, с различными русско-прусскими переговорами на протяжении 1804—1806 гг. «Наблюдательность молодого баварца поражает своей тонкостью, — писал великий князь во введении к публикации, — и он умел схватывать многое, что ускользало от внимания других его современников».

Интерес к донесениям, исходившим от германских дипломатов, которые осуществляли свою деятельность в Петербурге, проявился у великого князя давно, вероятно, при работе над книгой об Александре I и публикацией «Дипломатические сношения». Возможно, именно тогда были сняты копии некоторых дипломатических документов за 1801—1812 гг. из Королевского прусского архива в Берлине и Императорского архива в Вене. Эти копии, выполненные каллиграфическим почерком, с указанием шифров, находятся ныне в фонде великого князя Николая Михаиловича в Центральном государственном историческом архиве и в фонде РИО в Архиве Ленинградского отделения Института истории.

При подготовке этих двух капитальных работ неизбежно возникали вопросы, которые могли быть выяснены только при обращении к фондам миссий двух главных держав Германии. Вместе с тем можно предположить, что к этому времени у великого князя пробудился интерес к специальному изучению этих материалов и он мог распорядиться собирать их для подготовки особой публикации, что

было важно не только для раскрытия самой фактической стороны русско-германских отношений, но и в целом для характеристики тогдашних международных отношений в Европе. Этот интерес вполне мог найти свое продолжение в виде отдельных публикаций материалов, отложившихся в копиях в фонде великого князя.

Среди этих материалов имеются и другие, не менее ценные с точки зрения отражения в них событий внутренней и внешнеполитической сторон жизни России начала XIX в. Отметим среди прочих из фонда великого князя в ЦГИА копию более полутора тысяч листов — наиболее важных мест дневника австрийского полковника фон Штуттерхайма, который находился в 1804—1805 гг. в Петербурге со специальной миссией. Дневник содержит подробное изложение разговоров Штуттерхайма с Александром I и великим князем Константином на самые различные темы, в основном внешней политики, во время смотров и загородных прогулок. В отечественной историографии этот источник не использовался, а между тем дневник Штуттерхайма позволяет существенно уточнить имеющиеся представления о том, как складывалась внешняя политика России в это время. Так, например, считается, что к активной подготовке антифранцузской коалиции Александр I приступил через некоторое время после разрыва русско-французских отношений, поводом к которому послужил расстрел герцога Энгиенского весной 1804 г. Из разговоров с Александром, которые Штуттерхайм поместил в свой дневник, явствует, что уже в январе 1804 г. шли детальные переговоры о будущей коалиции и уже тогда Александр делал шаги к вовлечению Австрии в антифранцузский союз.

Но несомненно великого князя Николая Михаиловича привлекали в дневнике Штуттерхайма и другие сюжеты. Например, в записи от 6 августа 1804 г.: «Великий князь много и весьма подробно говорил мне обо всем, что связано с трагическим концом императора Павла, и мне подумалось, что ничто не может сравниться с теми заносчивыми и гнусными поступками князя Зубова по отношению к императору Александру и Великому князю в ту достославную ночь и на следующее утро». А 8 июля Штуттерхайм записал: «Несколько дней назад умер Валериан Зубов, а с ним семья, которая впрочем была удалена от императора, ли-

шилась своей опоры. Великий князь не скрыл от меня того удовлетворения, которое испытывает он при виде этой лишенной всякого влияния семьи...».

Вполне возможно и даже вероятно, что великий князь Николай Михайлович собирался издавать этот важный источник, о существовании которого он впервые мог узнать из беглого упоминания в статье Н. К. Шильдера, хотя последнему он был недоступен.

Завершая этот краткий обзор важнейших трудов великого князя Николая Михаиловича и некоторых неосуществленных им проектов, приведем отдельные данные, касающиеся распространения книг великого князя.

Все издания великого князя Николая Михаиловича продавались в Управлении делами Великого князя, находившемся в Петербурге (Петрограде) на Миллионной улице, в доме номер 19. Продажа книг осуществлялась также в главных магазинах столицы и других городов империи, но в основном в магазинах Товарищества Вольф, с которым Управление делами поддерживало регулярную переписку. Заявки на книги великого князя Николая Михаиловича посылали магазины В. И. Чумакова, И. М. Фадеева, «Образование», но в основном все же именно Товарищество было монополистом в праве продажи книг великого князя. Так, 16 марта 1915 г. правление Товарищества этих магазинов получило из Управления делами великого князя 549 экземпляров книги «Император Александр I» и 1391 экземпляр из Экспедиции заготовления государственных бумаг, где печатались все сочинения великого князя.[15]

Тиражи этих изданий были в пределах 3 тыс. экземпляров. Стоимость книг была велика. Так экземпляр «Дипломатических сношений» при тираже в 1 тыс. экземпляров стоил 30 рублей, но практиковалась 20—30% скидка для учебных заведений.

Однако несомненно для великого князя Николая Михаиловича коммерческая сторона дела была отнюдь не главным. Каждое издание сочинений историка рассылалось бесплатно целому ряду учреждений и отдельных лиц. В фонде великого князя сохранились реестры таких учреждений, получавших обязательный экземпляр того или иного сочинения великого князя; среди них — редакции крупнейших исторических журналов, Библиотека Академии наук, уни-

верситеты, архивы (Государственный, МИД, министерства юстиции), посольства. Непременно и бесплатно книги рассылались коллегам — Е. С. Шумигорскому, Б. Л. Модзалевскому, К. А. Военскому. Бесплатно получали книги и иностранные ученые-историки — Фр. Массон, А. Сорель, Э. Доде, Ж. Аното.[16]

Многие читатели и книгопродавцы обращались к великому князю с просьбой прислать экземпляр той или иной книги. Как правило, в такой просьбе никому не отказывалось. Последняя такая рассылка имела место в начале января 1918 г., когда читателям были посланы экземпляры второго издания книги «Император Александр I».[17]

Редактор журнала «Русская старина» П. Воронов писал 7 октября 1907 г. М. Н. Молодовскому, секретарю и управляющему делами великого князя: «Пришел в восторг от этих превосходных и значительных исторических трудов с дивными портретами. Я в большом огорчении, что своевременно по выходе «Русская старина» могла использовать для отзыва только V том «Дипломатических сношений», и льщу себя надеждой исполнить это при появлении VI тома».[18]

Ректор Александровского университета в Гельсингфорсе И. А. Хейнель писал 16 апреля 1908 г. в канцелярию великого князя с просьбой прислать тома 1—5 «Дипломатических сношений», так как «для библиотеки не представляется возможным иным путем приобрести этот столь ценный для исторических исследований труд».[19]

Сотрудник Архива Министерства юстиции Н. Чулков, узнав из газет о том, что вышел в свет очередной том «Дипломатических сношений», в письме тому же Молодовскому 19 июня 1915 г. писал: «До сих пор я обыкновенно получал все вновь выходящие издания Его Императорского Высочества. Вы меня крайне обнадежили бы, если бы сообщили, могу ли я рассчитывать на получение этих книг, если же нет, то я потороплюсь их приобрести в каждом магазине, пока оне еще не распроданы, как это часто бывает с изданиями Великого князя...».[20]

Рижский книгопродавец Н. Н. Киммель писал 13 апреля 1915 г. лично великому князю: «Из газет я узнал, что Вашему Высочеству присуждено звание доктора истории. В качестве посредника между светилами науки, я нахожусь в живом общении с последними и знаю, как высоко це-

нятся в научном мире успешные и обширные работы Вашего Высочества, в области русской истории. Знаю поэтому также, что большое число людей науки с удовлетворением узнает об удостоении Вашего Императорского Высочества степени доктора, и позвольте мне быть выразителем этих чувств. Не могу заключить письмо, не выразив, какую большую радость мне как книгопродавцу и библиофилу доставляют сочинения Вашего Высочества, выпущенные в таких высокохудожественных изданиях, которые удовлетворяют самый изысканный вкус».[21]

Судя по расчетам с магазинами, книги, изданные великим князем, расходились несмотря на высокие цены, что вообще характерно для изданий Экспедиции заготовления государственных бумаг, быстро. Разумеется, успех был бы более впечатляющим, если бы русскому образованному обществу было дано в полной мере оценить ученые труды августейшего историка, но тому препятствовали неизбежные тяготы, вызванные мировой войной, и последующие смутные времена неудержимого сползания страны к революционному кризису. Сюда же необходимо присоединить неизбежные финансовые трудности издательства, на деятельности которого даже при устойчивом интересе к прошлому не могла не отразиться общая ситуация неуверенности и ожидания грядущих перемен.[22]

В заключение вряд ли будет преувеличением сказать, что заслуги великого князя Николая Михаиловича в области изучения внешней политики России велики.[23] Его труды могли вызывать возражения и критические замечания, но они будили мысль, ставили новые вопросы, вводили в оборот новый круг источников. Мимо его трудов не может пройти ни один серьезный историк.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] К тому времени великий князь уже имел почетную степень доктора философии Берлинского короля Фридриха-Вильгельма III университета, что, несомненно, было для историка высокой честью (см. отношение из Управления делами великого князя Николая Михаиловича во второй департамент МИД от 6 октября 1910 г. // Центральный государственный исторический архив, ф. 549, оп. 1, № 85), тем не менее в ноябре 1914 г. великий князь отказался от этой почетной степени, о чем уведомил испанского посла в Петрограде, представлявшего интересы Германии в России (там же, № 1052).

[2] Присуждение Великому князю Николаю Михаиловичу ученой степени // Исторический вестник. 1915. Март. С. 1038.

[3] ЦГИА, ф. 549, оп. 1, № 1058.

[4] *Вел. кн. Николай Михаилович.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. Изд. 2-е — СПб., 1914. — 772 с. Первое издание вышло в 1912 г. в двух томах.

[5] ЦГИА, ф. 549, оп. 1, № 1093.

[6] *Никольский В.* Русское слово. 1912. 23 сент. (№ 219).

[7] *Военский К. А.* Из эпохи великих дел и великих людей // Журнал министерства народного просвещения. 1911. Февр. С. 411—412; *Его же.* 1812 год в освещении и суждениях Императора Александра I // Русский инвалид. 1910. 4 дек. (№ 465)

[8] *Мельгунов С. П.* Голос минувшего. 1913. № 1. С. 232—247.

[9] *Вел. кн. Николай Михаилович.* Переписка Императора Александра I с сестрою, Великой Княгинею Екатериной Павловной. СПб., 1910. 318 с.

[10] *Вел. кн. Николай Михаилович.* Дипломатические сношения между Россией и Францией по донесениям послов Императоров Александра и Наполеона. Т. I. СПб., 1905. 263 с.; Т. II. СПб., 1905. 412 с.; Т. III. СПб., 1905. 409 с.; Т. IV. СПб., 1906. 435 с.; Т. V. СПб., 1907. 422 с.; Т. VI. СПб., 1908. 303 с.; Т. VII. СПб., 1914. 439 с.

[11] Исторический вестник. 1906. Апр. С. 267.

[12] Исторический вестник. 1915. Июнь. С. 990.

[13] Краткий отчет рукописного отдела Государственной публичной библиотеки за 1914—1938 гг. Л., 1940. С. 246.

[14] *Вел. кн. Николай Михаилович.* Из донесений Баварского поверенного в делах Ольри (Olry) в первые годы царствования (1802—1806) Императора Александра I // Исторический вестник. 1917. № 1, 2. С. 1—69.

[15] ЦГИА, ф. 549, оп. 1, № 1105, л. 27 и др.

[16] Там же, № 1095, 1116.

[17] Там же, № 1115, л. 9 об.

[18] Там же, № 1095, л. 61.

[19] Там же, л. 78.

[20] Там же, № 1116, л. 15—15 об.

[21] Там же, № 1105, л. 18, 19 об.

[22] Там же, № 59.

[23] В этом согласны критики и рецензенты, в разное время обратившие внимание на труды великого князя Николая Михаиловича. См.: *Военский К. А.* Вестник Европы. 1906. № 4. С. 779—784; *Паренсов Н.* Исторические труды Великого князя Николая Михаиловича // Исторический сборник. 1911. № 2. С. 205—209; *Игнатович И.* Северные записки. 1913. № 1. С. 175—183; *Мякотин В.* Русское богатство. 1913. № 1. С. 367—382; *Флоровский А. В.* Император Александр I в изображении Великого князя Николая Михаиловича. Одесса, 1913; *Корнилов А. А.* Несколько замечаний о книге Великого князя Николая Михаиловича // Научный исторический журнал. 1914. № 2, вып. 1. С. 18—30.

М. П. ЛЕПЕХИН

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ МИХАИЛОВИЧ И ИЗДАНИЕ «РУССКОГО БИОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ»

«Русский Биографический Словарь», явившийся вершиной русской дореволюционной историографии, был первым и, к сожалению, до настоящего времени остается единственным биобиблиографическим сводом сведений о лицах, оставивших свое имя в анналах российской истории за более чем тысячелетнюю историю русского государства. Событие 25 октября 1917 г. сделало невозможным завершение этого подвижнического труда двух поколений русских историков. В связи с тем, что история этого издания представляется нам достаточно поучительной, мы постараемся кратко напомнить об основных этапах работы над «Русским Биографическим Словарем» (далее — РБС) за три с половиной десятилетия до того дня 18 января 1910 г., когда великий князь Николай Михайлович возглавил Императорское Русское Историческое Общество (далее — РИО).

При создании РИО в 1866 г. составление РБС не было поставлено в число первоочередных задач Общества, основным направлением деятельности которого стало издание тематически подобранных документов, с 1867 по 1916 г. составивших 148 томов «Сборника Императорского Русского Исторического общества». Первые выпуски «Сборника», бывшие сборными в буквальном смысле этого слова — их не отличало тематическое единство — были объединены еще одной общей чертой — неровностью комментария. Пространный в одних случаях и почти отсутствующий в других, зачастую там, где он был совершенно необходим, нередко

дававший разночтения в написании имен, отчеств и фамилий, не говоря уже о несовпадающих датах, — подобный комментарий был свойствен в те годы едва ли не всем изданиям, специализирующимся на исторических публикациях, как-то: «Чтениям в Обществе истории и древностей Российских», «Русскому архиву», «Русской старине», «Старине и новизне», «Древней и новой России» и даже изданиям Археографической комиссии. Впервые на эту неровность комментария к историческим источникам обратил внимание сочленов один из инициаторов создания РИО и первый его почетный председатель великий князь Александр Александрович (будущий император Александр III). Последний отнюдь не был тем невежественным и ограниченным увальнем-пьяницей, образ которого создала советская историческая беллетристика. Единственный из российских самодержцев, которому удалось в своей внешней и внутренней политике руководствоваться прежде всего национальными интересами, был человеком весьма образованным. К русской истории он проявлял не только искренний интерес, но и обнаруживал в ней значительные познания, ибо среди его учителей были Я. К. Грот, К. Н. Бестужев-Рюмин, Р. И. Минцлов, а библиотекарем (и одним из любимых собеседников) был Я. Л. Барсков. От остальных современных ему членов императорской фамилии Александра III отличало не только глубокое знание истории, но и достаточно здравый взгляд на российскую действительность. Едва ли не единственным исключением среди правящей династии в последние годы царствования Александра III был его двоюродный брат великий князь Николай Михаилович, во всем остальном, однако, являвшийся едва ли не совершенной противоположностью своего августейшего кузена. Любовь к изучению отечественной истории была одной из немногих сближающих их черт.

Возвратимся к предыстории создания РБС. Именно великий князь Александр Александрович высказал в одном из собраний РИО мысль о том, что неровность комментария является следствием отсутствия достаточно полного биобиблиографического справочника по русской истории, и им же была предложена идея создания РБС. Этот замысел встретил в сочленах живейшее сочувствие, и в годичном собрании 1875 г. впервые состоялось обсуждение вопроса

об издании словаря. С развернутым изложением его программы выступил князь А. Б. Лобанов-Ростовский, выдающийся генеалог. Предложенный им план действий ни у кого не вызвал возражений, однако Я. К. Грот высказал пожелание, чтобы во главе издания стоял один человек, лично ответственный за судьбу столь ответственого труда, ибо коллективное руководство, пагубное само по себе, особый вред причиняет в деле составления словарей и энциклопедий, чему Грот привел многочисленные примеры из отечественной и всемирной истории. Сочлены не могли с ним не согласиться, однако найти подобающего человека в течение пяти лет так и не смогли, ибо никто не решался взвалить на себя столь неудобоносимую ношу. Любопытна сама мысль о возможной процедуре отбора возможных кандидатов: совет РИО признал необходимым обратиться ко всем русским ученым с запросом, не найдет ли кто из них необходимого времени и сил, при достаточной к тому подготовке, чтобы всецело посвятить себя делу составления и издания РБС. К сожалению, мы не располагаем сведениями, состоялось ли это обращение и в какой форме оно было осуществлено. Тем не менее, уже в следующем годичном собрании Лобанов-Ростовский представил гораздо более подробный проект словаря, для рассмотрения которого была создана специальная комиссия, его одобрившая. На составление РБС по плану отводилось несколько лет, ибо он первоначально задумывался как издание предельно краткое в объеме — не более шести томов с прибавлением тома указателей.

В 1879 г. скончался первый председатель РИО князь П. А. Вяземский, сама личность которого явилась связующим звеном между деятельностью Общества и карамзинским периодом отечественной историографии. Новым председателем РИО был единогласно избран один из его учредителей и первый секретарь Александр Александрович Половцев. Глубокий интерес, обнаруженный его тезкой — великим князем Александром Александровичем — к созданию РБС, воодушевил Половцева и побудил его к столь сложному предприятию, требовавшему не только должных организаторских способностей, но и крупных материальных средств, ибо бюджета Общества как такового не имелось за случайностью и незначительностью поступавших в Об-

щество средств. Не имело РИО и постоянного помещения для заседаний, которые проходили или в Аничковом дворце, или на квартире кого-либо из членов, число которых никогда не превышало двух десятков. Все выходившие до 1875 г. «Сборники Императорского Русского Исторического Общества» были изданы полностью за счет Половцева, забиравшего себе остатки тиражей для частичного покрытия издержек. Несмотря на то что Обществу на издание сборников ежегодно выделялись ассигнования в размере 6000 руб., они не окупали даже расходов по печатанию, а бесплатная рассылка значительного количества экземпляров и отсутствие спроса со стороны возможных покупателей делали эти издания изначально убыточными. Несмотря на это, Половцев смело взял на себя все расходы, связанные с составлением и изданием РБС, заранее зная, что ничем он их возместить никогда не сможет. По достоверным подсчетам великого князя Николая Михаиловича, за тридцать лет управления Половцева им лично было издержано на труды по составлению и изданию РБС более 150 тысяч рублей, и не менее 190 тысяч было израсходовано им на издание «Сборников РИО». Несмотря на большую занятость в должности государственного секретаря, Половцев находил время работать над изданиями Общества, вникая во все мелочи и делая это с большим удовольствием.

Первым шагом к созданию РБС было составление словника. На это ушло почти семь лет и лишь в 1887—1888 гг. вышел «Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского Биографического Словаря, изданный как 60-й и 62-й тома «Сборника РИО». Словник был составлен секретарем РИО Г. Ф. Штендеманом совместно с известным генеалогом и краеведом П. Н. Петровым. В словник вошло около 60 тысяч имен с краткими (годы жизни, тематическая дефиниция) необходимыми сведениями. Ввиду того что в основном корпусе РБС ряд имен отсутствует, а ряд томов вообще не увидел света, «Азбучный указатель» в настоящее время представляет самостоятельную ценность в качестве первичного справочного пособия.

Для исправлений и дополнений словник был разослан 117-ти учреждениям и отдельным лицам, но, за единичными исключениями, ответа или возврата словника РИО вообще

ни от кого не получило. Так называемое образованное общество не проявило ни малейшего интереса к созданию первого сводного словаря и кроме членов РИО замысел создания РБС смог увлечь лишь несколько десятков лиц, составивших авторский коллектив. Но и это случится полтора десятилетия спустя, да и понятие коллектива было чисто условным — для периода до 1900 г. будет, на наш взгляд, более правильным говорить о совокупности авторов. Пока же, в 1877 г., специально учрежденная в РИО Комиссия по изданию словаря взялась подсчитывать примерный его объем. В этом вопросе верх взяло мнение Половцева, который предложил вообще не ограничивать объем издания, сделав его зависимым от суммарного объема всех статей. Это пошло и на пользу, и во вред изданию: статьи вышли за рамки сухих справок, однако многие из них, в особенности посвященные крупным историческим деятелям, особам царской фамилии, — разрослись в самостоятельные монографии, далеко выходящие за рамки сообщения необходимых биографических сведений о данном лице.

Целенаправленная работа по написанию статей для РБС началась лишь в 1889 г. после утверждения «Руководства для составления биографических статей» и обсуждения списка предполагаемых авторов. Кандидатуры последних отбирались весьма строго: Половцев считал, что каждую статью обязательно должен писать лучший знаток данного предмета — время показало, что это идет на пользу отдельной статье, но не изданию в целом. По ходатайству Половцева для лиц, занятых в работе над РБС, были открыты двери государственных архивов.

Уже после кончины императора Александра III, до последних своих дней пристально следившего за деятельностью РИО и за судьбой РБС, в 1896 г. вышел 1-й его том «Аарон — император Александр II». Объем статей был явно непропорционален — 750 страниц из 892 были заняты исследованиями Н. К. Шильдера об Александре I и С. С. Татищева об Александре II; Аксаковы же занимали не более 2—3 страниц каждый. Критика же была явно пристрастной по отношению к первому тому — вместо того, чтобы оценить сам факт появления первого всеобъемлющего свода биографий за тысячелетнюю историю России, зоилы придирчиво выискивали в нем недостатки, указывали на непродуманность

композиции, сокрушались о возможно долгих сроках выхода РБС в целом. Пристрастность критики во многом объяснялась как относительной отгороженностью РИО от повседневной общественной жизни, его крайней замкнутостью, определенной кастовостью и профессиональной элитарностью его немногочисленного состава, наконец — августейшим покровительством. Отметим также, что равнодушный к сбыту отпечатанных томов (большинство которых рассылались им в дар), Половцев совершенно не заботился о рекламе РБС и распространении его в возможно более обширной читательской среде. Качеству издания им уделялось несравнимо больше внимания — весь том прочитывался им самым тщательным образом, и именно взгляд Половцева на освещение тех или иных исторических событий оказывался решающим.

Следующий, 2-й том «Алексинский — Бестужев-Рюмин» вышел 4 года спустя в 1900 г. Это был последний том, вышедший с издательской нумерацией томов; последующие же имели название по ономастическим границам тома, например: «Ибак — Ключарев», «Кнаппе — Кюхельбекер», «Лабзина — Лященко», «Чаадаев — Швитков» и т. п. Подобное положение вещей объяснялось тем, что над многими томами работа была начата почти одновременно, причем временные творческие объединения авторов работали под началом одного из трех редакторов — Г. Ф. Штендемана, Н. Д. Чечулина и Н. П. Собко. Работа продвигалась медленно, ибо авторы писали статьи для различных редакторов; единого же руководителя, который взял бы на себя координацию отношений авторов, редакторов и издателей (в лице РИО), не было, так же как и не было единого плана работы. Непредставлением в срок крупных статей задерживался срок сдачи в печать вполне готовых томов. Помимо редакторского просмотра рукописи тома нуждались в одобрении сперва Половцева, а затем и собрания РИО, которое, по выходе сигнального экземпляра в свет, торжественно подносило изданный том своему августейшему председателю для возможных исправлений и дополнений и, по получении таковых, переносило их в набор, и начиналось печатание тиража тома.

При всей подобной медлительности все же за 14 лет, с пометой на титульном листе — «Издан под наблюдением

председателя Императорского Русского Исторического Общества», было издано 14 томов, в среднем по тому в год. В последние годы жизни Половцева работа под его руководством имела и свои отрицательные стороны. События 1905—1907 гг. были концом той эпохи, в которой прошла вся жизнь Половцева, — они прозорливо воспринимались им как начало распада Российского государства, как бесславный конец его тысячелетней истории. Указ о свободе печати ряд авторов РБС воспринял как возможность говорить на страницах словаря о всех событиях русской истории совершенно открыто, без каких-либо умолчаний. Этого воспитанный в николаевское время Половцев не понимал и, по мере сил, старался не дозволять. Наконец, как ни тягостно об этом писать, в последний год его жизни в психике 78-летнего Половцева произошли возрастные изменения — его внезапно обуяла патологическая скаредность и желание лично редактировать большинство статей. Все это крайне отрицательно сказалось на сроках выхода в свет очередных томов. Тем не менее стоит напомнить, что именно благодаря личности Половцева и его пожертвованиям на издание РБС это издание вообще состоялось. В заседании, посвященном памяти Половцева, его преемник великий князь Николай Михайлович сказал: «На русском языке не было такого рода издания, мало было даже подготовительных работ, но потребность в нем ощущалась самая настоятельная. Половцев решил приняться за этот труд и 25 лет вел его со всей энергией, на которую был способен... Если издание РБС будет закончено, русская наука получит пособие совершенно исключительного значения».

Именно великому князю Николаю Михайловичу и выпала честь завершать это уникальное издание. По кончине Половцева он был высочайше назначен председателем РИО, членом которого являлся еще с 1900 г. Великий князь Николай Михайлович, всецело посвятивший себя историческим изысканиям александровской эпохи, к тому же не отягощенный какой-либо государственной службой, ко времени своего назначения на этот пост находился в полном расцвете сил. Деятельность РИО была ему прекрасно знакома, а биографические исследования всегда представляли для него особый интерес. Работа над созданием РБС явилась закономерным итогом всей его предшествующей деятель-

ности как историка. Опыт организации работы по составлению биографических словарей у него уже был — в Кавалергардском полку он помогал своему старшему товарищу С. А. Панчулидзеву в работе над «Историей кавалергардов» (Т. 1—4. СПб., 1899—1912) и «Сборником биографий кавалергардов» (Т. 1—4. СПб., 1901—1908). Следующим этапом данной деятельности была работа по редактированию биографических справок к издаваемым великим князем Николаем Михаиловичем «Русским портретам XVIII и XIX столетий» (Т. 1—5. СПб., 1905—1909). Наконец, стоит напомнить и об организации великим князем Николаем Михаиловичем работ по составлению некрополей — Петербургского, Московского, Провинциального и Заграничного.

Одним из первых шагов в новой должности великого князя Николая Михаиловича явилось упрочение финансового положения РИО: он добился финансирования всех работ, связанных с составлением и изданием РБС, лично императором — на эти цели Общество ежегодно стало получать по 15 тысяч рублей. Из этих сумм оплачивалась не только авторская — сразу же по предоставлении статей! — но и редакторская работа. Напомним, что Половцевым редакторская работа не оплачивалась вообще, а оплата авторского труда зачастую затягивалась до выхода в свет всего тома. Относительная скромность бюджета РИО стала дополняться выручкой от продажи изданий Общества. По кончине Половцева остатки тиражей вышедших томов РБС и «Сборника РИО» хранились в помещении Нового гостиного двора (где ныне находится исторический факультет С.-Петербургского университета, а в то время находилась сложная система лавок и складов); оттуда они, по согласованию с наследниками Половцева, бескорыстно передавшими все остатки тиражей на нужды РИО, перекочевали в так называемый Запасной дворец, расположенный на Милионной, 36. Все же спрос на эти издания со стороны читающей публики был крайне невелик, ибо, при относительно невысокой цене 3—5 руб. за том, эти издания не представлялись по личному ходатайству бесплатно (как это было заведено в Императорской Академии наук), но отпускались со значительной скидкой.

Великий князь Николай Михаилович, в отличие от Половцева, не стремился вникать во все мелочи подготовки

каждого тома. Ключевой фигурой издания стал редактор тома, лично за него ответственный и выступающий своеобразным связующим звеном между авторским коллективом, с одной стороны и с другой — с советом РИО во главе с председателем. В качестве редакторов выступали люди, достаточно зарекомендовавшие себя в научном отношении. Все они, как правило, занимали относительно хорошо оплачиваемые должности в Императорской Академии наук или Министерстве народного просвещения: С. А. Адрианов, В. Г. Дружинин, И. А. Кубасов, М. Г. Курдюмов, Б. Л. Модзалевский, С. В. Рождественский, Н. Д. Чечулин, Е. С. Шумигорский. Московские авторы, возглавляемые Н. П. Чулковым, трудились обособленно, и два тома вышло в Москве, а один остался в верстке. Таким образом достигалась максимальная экономия времени и сил.

Следует отметить и относительную стабильность авторского коллектива: если при Половцеве в отдельных томах РБС мы могли насчитать более сотни авторов, то в томах, вышедших при великом князе Николае Михайловиче, количество авторов сократилось едва ли не наполовину, причем основную задачу по написанию всего корпуса статей и справок выполнял относительно стабильный коллектив из двух-трех десятков авторов, далеко не все из которых были известны своими учеными трудами: В. Д. Корсакова, Борис, Вадим и Всеволод Модзалевские, А. Никольский, Б. Гласко, Ал. Ельницкий, А. Гельвих, Н. Мурзанов, К. Я. Здравомыслов, В. В. Шереметевский, Б. В. Титлинов, В. В. Бобынин, Н. Д. Финдейзен, братья Ционы, братья Александровичи... Эта плеяда исключительно высокопрофессиональных авторов-источниковедов была в состоянии в предельно сжатые сроки подготовить статью или справку практически о любом более или менее известном деятеле отечественной истории. Относительная материальная независимость (в РБС выплата производилась редактором из подотчетных сумм едва ли не сразу же по представлении статьи из расчета от 200 рублей за авторский лист) позволяла авторам — за немногочисленными исключениями — не заниматься литературной поденщиной в периодике, а также сотрудничать в отечественных полукомпилятивных справочных изданиях, как-то русские версии известных немецких словарей Брокгауза и Мейера.

Политика великого князя Николая Михаиловича принесла свои плоды: издание РБС пошло ускоренными темпами: за 7 лет было издано 11 томов, один том («Вавила — Веселовский») остался в верстке, и еще ряд томов до сих пор находится в рукописи. Отметим, что с 1915 г. великий князь Николай Михаилович, находясь на фронте, не мог постоянно следить за судьбой важнейшего из своих трудов, как он сам именовал свою работу в должности председателя РИО, — но усовершенствованный им механизм издания продолжал прекрасно работать и без его помощи. Менее полугода отделяет выход последнего из увидевших свет томов РБС («Романова — Рясовский») от казни самого великого князя Николая Михаиловича... Новому обществу историческая память оказалась ненужной, ее носители вычеркивались из социальной жизни (трагичны судьбы многих авторов РБС!), справочные издания заменяли фактографию идеологией, — и двадцать пять тяжеловесных томов Русского Биографического Словаря навеки останутся памятником тех десятков людей, которые его создали.

О. С. ОСТРОЙ

ИКОНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ МИХАИЛОВИЧА «РУССКИЕ ПОРТРЕТЫ XVIII И XIX СТОЛЕТИЙ»

Иконографические словари — ценный исторический и историко-культурный источник. Они позволяют больше узнать о соотечественниках или деятелях других стран, попавших в орбиту общественного интереса. Как правило, такие издания состоят из двух равнозначных частей: портретов и биографических справок о каждом из изображенных лиц. Помимо биографических сведений иконографические словари часто содержат факты, относящиеся непосредственно к изобразительному искусству: имя создателя портрета, гравера, тиражировавшего этот портрет, сведения об отпечатках, изданиях, в которых портрет публиковался, и т. д. Эти данные свидетельствуют о большей или меньшей популярности исторического лица в определенную эпоху, иногда — о его личных связях, окружении и др. Одновременно они позволяют углубить знания о творческой биографии художника, судить о степени популярности его произведения.

Первым профессиональным иконографом в России справедливо считается председатель Общества истории и древностей российских Платон Петрович Бекетов, выпустивший в 1821—1824 гг. «Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям...».[1] Начавшись как сборники портретов исторических деятелей, иконографические словари в 80-е гг. XIX в. завершились знаменитым изданием Д. А. Ровинского «Подробный словарь русских гравированных портретов»,[2] где учитывались все известные соста-

вителю портретные изображения вне зависимости от роли данного лица в истории Российского государства.

В начале XX столетия в иконографии преобладал интерес к портретам людей ушедших эпох, что легко объясняется общим интересом к отечественной истории. Этот объективный процесс отразился и в устройстве ретроспективных портретных выставок. Знание иконографии включалось непосредственно в историческое знание. История же в эту эпоху «непосредственно вторгалась в быт, в повседневную жизнь людей, нарушая ее как бы привычное течение, ломая привычные связи и отношения, становясь важнейшим слагаемым в том представлении об окружающем мире, которое складывалось в сознании человека этой кризисной эпохи».[3]

В 1905 г. в Таврическом дворце открылась организованная С. П. Дягилевым грандиозная выставка портретов, имевшая огромный общественный резонанс. Современники отмечали ее новаторский характер и высокий научный уровень. И. Э. Грабарь писал: «С дягилевской выставки начинается новая эра изучения русского и европейского искусства XVIII и первой половины XIX века».[4] Выставка явилось результатом обследования множества дворянских усадеб и изучения там живописного иконографического материала. По материалам выставки был издан каталог с подробным описанием произведений и биографическими справками, составленными Н. Н. Врангелем.[5]

В том же 1905 г. на основании экспозиции в Таврическом дворце Дягилев задумал осуществить Словарь русских портретов в целом. В его намерения входило описание портретов XVII—XX вв. Однако это тщательно продуманное и основанное на широкой базе (ибо кроме выставочной экспозиции учитывались фонды ряда художественных музеев и галерей) издание не состоялось. Редактор журнала «Старые годы» П. П. Вейнер объясняет это тем, что у Дягилева не было необходимой на издание суммы и его отвлекало устройство русских театральных сезонов за рубежом.[6] В значительной степени это верно. Однако можно указать и еще на одну причину: с 1905 г. начали выходить в свет тома «Русских портретов», подготовленные великим князем Николаем Михаиловичем — историком-любителем, много сделавшим для изучения ряда сюжетов отечественной исто-

рии и издания справочников.[7] В отличие от Словаря Ровинского, здесь учитывались работы, выполненные пастелью и акварелью.

Словарь «Русские портреты XVIII и XIX столетий», не претендуя на глобальность дягилевского замысла, обладал тем серьезным преимуществом, что был осуществим. Он состоял из 5-ти томов. Каждый том содержал 4 выпуска, где было помещено 100 таблиц: 50 гелиогравюр и 50 фототипий с живописных портретов общей хронологический протяженностью от екатерининской эпохи до конца царствования Александра I. Всего — более 1000 воспроизведений, как правило, с известных оригиналов, но и просто интересных с исторической точки зрения.

Издание было подписным, цена каждого тома — 50 рублей. Тираж намечался 1200 экземпляров, однако составитель планировал его несколько более радужно, чем следовало бы. Первый том действительно вышел в количестве, намеченном Николаем Михаиловичем, однако издание расходилось плохо. Магазины, как правило, брали 5—10 экз. каждого выпуска, и хотя обязательными подписчиками стали все основные университеты и духовные академии страны,[8] спустя 4 года после выхода последнего тома довольно много экземпляров остались нераспроданными. Так, например, количество оставшихся нереализованными выпусков 1-го тома составляло обычно от 269 до 301 экз., что при общем тираже в 1200 экз. составляет почти четверть.[9]

Уже по выходе первого тома стало ясно, что тираж завышен, поэтому остальные тома печатались по 800 (2-й том) — 700 (3—5-й тома) экземпляров.[10] Расходы же были велики. На изготовление каждого выпуска 3-го тома, например, затрачивалось около 6000 руб.[11]

Николай Михаилович имел возможность распоряжаться Экспедицией заготовления государственных бумаг. Именно здесь печатались тома «Русских портретов» на бумаге высокого качества и с хорошо выполненными фотомеханическим способом репродукциями. Издатель предпочел гелиогравюры — способ воспроизведения дорогой, но с большой точностью воспроизводящий оригинал.

В составлении биографических справок принимали участие видные историки страны: К. А. Военский, А. А. Голомбиевский, Л. Б. Модзалевский, С. Н. Казнаков, Н. П. Чул-

ков, Е. С. Шумигорский. Помимо биографических справок давались сведения о местонахождении оригинала воспроизводимого портрета, вспомогательные указатели изображенных лиц, художников, владельцев портретов. Такие сведения сильно раздвигали рамки иконографического указателя, позволяли использовать его в ряде случаев для чисто искусствоведческих разысканий и музееведческой информации — при устройстве выставок.

Подобный аппарат не был случайностью, а явился результатом последовательно проводимого издателем-составителем просветительского курса. Николай Михайлович ставил целью познакомить своих современников с обликом их предков, особенно тех, кто сыграл определенную роль в истории Русского государства. В письме крупному петербургскому коллекционеру Е. Е. Рейтерну, приславшему похвальный отзыв на 1-й том, он писал: «Меня Ваше одобрение весьма польстило, и я решаюсь Вам послать 4 выпуска за 1905 год и вышедшие 3 выпуска за 1906 год. Может быть, Вы пожелаете подписаться на это издание, которое требует от меня больших расходов. Подписная цена 50 руб. Если я останусь жив и здоров, то предполагаю издать еще целую серию таких выпусков, чтобы дать возможно большое число изображений и биографий общества конца XVIII и начала XIX веков».[12]

Последняя фраза особенно показательна и свидетельствует об историко-социологических и в какой-то мере историко-психологических намерениях автора. Каждый том его издания вмещал портреты определенной исторической эпохи, а в сумме все тома давали представление об изменении облика (внешнсти, одежды) русского человека и самой манеры его изображения. Последнее было очень существенно для искусствоведов. Сам Николай Михайлович не считал свой грандиозный труд словарем, рассматривал его как предварительные материалы к словарю. Однако историки искусства оценили издание очень высоко. Так, знаток иконографии Н. Н. Врангель отметил в ряде случаев абсолютную новизну представленных портретов, не демонстрировавшихся на выставках, и любопытные историко-бытовые подробности в текстах биографий.[13]

Последний том «Русских портретов» вышел в 1909 г., а в 1910-м на страницах журнала «Старые годы» появилось

объявление-реклама, извещающее о намерениях журнала издать полное собрание русского портрета.[14] Намерению этому по многим причинам не суждено было осуществиться.[15] Таким образом, издание Николая Михаиловича стало последним капитальным иконографическим трудом, вышедшим в дореволюционной России. Оно отчетливо демонстрировало победу исторической линии в этом деле, по сравнению со второй половиной столетия, когда преобладал чисто справочный и коллекционерский элемент, что сказывалось и на композиции трудов, например на алфавитном (а не хронологическом) расположении материала.

Сам издатель писал о своем труде: «Цель будет достигнута, если издание даст значительное число портретов русских людей второй половины XVIII и начала XIX столетий и если этим путем издателю удастся сохранить навсегда изображения, оригиналы которых, быть может, погибнут затем от времени и неблагоприятных условий хранения или бесследно исчезнут».[16] Последующие исторические события подтвердили дальновидность издателя.

Серьезное развитие иконографии на рубеже веков и в начале XX столетия объясняется помимо общего интереса к исторической тематике еще и широкими возможностями использования иконографического материала. «Иконографией заинтересуется историк, художественными достоинствами и разного рода деталями быта — художник, может быть, найдет здесь интересный материал для себя и археолог, писатель, ученый», — писал журнал «Русский библиофил» в 1914 г.[17] Этим задачам вполне отвечало издание «Русских портретов», задуманное и во многом осуществленное Николаем Михаиловичем.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Бекетов П. П.* Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям, воинским и гражданским, по учености, сочинениям, дарованиям, или коих имена по чему другому сделались известными свету, в хронологическом порядке, по годам кончины, с приложением их кратких жизнеописаний. М.: тип. А. Семена, 1821—1824. Ч. I. Вышла одна часть в 5-ти отделениях, по 10 портретов в каждом.

[2] *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов: В 4 т. СПб.: тип. АН, 1886—1889.

[3] *Долгополов Л. К.* На рубеже веков: О рус. лит. конца XIX — нач. XX в. Л., 1977. С. 11.

[4] Цит. по изд.: Сергей Дягилев и русское искусство. М., 1982. Т. 1. С. 289.

[5] Каталог состоящей под высочайшим его императорского величества покровительством историко-художественной выставки русских портретов...: В 8 ч. СПб., 1905.

[6] ГРМ, ф. 117, оп. 1, ед. хр. 190, л. 16.

[7] Русские портреты XVIII и XIX столетий: В 5 т. СПб.: Экспедиция загот. гос. бумаг, 1905—1909.

[8] ЦГИА, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 442, л. 96.

[9] Там же, л. 506.

[10] Там же, ед. хр. 441.

[11] Там же, ед. хр. 510, л. ненум.

[12] ГРМ, ф. 10, ед. хр. 125, л. 5 об. — 6.

[13] Старые годы. 1909. № 6. С. 331.

[14] Там же. 1910. № 4. С. 55.

[15] Анализируя причины, издатель журнала П. П. Вейнер называет, в частности, мировую войну и смерть одного из главных авторов — Н. Н. Врангеля (1915 г.). После 1917 г., естественно, идея была забыта.

[16] Русские портреты XVIII и XIX столетий... С. [IV].

[17] *Рождественский В.* Частные собрания гравюр и Каталог А. В. Морозова // Рус. библиофил. 1914. № 2. С. 51.

М. М. САФОНОВ

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ МИХАИЛОВИЧ — ПУБЛИКАТОР ПИСЬМА БЕНИГСЕНА О СМЕРТИ ПАВЛА I

«Друг мой, знаешь ли ты новость? — «Что такое?» — «Император Павел умер». Так, едва ли не каждый день на протяжении четырнадцати лет совместной жизни госпожа Андржейковска, четвертая по счету жена престарелого генерала Бенигсена, терзала совесть своего супруга, одного из ведущих деятелей дворцового переворота 11 марта 1801 г.[1]

Среди участников заговора против Павла I Л. Л. Бенигсен, пожалуй, самая загадочная фигура. Определенный свет на его не вполне понятную судьбу пролил великий князь Николай Михаилович.

Едва ли не самый главный виновник убийства Павла, Бенигсен оказался единственным человеком из тех, кто находился в императорской спальне в ту роковую для царя ночь, и не только не подвергся опале, но сохранил расположение нового императора Александра, который доверил ему командование войсками в борьбе против Наполеона. На этом посту Бенигсен стяжал славу, правда, не надолго, «победителя непобедимого». «Битва под Пултуском, — хвастался впоследствии Бенигсен, — мой военный шедевр, я маневрировал на глазах у Наполеона, как на параде». Нетрудно догадаться, какой интерес должны были представлять мемуары этого человека. «Mon „Mémoires de mon temps“ насчитывают семь томов, — сообщил Бенигсен генералу А. И. Михайловскому-Данилевскому в 1818 г., — и начинаются с 1763 г.».[2]

Бенигсен умер в 1826 г. в Ганновере. Легко представить тревогу русского правительства, когда в 1876 г. в Западной Европе появились сообщения о том, что по истечении 50 лет после смерти автора согласно воле покойного мемуары Бенигсена, находившиеся в руках потомков, будут опубликованы.[3]

В связи с этим для Александра II архивист К. К. Злобин подготовил специальную записку «О получении мемуаров Бенигсена от его вдовы в 1826 г.». Записка была составлена на основании депеш министра-резидента в Гамбурге Струве.

Слухи о публикации мемуаров Бенигсена возникли сразу же после его смерти. Поэтому Струве предложили из Петербурга купить рукопись у вдовы усопшего. Министр иностранных дел К. В. Нессельроде известил об этом русских послов в Лондоне и Париже. Им было приказано дезавуировать любую публикацию бенигсеновских мемуаров как фальсификацию.

Вдова Бенигсена передала Струве бумаги мужа в 17 пакетах. Среди этих бумаг находились четвертый, пятый, шестой и седьмой тома мемуаров генерала. Вдова не могла объяснить, почему мемуары начинались с четвертого тома, содержавшего описание военной кампании 1806 г. Наибольший интерес представлял семнадцатый пакет. В отличии от прочих, он был запечатан и адресован в собственные руки его величества.[4]

Все эти документы были доставлены Николаю I, а он передал их в Главный штаб. Сейчас они находятся в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР, в бумагах Бенигсена, но семнадцатого пакета там нет.[5]

В 1876 г. гадали, действительно ли мемуары начинались с четвертого тома, не находились ли три первых в запечатанном пакете? Если четвертый том начинался с описания кампании 1806 г., то первые три тома должны были быть посвящены предшествующему периоду, на который приходились события марта 1801 г. Не сохранились ли эти компрометирующие династию Романовых материалы у вдовы Бенигсена? Все эти вопросы оставались без ответа. Впрочем, как мы теперь знаем, русское правительство напрасно предприняло столько усилий, чтобы воспрепятствовать публикации воспоминаний Бенигсена об убийстве Павла.

К тому времени, когда Струве осуществлял свою «операцию» по изъятию бумаг одного из главных участников дворцового переворота 11 марта 1801 г., воспоминания Бенигсена об убийстве Павла уже были опубликованы, правда, анонимно, на французском, немецком, английском, а некоторое время спустя и на датском языке.[6] Однако тайна семнадцатого пакета так тайной и осталась.

Вопреки запрещению Струве в семье Бенигсена остались копии с его рукописей, рассказывающих об убийстве Павла I. В конце XIX — начале XX века эти документы стали появляться в печати.

В 1917 г. вел. кн. Николай Михаилович опубликовал на страницах «Исторического вестника» письмо Бенигсена А. Б. Фоку, своему бывшему адъютанту, документ, в котором излагалась история заговора против Павла I и ход дворцового переворота, закончившегося расправой над царем. По словам публикатора, это письмо было «написано в марте 1801 г., несколько дней спустя после убийства». Опубликованный текст представлял собой копию, снятую рукой внучки Бенигсена Теодоры Баркхаузен. Копия эта была получена Теодорой от своей матери, внучки Бенигсена. «Отрывки этого письма, — писал Николай Михайлович, — уже не раз напечатаны и в России и за границей профессором Шиманом, но целиком, без пропусков, письмо не появлялось в печати».[7] Стало быть свою заслугу перед историческй наукой великий князь видел в том, что он впервые обнародовал полный текст этого чрезвычайно важного для истории мартовских событий документа. (Только двое из участников заговора оставили описание дворцового переворота 11 марта: офицер Семеновского полка К. М. Полторацкий и Бенигсен, но Полторацкий не был очевидцем цареубийства).

К сожалению, вел. кн. Николай Михайлович оказался не совсем прав. Действительно, Т. Шиман, немецкий историк, опубликовал часть письма Бенигсена в Германии на французском языке. Затем публикация была воспроизведена на русском языке в сборнике «Цареубийство 11 марта 1801 года».[8] «В сообщаемом документе, — писал Шиман, — опускается только введение к рассказу Бенигсена, так как оно заключает в себе неверное по содержанию описание сумасбродств Павла и не сообщает ничего нового». Между

тем еще в 1908 г. в Париже вышла из печати подготовленная офицером Главного штаба капитаном Казалесом публикация полного текста письма Бенигсена Фоку на французском языке. Она вошла в состав трехтомной публикации мемуаров генерала.[9] Текст письма был получен Казалесом от внуков Бенигсена. Но этот текст был отличен от того, который впоследствии опубликовал Николай Михаилович. К сожалению, великий князь, видимо, не знал об этой публикации. Историк не подозревал, что ему выпала честь ввести в научный оборот одну из редакций письма и опубликовать русский перевод его. В связи с этим трудно не упрекнуть Николая Михаиловича за то, что, публикуя этот документ, русский историк воздержался от обстоятельного комментария к нему. Великий князь ограничился лишь тем, что отметил: письмо свидетельствует «о глубоком цинизме писавшего его ганноверского выходца, всегда презиравшего Россию и русских».[10]

Письмо состоит как бы из двух частей. Вторая часть содержит описание истории заговора и убийства императора. Первая же подробно повествует о сумасбродствах царя. Это — обвинительный акт правлению Павла. Он призван убедить читателя в том, что устранение императора было неизбежно. Это очень важная часть письма, так как она отражает взгляд заговорщиков на правительственную деятельность Павла и демонстрирует приемы, с помощью которых конспираторы старались снять с себя обвинение в убийстве.

Приведу только один пример. Он касается одного из самых трагических эпизодов павловского царствования. В 1800 г. на Дону был засечен насмерть полковник Евграф Грузинов. Причины зверской расправы с ним не совсем понятны. Видимо, среди донской администрации, а возможно и в Петербурге, были люди, заинтересованные в умерщвлении Грузинова. В своем письме Бенигсен дал этому случаю следующую интерпретацию. «Павел ожидал благоприятного лишь случая, чтобы вновь ввести смертную казнь и располагать таким образом жизнью своих подданных... чрезвычайно довольный представившимся случаем приучить народ к смертной казни, Павел утвердил приговор Грузинову с пометкой исполнить немедленно». Так этот офицер, вина которого заслуживала бы самое большее ареста на

некоторое время, погиб на эшафоте. Получалось, что Павел приказал засечь Грузинова до смерти и это было исполнено в Черкасске.[11]

В действительности дело обстояло совсем иначе. Военно-судная комиссия приговорила Грузинова «за измену государю» к четвертованию. За день до решения комиссии Павел подписал указ: Грузинова «наказать нещадно кнутом и отправить к нашему генерал-прокурору»,[12] то есть после экзекуции Грузинов должен был остаться живым. На Дону Грузинова действительно засекли до смерти. Но Павел был тут ни причем. Как раз наоборот, царь приказал исключить из службы и судить уголовным судом генерала Репина «за приведение в исполнение сентенции смертной казни на Дону, вместо заменяющего оную наказания, положенного нашей резолюцией».

Как видим, рассказ Бенигсена апокрифичен. Задача публикатора состояла в том, чтобы вскрыть тенденциозность публикуемого документа. Сделать это было необходимо хотя бы потому, что если разобрать вздорные обвинения Бенигсена по пунктам, то читатель его письма, прежде чем перейдет к описанию обстоятельств убийства Павла, уже составит себе ясное представление об авторе как безнадежном лгуне и фальсификаторе. Кроме того, сообщениями Бенигсена о правлении Павла историки пользуются без всякой критики, и это приводит к искажению истины.[13]

Важнейший вопрос, который встает перед исследователями, — и довольно странно, что он не возник у Николая Михаиловича, — заключается в том, действительно ли письмо Бенигсена Фоку написано в марте 1081 г. и, вообще, не является ли оно литературной фикцией?

Все историки, которые пользовались этим письмом (Шиман, вел. кн. Николай Михаилович, Казалес, Эйдельман), принимали пометку «марта 1801 г.» за чистую монету. Между тем в тексте письма есть одна фраза, которая позволяет усомниться в этой датировке. В письме упоминается «подполковник кн. Яшвиль, брат артиллерийского генерала Яшвиля».[19] Несомненно, это — ключ к датировке. Если братья Яшвили получили свои чины не раньше апреля 1801 г., дата письма оказывается фиктивной.

С этой целью я попытался проследить карьеру братьев Яшвилей. Мне удалось установить, что все сведения о них,

встречающиеся в исторической литературе, затрагивающей мартовские события 1801 г., неверны.

Н. Я. Эйдельман называет убийцу Павла I «полковником Яшвилем».[15] В именном указателе обозначены инициалы этого человека — «В. М.»,[16] что означает: «Владимир Михайлович Яшвиль». По всей видимости, Н. Я. Эйдельман почерпнул эти сведения из комментариев А. Б. Лобанова-Ростовского к записке А. Коцебу. В комментариях сказано: «Князь Владимир Михайлович Яшвиль, из капитанов гвардии артиллерийского батальона произведенный 5 мая 1800 г. в полковники с определением в конный батальон Богданова 2-го (20 марта 1801 г., по смерти Павла, переведен в л.-гв. артиллерийский батальон); у него был старший брат, князь Лев Михайлович Яшвиль, из полковников 6-го артиллерийского полка произведенный 13 ноября 1800 г. в генерал-майоры с назначением цейхместером флота, генерал-от-артиллерии 1 января 1819 года».[17] Аналогичные сведения встречаются и в биографической литературе.[18] Однако эти данные неверны. Из подлинных приказов Павла I, отданных по армии, явствует, что незадолго перед переворотом карьера братьев Яшвилей складывалась так. Старший брат Владимир, полковник артиллерийского Булыгина батальона 11 января 1800 г. был назначен батальонным командиром.[19] 20 апреля этого же года он получил должность командира артиллерийского Булыгина полка.[20] 3 сентября это военное подразделение стало именоваться 6-м арт. полком. 13 ноября 6 арт. полка полковник Яшвиль был произведен в генерал-майоры с назначением флота цейхместером. Уже после дворцового переворота, 16 марта 1801 г. флота цейхместер Яшвиль был переведен в л.-гв. арт. батальон.[21]

Младший брат Лев Михайлович Яшвиль, капитан л.-гв. арт. батальона, 5 мая 1800 г. был повышен до полковника и определен в конный Богданова 2-го арт. батальона.[22] После переименования (3 сентября 1800[23]) этого подразделения в 8-ой арт. полк Лев Яшвиль оставался в нем служить в чине полковника до переворота. 21 марта 1801 г. Александр I перевел полковника 8 арт. полка Яшвиля в л.-гв. арт. батальон.[24]

Таким образом в марте 1801 г. в л.-гв. арт. батальоне служили два брата Яшвиля: старший, Владимир, генерал-майор и младший, Лев, полковник. Кто же из них был

в числе заговорщиков? Это хорошо видно из дальнейшей служебной карьеры братьев.

13 октября 1801 г. генерал-майор Владимир Яшвиль, занимавший тогда уже должность шефа 10 арт. полка, был отставлен от службы, выслан из Петербурга, и его служебное поприще окончилось навсегда.[25] Когда же М. И. Кутузов в 1812 г. привлек к военным действиям «находящегося в ссылке» генерал-майора Яшвиля, то есть Владимира, главнокомандующий получил за это высочайший выговор.[26]

Лев же Яшвиль, по аттестации Пушкина «педераст и отъявленный игрок»,[27] сделал блестящую карьеру. В 1808 г. он был произведен в генерал-майоры, а в 1819 г. стал генералом от артиллерии;[28] впоследствии он возглавлял всю артиллерию 1-й армии.

Для нас важно то, что, когда Бенигсен писал свое письмо, он уже знал: брат убийцы Павла I — артиллерийский генерал. Бенигсен невольно проговорился, и произошло это не ранее 1808 г., но скорее всего после 1819 г. Нет ничего удивительного в том, что, спустя столько лет, Бенигсен по ошибке назвал в своем письме полковника Яшвиля подполковником.

Впрочем, это сочинение Бенигсена письмом можно назвать весьма условно. Когда А. Г. Тартаковский исследовал письма Бенигсена Фоку о войне 1812 г., то историк без труда опроверг даты этих писем. Исследователь показал, что в них рассказывается о событиях, произошедших позже тех дат, которыми они обозначены.[29] Очевидно, что Бенигсен писал свои мемуары, придавая им форму писем, которая являлась литературной фикцией. Несомненно, письмо Бенигсена Фоку было создано с помощью такого же творческого приема.

Достоверность версии убийства Павла I, изложенной в этом письме, всегда ставилась исследователями под сомнение. Уж слишком неправдоподбными казались сведения Бенигсена. Мне посчастливилось обнаружить часть материалов расследования этого убийства, которое вела супруга покойного, вдовствующая императрица Мария Федоровна.[30] Они позволяют документально опровергнуть версию Бенигсена. Но это уже самостоятельный сюжет.

Как однажды удачно заметил А. Коцебу, Бенигсен обладал «непостижимым искусством представлять почти невин-

ным свое участие в заговоре».[31] Однако это искусство давалось Бенигсену не без труда. Он создал много, затрудняюсь сказать точно, сколько именно, версий, устных и письменных. Одна из них была введена в научный оборот вел. кн. Николаем Михаиловичем. Благодаря его публикации возможности исследовать эти версии расширились. Что ж, это был, хотя и довольно скромный, но все же вклад в изучение дворцового переворота 11 марта 1801 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Choiseul-Gouffier Reminiscences sur l'Empereur Alexandre Ier et sur l'Empereur Napoleon Ier. Paris, 1862. P. 376.

[2] Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. СПб., 1908. С. 139.

[3] *Эйдельман Н. Я.* Записки Бенигсена // Встречи с книгой. М., 1979. С. 301—302.

[4] О получении мемуаров генерала Л. Л. Бенигсена от его вдовы // ЦГАДА, ф. 30, № 98, л. 1—8 об.

[5] ЦГВИА СССР, ф. 471; ф. 215, оп. 2, № 80, 81.

[6] См. подробно: *М. М. Сафонов.* Французские источники публикации о смерти Павла I в «Историческом сборнике» А. И. Герцена и Н. П. Огарева // Книга в России в эпоху Просвещения. Л., 1988. С. 133.

[7] Исторический вестник. 1917. Т. 148. Апр. — июнь. С. 528—529.

[8] Цареубийство 11 марта 1801 года. С. 135—156.

[9] Mémoires du général Benigsen. Paris, 1909. P. 397—472.

[10] Исторический вестник. 1917. Т. 148. С. 528.

[11] Там же. С. 548.

[12] ЦГАДА, ф. VI, № 3501, л. 2; *Гвинчидзе О. Ш.* Братья Грузиновы. Тбилиси, 1965. С. 92, 104.

[13] *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1982. С. 126.

[14] Исторический вестник. 1917. Т. 148. С. 557.

[15] *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. С. 323, 326.

[16] Там же. С. 367.

[17] Цареубийство 11 марта 1801 года. С. 418—419.

[18] *Артамонова И.* Яшвиль В. М. // Русский биографический словарь. Т. [XXV] Яблонский-Фомин. СПб., 1913. С. 210. См. обзор литературы.

[19] Копии с высочайших е. и. в. приказов, отданных в С.-Петербурге 1800 года. СПб., 1800. (Далее: Приказы). С. 11.

[20] Там же. С. 114.

[21] Там же. С. 207, 299; Санкт-Петербургские ведомости. 1801. 22 марта.

[22] Приказы. С. 125.

[23] Там же. С. 207.

[24] Санкт-Петербургские ведомости. 1801. 26 марта.

[25] Там же. 24 окт.

[26] Русская старина. 1881. № 11. С. 665—666.

[27] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1954. Т. VI. С. 19.

[28] *Артамонова И.* Яшвиль Л. М. // Русский биографический словарь. Т. [XXV] Яблонский-Фомин. С. 210—211.

[29] *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 71.

[30] Переписка Марии Федоровны с разными лицами по поводу оправдания В. А. Зубова и Н. А. Зубова // ЦГАОР СССР, ф. 663, оп. 1, № 6, 7.

[31] Цареубийство 11 марта 1801 года. С. 400.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
Генерал-Адъютанта Генерал-Лейтенанта Великого Князя
НИКОЛАЯ МИХАИЛОВИЧА

I. Чин, имя, отчество и фамилия. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Генерал-Адъютант Генерал-Лейтенант Великий Князь НИКОЛАЙ МИХАИЛОВИЧ.

II. Должность по службе. Шеф: л<ейб>-гв<ардии> 3 арт<иллерийской> бриг<ады>, 82 пех>отного< Дагестан<ского> Имени Своего п<олка> и 4 роты л<ейб>-гв<ардии> 4 стр<елкового> ИМПЕР<АТОРСКОЙ> Фам<илии> п<олка>. Числится: в п<одполковниках> Кавалерг<ардского> ЕЯ ВЕЛИЧ<ЕСТВА> ГОСУД<АРЫНИ> ИМПЕР<АТРИЦЫ> МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ, л<ейб>-гв<ардии> Конно-Гренадер<ского>, л<ейб>-гв<ардии> 4 стр<елкового> ИМПЕР<АТОРСКОЙ> Фам<илии> и 16 гренад<ерского> Мингр<ельского> ЕГО ИМПЕР<АТОРСКОГО> ВЫСОЧ<ЕСТВА> Вел<икого> Кн<язя> ДМИТРИЯ КОНСТАНТИНОВИЧА, во 2 батар<ее> гвард<ейской> кон<но>-артил<лерийской> бр<игады> и в 1 Кавказск<ом> Ген<ерал>-Фельдм<аршала> Вел<икого> Кн<язя> МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА стрел<ковом> полку.

III. Ордена и знаки отличия. Кавалер Орденов Российских: Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Белого Орла, Св. Анны 1 ст., Св. Станислава 1 ст., Св. Владимира 3 и 4 ст. и Св. Георгия 4 ст. Иностранных: Прусского «pour le mérite», Вир-

тембергской короны, Баденского — Верности, Мекленбург-Шверинского — Вендской Короны и за храбрость, Датского — Слона, Бухарского — Золотой Звезды, украшен<ной> брил<лиантами>, Французского — Почетного Легиона 1 ст., Греческого — Спасителя, Гессен-Дармштадтского — Филиппа Великодушного, 1 ст., и Черногорского — Князя Даниила I-го 1-й ст.; имеет светло-бронзов<ую> медаль в память войны 1877—1878 гг.

IV. Когда родился. 14 апреля 1859 года.

V. Из какого звания происходит и какой губернии уроженец. Сын ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Государя Великого Князя МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА, уроженец С<анкт>-Петербургской губернии.

VI. Какого вероисповедания. Православного.

VII. Где воспитывался. Воспитывался под надзором Августейших Родителей, имеет аттестат о выдержании экзамена из полного курса классической гимназии и окончил курс в Николаевской Академии Генерального Штаба по 1-му разряду.

VIII. Получаемое на службе содержание.

Жалованья	1800 р.
Столовых	1401 р.
Квартирных	1989 р.
Пенсии по орд<ену> Св. Георгия	150 р.
Итого	5340 р.

Сверх того фуражн<ых> на 3 верхов<ых> лошадей.

IX. Прохождение службы.

Когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы и перемещения из одного места службы или должности в другую, с объяснением по какому случаю, по воле начальства

или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличия, Всемилостивейшие рескрипты и Высочайшие благоволения.

	Годы	Месяцы	Числа
Назначен Шефом 3-й Гвардейской и Гренадерской Артиллерийских бригад и состоит Л<ейб>-Гв<ардии> в Конно-Гренадерском полку и Л<ейб>-Гв<ардии> во 2-й легкой батарее (ныне 2-я батарея Гвардейской Конно-Артиллерийской бригады) . . .	859	Апр.	14
Всемилостивейше пожалованы при Священном Крещении орденские знаки Св. Апостола Андрея Первозванного с цепью, Св. Александра Невского, Белого Орла и Св. Анны 1 ст.	»	Мая	3
Всемилостивейше пожалован орден Св. Станислава 1 ст.	865	Июня	11
Назначен Шефом 82 пехотного Дагестанского полка	870	Окт.	13
Подпоручиком	875	Апр.	14
Поручиком	876	»	»
Всемилостивейше пожалован орден Св. Станислава 4 ст.	877	Окт.	3
Штабс-Капитаном	»	Апр.	14
По приказанию Главнокомандующего Кавказскою армиею прикомандирован к переменному составу Кавказской учебной роты для несения службы	»	Мая	27
Назначен заведывающим офицерским отделением и Командиром 4-го взвода	878	Мая	29
Откомандирован от переменного состава Кавказской учебной роты	»	Дек.	8
Назначен Флигель-Адъютантом к ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ	879	Апр.	8
Приказом по Кавказской армии и Кавказскому военному округу за № 257, прикомандирован к 2-му Кавказскому стрелковому ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Великого Князя МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА батальону для несения службы . . .	»	Авг.	9
Приказом по батальону назначен командующим ротой	»	Сен.	29
ВЫСОЧАЙШИМ приказом зачислен в этот батальон с оставлением в звании флигель-адъютанта	»	Окт.	13
Утвержден в должности ротного командира . .	880	Янв.	16
Назначен председателем батальонного суда . . .	»	Окт.	16
За результаты выше отличной оценки, данные ротой на смотру стрельбы Инспектора стрелковой части,			

	Годы	Месяцы	Числа
Всемилостивейше награжден орденом Св. Владимира 4 ст.	880	Нояб	26
Утвержден в должности председателя батальонного суда	881	Янв.	1
По приказанию Главнокомандующего Кавказской армией командирован в г. С<анкт>-Петербург	»	»	19
Капитаном	»	Мар.	5
Со старшинством с	»	Февр.	17
Возвратился из командировки в батальон	»	Мар.	22
Сдал должность председателя батальонного суда	»	Мая	20
Сдал должность ротного командира	»	Июня	1
По ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению зачислен на службу в Л<ейб>-Гв<ардии> Конно-Гренадерский полк	»	»	19
При участии 18 июля 1881 г. в двухверстной обязательной скачке получил 2-й приз	»	Авг.	1
Откомандирован от Л<ейб>-Гв<ардии> Конно-Гренадерского полка	»	Окт.	2
В постоянной командировке в С<анкт>-Петербурге	»	Окт.	3
По выдержании приемного экзамена зачислен в Николаевскую Академию Генерального Штаба	882	»	4
ВЫСОЧАЙШИМ приказом зачислен в Кавалергардский ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА полк Ротмистром	885	Февр.	26
Со старшинством с	»	»	»
По окончании курса наук в Академии ВЫСОЧАЙШИМ приказом зачислен в Генеральный Штаб с оставлением в звании Флигель-Адъютанта и во всех тех частях, в которых числится	»	Мар.	29
Назначен вр<еменно> командующим № 2 эскадроном	»	Апр.	14
Утвержден членом полкового суда	»	»	17
Сдал командование № 2 эскадроном	»	»	19
Сдал должность члена полкового суда	»	Окт.	16
Назначен вр<еменно> командующим № 2 эскадроном	6	·янВ	988
Сдал командование № 2 эскадроном	»	»	16
Назначен заведывающим полковой учебной командой	»	Сен.	23
Утвержден членом полкового суда	»	Окт.	4
Утвержден заведывающим полковой учебной командой	»	»	»
Сдал должность члена полкового суда	887	Апр.	6
Утвержден членом полкового суда	»	Дек.	20
Сдал должность члена полкового суда	888	Июня	11
Назначен вр<еменно> командующим № 2 эскадроном	889	Янв.	2
Сдал командование № 2 эскадроном	»	»	25

	Годы	Месяцы	Числа
Утвержден членом полкового суда	889	Мар.	20
Назначен командующим № 2 эскадроном . . .	»	Мая	6
Утвержден командиром № 2 эскадрона	»	»	18
Сдал должность члена полкового суда	890	Сен.	28
Утвержден членом полкового суда	891	Февр.	23
Сдал должность члена полкового суда	»	Авг.	26
Утвержден в должности председателя полкового суда	»	Окт.	11
ВЫСОЧАЙШЕ соизволено на принятие звания Председателя ИМПЕРАТОРСКОГО Русского Географического Общества	892	Февр.	13
Полковником	»	Апр.	5
Сдал командование № 2 эскадроном	»	»	13
Назначен помощником командира полка по строевой части	»	»	15
Утвержден в этой должности	»	»	22
Сдал должность председателя полкового суда . .	»	Июня	14
Назначен вр<еменно> командующим полком . .	893	Июня	23
Сдал эту должность	»	»	30
Утвержден в должности председателя полкового суда	»	Нояб.	24
ВЫСОЧАЙШЕ разрешено принять и носить орден 16 Гренадерского Мингрельского ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Великого Князя ДМИТРИЯ КОНСТАНТИНОВИЧА полка с оставлением в звании Флигель-Адъютанта	894	Февр.	5
Прибыл в полк	»	Мар.	21
ВЫСОЧАЙШИМ приказом за отличие по службе произведен в Генерал-Майоры с оставлением командиром полка	896	Мая	14
Вр<еменно> командовал 2-й бригадой Кавказской гренадерской дивизии	896	Авг.	8
	»	Сен.	5
ВЫСОЧАЙШЕ разрашено принять и носить орден Бухарской звезды, украшенной бриллиантами . . .	896	Окт.	5
Вр<еменно> командовал 2-ю бригадою Кавказской гренадерской дивизии	897	Июня	18
	»	Окт.	17
ВЫСОЧАЙШИМ приказом назначен Командующим Кавказской гренадерской дивизией	897	Сен.	15
Вступил в командование означенной дивизией . .	»	Окт.	17
ВЫСОЧАЙШИМ приказом зачислен в списки 16 гренадерского Мингрельского ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Великого Князя Дмитрия Константиновича полка	»	Дек.	6

	Годы	Месяцы	Числа
ВЫСОЧАЙШИМ приказом за отличие по службе произведен в Генерал-Лейтенанты с утверждением в занимаемой должности	901	Авг.	6
ВЫСОЧАЙШИМ приказом назначен Генерал-Адъютантом к ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ	903	Мая	6
ВЫСОЧАЙШИМ приказом отчислен от должности Начальника Кавказской гренадерской дивизии с оставлением в звании Генерал-Адъютанта	»	Дек.	30
ВЫСОЧАЙШЕ соизволено на принятие звания Почетного Члена Общества трудовой помощи в Елисаветполе	905	Сен.	25
ВЫСОЧАЙШЕ соизволено на принятие звания покровителя 1-го Российского Общества хозяйственного разведения промысловых животных и полезной дичи	907	Мар.	12
Всемилостивейше пожалован орден Св. Владимира 3 ст.	»	Дек.	6
ВЫСОЧАЙШЕ соизволено на принятие званий:			
Почетного члена ИМПЕРАТОРСКОГО Русского военно-исторического общества	908	Февр.	12
Почетного члена Московского Археологического Института	»	Нояб.	20
Почетного члена ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии Художеств	909	Мар.	19
Почетного члена учрежденной обществом повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, комиссии по увековечению памяти воинских чинов, павших на войне с Японией	»	Мая	1
Почетного члена Витебской ученой архивной Комиссии	»	Авг.	21
Председателя ИМПЕРАТОРСКОГО Русского Исторического Общества	910	Янв.	18
Почетного члена Елисаветинского Благотворительного Общества	»	Мар.	12
Дополнением к ВЫСОЧАЙШЕМУ приказу назначен Шефом 4-й роты л<ейб>-гв<ардии> 4 стрелкового ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамилии полка	»	Апр.	8
Последовало ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение на принятие званий:			
Председателя общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины	»	Мар.	13
Почетного члена ИМПЕРАТОРСКОГО Всероссийского аэроклуба	»	Мая	15
Последовали ВЫСОЧАЙШИЕ соизволения:			
На принятие под Свое покровительство Общества вспомоществования бывшим воспитанникам 2-го Кадетского Корпуса и 2 С<анкт>-Петербургской воен-			

	Годы	Месяцы	Числа
ной гимназии	»	Июля	28
<1 строка пропущена в оригинале>			
и Ростовского музея церковных древностей . . .	»	Сен.	8
Изъявил свое согласие на принятие звания Доктора Философии Берлинского Университета . . .	»	Окт.	22
Последовали ВЫСОЧАЙШИЕ соизволения:			
На утверждение в звании Почетного Блюстителя Добросельского двухклассного министерского училища Новгородского уезда			
На принятие под Свое покровительство приюта для	»	Нояб.	19
девочек — сирот врачей, состоящего при «обществе попечения о сиротах — детях врачей»	»	Дек.	2
На принятие звания Почетного пожизненного члена Общества восстановления православного христианства на Кавказе	»	»	17
На принятие под Свое покровительство Уральского Общества любителей естествознания в г. Екатеринбурге	911	Янв.	26
На принятие звания почетного президента Екатеринославского Общества поощрения коннозаводства	»	Апр.	20
На принятие под Свое покровительство Уфимского общества рыбоводства и рыболовства имени Сергея Тимофеевича Аксакова	»	Окт.	6

X. Бытность вне службы.

а) Во временных отпусках: когда уволен, на какое время и явился ли в срок, а если просрочил, то сколько именно и признана-ли отсрочка уважительною; б) для пользования ран: где именно, по чьему разрешению, с какого и по какое время; в) в безсрочном отпуску и запасе, не состоя на гражданской или общественной службе; с какого и по какое время; г) по роду оружия, без исполнения службы; д) в плену, когда и где взят и когда возвратился на службу и е) в отставке: когда уволен и когда вновь прибыл на службу.

	Годы	Месяцы	Числа
В отпусках:			
На 3 месяца с содержанием	885	Авг.	13
Прибыл ранее срока 10 днями	»	Нояб.	3
На 28 дней с содержанием	886	Мая	1
по	»	»	29

	Годы	Месяцы	Числа
На полтора месяца без содержания	886	Авг.	15
Прибыл ранее срока 3 днями	»	Сен.	28
На 2 месяца **с** содержанием	с 887	Авг.	17
	по »	Окт.	17
На 6 месяцев без содержания	888	Мая	11
Продолжен на 3 недели			
Прибыл ранее срока на 3 дня	»	Нояб.	29
На 3 недели с содержанием	с 889	Окт.	10
	по »	»	31
На 28 дней с содержанием	890	Окт.	8
Прибыл ранее срока 7 днями	»	»	29
На 14 дней с содержанием	891	Апр.	1
Прибыл ранее срока 11 днями	с »	»	4
На полтора месяца с содержанием	с »	Сен.	19
Прибыл ранее срока 4 днями	»	Окт.	30
На 5 месяцев без содержания	с 892	Июня	3
	по »	Нояб.	5
На 6 недель с содержанием	с 893	Мар.	22
	по »	Мая	3
На 2 с половиною месяца без содержания . . .	с »	Авг.	20
	по »	Нояб.	10
На 21 день с содержанием	с 894	Июля	11
	по »	Авг.	1
На 28 дней с содержанием	с »	Окт.	9
	по »	Нояб.	6
Продолжен на 3 недели			
Прибыл ранее срока на 10 дней	»	Нояб.	18
На 10 дней с содержанием	»	Дек.	21
Прибыл двумя днями ранее срока	»	»	28
На 28 дней с содержанием	с 895	Февр.	23
	по »	Мар.	23
Продолжен до	»	Апр.	2
Прибыл 3 днями ранее срока	»	Мар.	30
На 28 дней с содержанием	с »	Окт.	8
	по »	Нояб.	5
Продолжен на 3 недели			
Прибыл в срок	»	Нояб.	26
На 2 месяца с содержанием	с 897	Янв.	6
	по »	Мар.	6
Продолжен на полтора месяца			
Возвратился из отпуска	»	Мая	5
На 2 месяца с содержанием	898	Янв.	6
Возвратился из отпуска	»	Мар.	25
На 2 месяца с содержанием	899	Янв.	3
Продолжен на 1 месяц			
Прибыл из отпуска	»	Апр.	8

	Годы	Месяцы	Числа
На 2 месяца с сохранением содержания . . .	900	Янв.	21
Отпуск продолжен еще на 1 месяц			
Возвратился в срок	»	Апр.	21
На 2 месяца с содержанием	»	Дек.	1
Отпуск продолжен на 6 недель			
Возвратился в срок	901	Мар.	22
На 28 дней с содержанием	»	Окт.	6
Прибыл в срок	»	Нояб.	3
На 2 месяца с содержанием	902	Янв.	20
Отпуск продолжен на 3 недели			
Возвратился	»	Апр.	11
На 2 месяца с содержанием	»	Дек.	1
Отпуск продолжен еще на 2 месяца			
Возвратился из отпуска ранее срока на 10 дней	903	Мар.	22
Разрешена поездка в С.-Петербург по случаю опасной болезни отца	»	Авг.	16
Возвратился	»	Сен.	27
В 4-х месячном отпуску	с 903	Нояб.	25
	по 904	Мар.	25

В бессрочном отпуску для пользования ран, в плену у неприятеля и в отставке не был.

XI. Холост или женат, на ком; имеет ли детей; год, месяц и число рождения детей; какого они и жена вероисповедания. Холост.

XII. Есть ли за ним, за родителями его, или, когда женат, за женою, недвижимое имущество, родовое или благоприобретенное. За ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ состоит: в Петербургском уезде, С.-Петербургской г<убернии> дача Михайловское; дворец в С.-Петербурге с принадлежащим к нему отдельным каменным домом; в Екатеринославском уезде и губ., Херсонской губ. и уезде и в Мелитопольском уезде Таврической г<убернии> имение Грушовское, заключающее в себе всей земли 75 066 дес<ятин> 407 кв<адратных> с<аженей> и Боржомское, заключающее всей земли 69 513 дес<ятин> 1022 кв<адратных> саж<еней>.

XIII. Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе,

когда и за что именно; по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке. Не подвергался.

XIV. Бытность в походах и делах против неприятеля, с объяснением: где имено, с какого и по какое время; оказанные отличия и полученные в сражениях раны или контузии; особые поручения, сверх прямых обязанностей, по Высочайшим повелениям, или от начальства.

	Годы	Месяцы	Числа
В 1877 году находился при войсках, действовавших на Кавказско-Турецкой границе против турок с 26 Мая по 30 Июня и с 14 Августа по 14 Октября. Участвовал: во время рекогносцировки Генерал-Адъютантом Гейманом Шахарских высот	877	Мая	27
В рекогносцировке северных фортов Карса лично ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ Главнокомандующим Кавказскою армиею против вылазки турок из Карса и деле у Мелик-Кея. При отражении войсками Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генерал-Маиора Шереметева вылазки войск Карсского гарнизона с северных фортов	»	»	30
При начале бомбардирования северных фортов Карса, Араба, Карадага и Мухлиса	»	Июня	4
В нападении на передовую неприятельскую батарею под фортом Мухлис	»	»	21
В усиленной рекогносцировке Генерал-Маиором Лорис-Меликовым расположения неприятеля у сел<ений> Джали и на горе Инах-Тепеси	»	Сен.	1
В трехдневном сражении с турецкой армией под Аладжинскими высотами и у гор Большие и Малые Ягны под начальством Генерал-Адъютанта Лорис-Меликова и под личным руководством ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Главнокомандующего Кавказской армией и в обходном движении колонны Генерального Штаба Генерал-Маиора Шелковникова на неприятельский тыл от Косибанского поста . .	877	Сен.	20, 21, 22
В занятии первой бригадой Кавказской гренадерской дивизии под начальством Генерал-Лейтенанта Геймана турецких передовых позиций у сел<ений> Хаджи-Вали и Суботана	877	Сен.	27
В движении обходной колонны Генерал-Лейтенанта Лазарева в тыл Аладжинской позиции турок . . .	877	Сен.	27
	»	Окт.	2

	Годы	Месяцы	Числа
При поражении турецкой армии на Аладжинских высотах войсками действующего корпуса под начальством Генерал-Адъютанта Лорис-Меликова и под личным руководством ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Главнокомандующего Кавказской армией	877	Окт.	3
При втором обложении крепости Карса . . .	»	»	8
Командирован в г. Москву для присутствования при Священном Короновании ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ	896	Мая	1
Прибыл из командировки	»	Июня	3
Командирован по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению в Африку для сопровождения ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА . .	897	Янв.	6
По именному ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению возложены были все распоряжения по перевезению тела в Бозе почившего НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА и Великого Князя ГЕОРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА из местности Абас-Туман в С.-Петербург	899	Июня	30

Копия сия с имеющимся в Военно-Походной Канцелярии ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА послужным списком ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Великого Князя НИКОЛАЯ МИХАИЛОВИЧА верна, в чем Канцелярия свидетельствует.

С.-Петербург, Июня *17* дня 1912 года.

Начальник Канцелярии,
Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
Генерал-Маиор *Князь В. Орлов*

Делопроизводитель,
Действительный
Ст<атский> Сов<етник> *Гофман*

М. П.

Оригинал: ЦГИА СССР, ф. 549, оп. 1, д. 1142.

Публикация Б. М. Витенберга и М. П. Лепехина.

А. А. ЗАЙЦЕВА

ПИСЬМА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ МИХАИЛОВИЧА К Ф. МАССОНУ

В 1931 г. в журнале «Красный Архив» были опубликованы «Записки Н. М. Романова».[1] В них великий князь — очевидец и непосредственный участник многих важнейших событий, чему способствовало его положение, как члена императорской фамилии, — рассказал о годах, предшествовавших Февральской революции. Резко критикуя общее состояние дел в России — положение на фронте в 1914 г., неподготовленность к войне, бездарность ее генералитета во главе с вел. кн. Николаем Николаевичем (о котором он заметил: «бесцветен... при отсутствии мозговых тканей для вдохновения»[2]), германофильство царицы, слабость и нерешительность Николая II, частые смены в министерствах и др., — Николай Михайлович дал яркое представление о назревшем кризисе царизма, приведшем к его падению. Особое место в «Записках» заняло описание непосредственного царского окружения («О том как они все предали его») и история убийства Распутина. Изображаемая широкая панорама событий позволила великому князю с горечью подчеркнуть: «Многое, что я предвидел, оправдалось впоследствии, но в то время радужных надежд мало кто верил моим предупреждениям, чтоб не сказать предсказаниям».[3]

Воспоминания Николая Михайловича основывались на его «поденных записях», которые он вел на протяжении всей своей жизни и фрагменты которых (лишь частично опубликованные) хранятся в настоящее время в ЦГАОР и ЦГИАЛ.[4] Кроме того, уже анонимный публикатор «Запи-

сок» отметил, что они писались в разное время и подверглись более поздней обработке, о чем свидетельствуют некоторые характеристики или замечания в тексте, относящиеся к более позднему времени, чем описываемые события.

Существует, однако, еще один источник, в котором получила отражение и эпоха, изображенная в «Записках», содержатся многие дополнения и уточнения к ним, проясняется сама история написания «Записок» и др., — обширное эпистолярное наследие великого князя. Имеется в виду его переписка с известным французским историком Фредериком Массоном, с которым его связывала многолетняя дружба. Эта переписка, длившаяся более 20 лет, постепенно приобрела характер «беседы двух друзей», своеобразных дневниковых записей. С откровенностью и раскованностью, которые предполагает сам жанр письма, Николай Михайлович систематически делился с Ф. Массоном своими планами, надеждами, сомнениями, рассказывал о важнейших событиях, критиковал происходящее (сохранилось более 500 писем вел. князя на французском языке — от коротких записок до длинных посланий на многих страницах). Часть писем Николая Михайловича, относящихся к 1916—1918 гг. — периоду гражданской войны и революций в России, была опубликована в Париже в 1968 г. под названием «Конец царизма».[5] Несомненно, что полная публикация переписки Николая Михайловича и Фредерика Массона явилась бы ярким документом, отразившим целую историческую эпоху.[6]

Для данной публикации, ограниченной объемом, были отобраны и переведены несколько писем Николая Михайловича из издания 1968 г., представляющие интерес для более углубленного понимания как эпохи, так и незаурядной личности самого великого князя: естествоиспытателя, географа, историка, увлеченного коллекционера, человека, живо интересовавшегося политическими событиями своего времени.

Публикуется, например, письмо (№ 43), описывающее историю убийства Распутина. Оно важно тем, что объясняет степень участия и роль, которую сыграл вел. князь в этой, имевшей большие последствия, трагедии. Примечательно, что факты, изложенные в письме к Ф. Массону, в ряде моментов существенно отличаются от того, как эти же обстоятельства были представлены в опубликованных «Запис-

ках». Особенно велико расхождение в нравственной оценке самого факта убийства. И хотя в «Записках» великий князь замечает: «Если Распутин был зверь, то что сказать о молодом Юсупове?»,[7] одновременно там же высказывается сожаление по поводу того, что «они не докончили начатого истребления», что все совершенное — лишь «полумера, так как надо обязательно покончить и с Александрой Федоровной и с Протопоповым». И Николай Михаилович заключает: «Вот видите, снова у меня мелькают замыслы убийств, не вполне еще определенные, но логически необходимые...».[8] Эти слова настолько противоречат тому, что было высказано им в письме к Ф. Массону, что позволяют усомниться в их принадлежности Николаю Михаиловичу.

Публикуются также несколько писем (№ 64, 77), рассказывающих о последних месяцах жизни великого князя. Они исполнены глубокого драматизма, обусловленного грандиозностью исторической ломки, личной трагедией отдельного человека. Это драма ученого, оторванного в расцвете сил от поглощавшей его работы. В начале 1917 г., оказавшись неожиданно в ссылке, князь пишет: «Какова ирония судьбы!» И с горечью замечает: «А я так близок был к тому, чтобы самым серьезным образом заняться моими многочисленными трудами!» Это драма политического деятеля — признанного лидера великокняжеской оппозиции — «Николая-Эгалите», «Красного князя», резко критиковавшего существовавший режим и ратовавшего за реформы, но оказавшегося сметенным наступившими преобразованиями. Это драма историка, чьи самые пессимистические прогнозы как в общественном, так и личном плане (для себя лично вел. князь, отличавшийся глубоким патриотизмом, величайшим бедствием считал высылку из России) оказались несостоятельными перед лицом реальной действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Красный архив. М.; Л., 1931. Т. 4/5 (47—48). С. 140—183; Т. 6 (49). С. 92—111.

[2] Красный архив. Т. 4/5. С. 141.

[3] Там же. С. 140.

[4] ЦГАОР, ф. 670, оп. 1, д. 7, 8, 16, 24, 115, 461, 487; ЦГИАЛ, ф. 549, оп. 1, д. 1087—1090.

[5] *Grand Duc Nicolas Mikhailovitch.* La fin du tsarisme. Lettres inédites à Frédéric Masson (1914—1918). Paris, 1968. 295 p.

[6] Письма Ф. Массона хранятся в ЦГАОР, ф. 670, оп. 1, д. 337—344.

[7] Красный архив. Т. 6. С. 105.
[8] Там же. С. 102, 103.

№ 43 * *Грушевка (Херсонская губерния)*
7/20 янв. 1917

Воистину я не знаю с чего начать эту невероятную историю в духе романов Эмиля Габорио или Понсона дю Террайля. Но так как и я, тоже, оказался в числе жертв этого события, я должен вам обо всем рассказать.

В ночь с 16/29 на 17/30 дек. Петроград, да и вся Россия узнали об исчезновении Григория Распутина (советчика Гессуаз) [1] и револьверных выстрелах, услышанных жандармами и раздавшихся из дома князя Юсупова на Мойке, где у молодого князя Юсупова, мужа моей племянницы Ирины (дочери моего брата Александра), находящейся в Крыму, вместе со своей матерью, была устроена вечеринка. 19/1 1917 тело исчезнувшего было обнаружено подо льдом у Петровского моста в районе островов, там, где у петербуржцев загородные дачи и где они проводят лето. На теле было обнаружено три револьверных раны, две пули прошили тело насквозь, а третья пуля застряла в области позвоночника, все три смертельные. Россия восприняла с нескрываемой радостью и очень демонстративно известие о смерти этого крестьянина-гипнотизера. В тот же самый день по высочайшему указу Императрицы Александры (Император еще не вернулся из Ставки) был арестован Великий князь Димитрий (сын Павла), а на вокзале, в момент, когда поезд уже отправлялся в Крым, — молодой князь Феликс Юсупов. Вы, прежде всего, спрашиваете в какой мере лично меня касаются эти аресты и, затем, действительно ли имеются данные для судебного расследования. На второй вопрос я отвечу, что официальное судебное расследование не имело места и, наоборот, неофициальное, осуществленное полицейскими в отставке, одними лишь приверженцами отвратительной жертвы, установило неопровержимые доказательства виновности обоих молодых людей и депутата Пуришкевича.[2] Оба первых сразу были арестованы, но популярного депутата не осмелились схватить, поскольку он еще и один из неутомимых представителей

* Переписка вел. кн. Николая Михаиловича и Ф. Массона велась на французском языке. Перевод публикуемых писем осуществлен А. А. Зайцевой.

Красного Креста на фронтах. — А теперь, какова моя роль? Извольте. Поздно вечером 17 дек. Феликс по телефону попросил меня приехать, и я немедленно отправился на его зов, в качестве его единственного близкого родственника в Петрограде. Согласитесь, это же вполне естественно. На следующий день, другой обвиняемый, т. е. вел. кн. Димитрий сделал то же самое, так как о его показаниях сразу же стало известно, благодаря его отцу и экс-Гогенфельцен, ныне княгини Палей.[3] С этого момента я руководил поступками и показаниями обоих молодых людей. И я ловко все провернул. 19 вечером, освобожденный от этой личности, веселый и радостный, как сообщила свита, в свою столицу вернулся Император; но едва он прибыл, как все разом изменилось; ведь он слепо подчиняется своей супруге. Димитрий, через своего отца, просил его принять, чтобы с глазу на глаз рассказать Императору всю правду. Ему грубо отказали в приеме, не пожелали дать аудиенцию даже его отцу. В течение всего этого времени, до самого отъезда молодых людей, ваш покорный слуга проводил все дни, и особенно вечера, с арестованными, руководя ими, умоляя их быть сдержанными и не компрометировать себя неблаговидными поступками. И лысый советчик преуспел.

23 дек./5 янв. от имени Монарха поступил категорический приказ отправиться той же ночью вел. кн. Димитрию, в соответствии с распоряжением начальника полиции столицы, специальным поездом в Персию в отряд генерала Баратова, с запрещением писать или телеграфировать вплоть до прибытия на место, а кн. Юсупову — в имение родителей в Курской губернии. Чтобы скрыть от публики время отъезда, кн. Юсупов был отправлен с товарным поездом, уходившим в 2 ч. утра, а Димитрий — со специальным, в 3 ч. Вместе с моим братом Александром,[4] накануне вернувшимся из Киева, я проводил их обоих. Уже на следующий день оба молодых человека стали самыми популярными людьми в России. Город, т. е. Петербург, сплетничает, бурлит, находится на грани взрыва, известно, что Гессуаз сыплет угрозами, и хочет стереть в порошок всех, кто только причастен и не причастен к этому делу.

Между тем, члены Императорской фамилии волнуются, никто не может получить аудиенции; министров одного за другим отправляют в отставку; неразбериха стала всеобщей,

и хаос все усиливается. Государыней была принята только лишь вел. княгиня, жена Кирилла,[5] вернувшаяся из Ясс, куда она ездила повидаться со своей сестрой, и на нее был выплеснут поток упреков и угроз (похоже, что именно мне больше всего досталось). Она, де, хотела бы подвергнуть пыткам, расстрелять обоих молодых людей; уж не знаю, что еще?! Вел. кн. Виктория очень хорошо сказала: «Это не просто желание мести, это садизм в отмщении; вот итог существования, жизни этой женщины, желавшей исправлять Христа». Словом, в Новогоднюю ночь, несколько минут спустя после полуночи, я получил послание от Его Императорского Величества, в котором, без каких-либо объяснений, мне было приказано удалиться на два месяца (откуда подобный срок?) в мое имение Грушевку. Начало письма было в повелительных тонах, конец — более любезный, но все в целом свидетельствовало о полном умственном расстройстве, и ко всему подписано не — Николай, а уменшительным именем — Ники. Итак, 1/14 я сел на первый же подходящий поезд и направился в Киев, где и провел два восхитительных дня подле Императрицы Матери,[6] и вот, наконец, я здесь, совсем один; мне не хотелось, чтобы кто-нибудь из моего окружения меня сопровождал. Степь зимой мало радует, дом плохо протоплен моим не лучшим управляющим; но я в точности выполняю приказы Монарха, который, не отличаясь оригинальностью Павла или жестокостью Петра Великого, скорее мне напоминает вульгарных флорентийских властителей времен Борджио и Медичи. И все же я по-прежнему твержу: „Да здравствует Россия и да здравствует конечная победа!“

И вот, теперь, я рискую, вопреки моему желанию, также оказаться чрезвычайно популярным в России; и кто знает, куда могут завести меня события, которым суждено произойти в ближайшем будущем? А я так близок был к тому, чтобы самым серьезным образом заняться моими многочисленными историческими трудами! Какова ирония судьбы! Насколько можно судить, меня обвиняют: 1) не являясь организатором, я, во всяком случае, был вдохновителем сего освободительного преступления; 2) после убийства я руководил поступками и свидетельскими показаниями молодых людей (и это сущая правда), хотя об этом мне ничего не было сказано; 3) на заседании 19 ноябр./1 дек.

аплодировал речи Пуришкевича (истинно так) и т. д., и т. д., но все это лишь мои предположения. Я обязан подчиниться повелению Императора без объяснения причин моей неожиданной высылки из столицы.

8/21 янв. — Я получил через одного человека Ваше письмо ко мне от 26 дек. Оно меня наполнило радостью, как и Ваша телеграмма по случаю нашего Нового Года, потребовалась целая неделя, чтобы она дошла сюда. Из газет я узнал, что созыв Думы запаздывает на месяц. Вместо 12/15 янв. она соберется 14/17 февр. Это может стать поводом для горестных вздохов в обеих столицах, где и без того общественное мнение чрезвычайно возбуждено.

Я должен кончить, появилась отличная возможность доставить вам эти строки.

Если бы вы только знали, какой глубокий стыд я испытываю из-за событий, происшедших за эти три недели уже после убийства ничтожного Григория, и это во время войны, когда весь русский народ единодушно приносит огромные жертвы! Вот так приходится расплачиваться! Это все, что я могу вам сказать.

Тысяча добрых пожеланий г-ну Капю, Донне и другим соотечественникам Биксио.[7] Да хранит вас Провидение, вас, Францию и Россию, для конечного успеха, в котором я более не сомневаюсь ни на миг, не взирая на наши внутренние беспорядки.

Всем сердцем ваш. *Н.*

№ 64 *5/18 октября 1917*

Пользуюсь отъездом моего парикмахера Жюля Кларка, ликвидировавшего свое заведение ввиду невозможности удовлетворять кровожадные аппетиты и абсурдные требования работников. Огромное число французов и англичан уже покинуло Петроград по той же причине, невзирая на долгие годы, проведенные здесь. И это знаменательно! Вообще-то повальное бегство за границу весьма тревожно в плане будущего, хотя и вполне понятно, исходя из психики отъезжающих. Анархия полная, и никто не может сказать, когда будет положен конец подобному положению вещей. Послезавтра начало заседаний подготовительного совещания, куда входят 555 депутата, вплоть до созыва Учредительного. Это точка опоры для Временного Правительства.

Жалкие иллюзии. «Большевизм» все больше и больше завоевывает провинцию, и некоторые уезды в ряде губерний полностью опустошены крестьянами и дезертирами. Многие из землевладельцев уже разорены, и не только из буржуазии и аристократов, но и из крестьян, владевших неплохой собственностью. Жгут и громят все, никого не щадя. Временное правительство не в силах обуздать этот народный шквал — солдаты в тылу сами становятся деструктивным элементом, и с помощью кого восстанавливать порядок? Споры завели в тупик. Север и юг пока держатся и выжидают. Никакого сомнения, что в свой час и их захватит гангрена. Здесь, в Петрограде, советы ополчились на личную свободу в неслыханных масштабах, заставляя платить налог и требуя свидетельства даже в случае отсутствия в течение нескольких дней; то есть, если у вас возникнет фантазия отправиться на три дня в Москву, вы здесь должны потратить столько же дней для получения бумаг, сколько необходимо для путешествия туда и обратно. Это помехи, придуманные для так называемых капиталистов — помещиков и буржуа. Подобная система начинает утверждаться и в других городах — Харькове, Одессе и т. д.; таким образом, передвижение по железной дороге становится общественным бедствием, тем более, что нет никакой гарантии, что вас не ограбят в вагоне. А тем временем боши утвердились на острове Эзель напротив Ревеля, чтобы создать военную угрозу для столицы в течение зимы и весны.

Итак, перспективы на будущее — восхитительны! Все ценности из Эрмитажа, Музея Александра III, Академии художеств, Государственных архивов и министерств отправлены в Москву и захолустные города на северо-востоке. Не знаю, сделано это в виду немецкого нашествия или в страхе перед большевиками — лично меня это мало волнует. Все мое имущество на месте, я ничего не пакую из-за фатализма и депрессии. Вы полагаете, что это умственная атрофия? Возможно. Но вот что невероятно, я отправился, чтобы на скорую руку покончить со всеми текущими делами Исторического общества, а получил необходимые деньги на продолжение наших изданий, причем не только на 1917, но и на следующий год. Самые разные министры — все подчеркнули свое личное уважение к Историческому обществу,

и это доказывает, что среди них имеются люди с пониманием. Так, нынешний министр финансов, социалист профессор Берднардский, нам предложил больше, чем мы о том просили. Вот смех! До этого другой министр, народного просвещения, профессор из Москвы, Мануйлов, кадет, обошелся, как с перчаткой, с новым уставом Общества, и вот, пожалуйста, мы утвердились при данном чрезвычайном режиме. Что касается продолжения работы, то это совсем другое дело. Никто не расположен к серьезным занятиям, головы заняты другим, и я предвижу, что зимой придется остановить работу из-за отсутствия воинов. Все это меня глубоко печалит и раздражает. Что касается лично меня, я с увлечением принялся за чтение французской литературы 30—40-х годов, начиная с Бальзака и до Бодлера, сочинений Альфреда де Виньи, Сент-Бева, Мериме, Флобера, Стендаля и др. И вот я забыл обо всем, и мои мысли далеко. За неимением лучшего и это неплохо для успокоения нервной системы.

В следующий раз я воспользуюсь отъездом г. Кейо, чтобы вам снова написать, и я надеюсь, что граф де Шамбрен[8] доставит мне прекрасное, большое письмо от вас. Все мои, Брюммер, Молодовский,[9] служители вспоминают вас. Тиран-парикмахер требует кончить письмо.

От всего сердца *Н.*

№ 77

Сегодня 24.XII.1918
Камера 207
тюрьма предварительного заключения
в Петрограде

По-настоящему очень дорогой господин Массон

Наконец появилась уникальная возможность написать Вам пару слов и заявить, что я жив, пока хорошо себя чувствую, осмотрителен, спокоен, бодр и работаю здесь над новым историческим этюдом о Михаиле Сперанском. Вот уже 6 месяцев, как я, мой брат Жорж и оба кузена, того же возраста, Дмитрий К. и Павел А. заключены здесь. Леон Ренольд, мой шофер, доставит Вам эти строки. Он прекрасно ведет себя, так же хорошо, как и его жена — с большим мужеством, самоотверженно и хладнокровно. И я прошу у Вас для них обоих Вашей высокой протекции, когда в один прекрасный день они окажутся во Франции.

Во время вашего блистательного наступления я был без всяких эмоций, без всяких переживаний, но какое ликование меня охватило, когда боши, наконец-то, вместе со своим Кайзером потерпели поражение и никто, никогда больше не услышит разговоров о Deutschland über alles. Это из газет максималистов я узнал новость — о блестящей победе, ведь мы не располагаем ничем другим, чтобы хотя бы самую малость быть информированными. Что касается французских газет, последние я прочел в Вологде от 16 мая 1918. Леон расскажет вам о всех перипетиях наших страданий, скорее физических, чем моральных. В настоящее время появился слабый шанс выйти из тюрьмы, поскольку имеются влиятельные лица, хлопочущие за меня, и среди прочих, с большой горячностью, Максим Горький, что удивительно, тем более, что я с ним не знаком. Если, наконец, я буду на свободе, я бы предпочел отправиться в Копенгаген к моей племяннице (адрес Амалиенборг) и оттуда, быть может, я бы попытался добраться до Парижа. Как вы видите, я пишу карандашом — и он, и эта записка передаются на дне суповой миски, потому что это единственный способ переписываться с Брюммером, датским министром Скавениусом и моими людьми. Остальные (брат и сестра) не хотят ничем рисковать, я же, наоборот, в течение всего моего заключения нахожусь в постоянной связи со всеми, кто столь удивительно предан мне. Леон сообщит вам также о всех деталях. Если вы случайно встретите полковника Кейо, гг. Жентиля или Дульсе, расскажите им подробнее о моей участи. Весь состав посольства Франции, в том числе и Нуленс,[10] просто великолепны в отношении нас.

Напишите мне о всех друзьях по Биксио, особенно о гг. Баре, Капю и П. Бурже.[11] Передайте г. Бодрийяру,[12] что я счастлив узнать, наконец, что он принят в бессмертные; много разных разностей также и для Камбона и для генералов По и Нисселя. Мне кажется настолько странным писать вам из этих чудовищных мест, откуда, что ни день, уводят людей к «товарищам», чтобы расстрелять без какого-либо намека на суд, просто из ненависти или страха, который они ранее внушали. Немалое число женщин также проходит через подобное.

В этой тюрьме, к счастью, есть библиотека, и, кроме того, мне присылают все, что я пожелаю из экс-император-

ской библиотеки. Я ежедневно записываю все мои впечатления, весь путь, с тем, чтобы передать секретарю Исторического общества г-ну Саитову (68 лет), человеку очаровательному и любезному, преемнику покойного Голомбиевского, которого вы видели в Париже. Это единственная отдушина, без этого можно было бы сойти с ума, ведь безделие убивает.

Я непоколебимо убежден, что в один прекрасный день порядок будет восстановлен, но не иначе, чем штыками союзников; что касается монархии, о ней не стоит и думать, это прочитанная страница; я еще допускаю республику с президентом, с диктаторской властью, а так — массы слишком развращены, чтобы поддержать хотя бы намек идеи о монархе. Ленин показал пример настоящего государственного деятеля, с цинизмом провозгласив принцип: «Все способы хороши для достижения цели». Потому что цель — это форма правительства, аппелирующая к Коммуне, являющейся идеалом для Ленина и его клики, сплошь евреев от первого до последнего комиссара. Вещь невероятная, но Красная Армия, по своей численности, дисциплине, оснащению и вооружению представляет силу, с которой необходимо считаться. У них нет специалистов, т. е. артиллеристов, инженеров и др., и это их слабая сторона.

Никаких новостей ни о ком, помимо стен Некрополя. По неясным слухам, Императрица-Мать и ее близкие находятся в полной безопасности в Крыму. Это все. Об участи Е. В. Императора и его семьи — ничего, ничего, ничего. Полагают, что они живы, что их увезли в места очень отдаленные, более чем на 1000 верст от Перми или Урала. Мой брат Сергей с июля в Сибири, но где, мы не знаем. Все это ужасно, вот как Революция обернулась для нас. В своем роде уникально! Во имя неба, спасите вашу страну всеми способами от этой заразы большевизма. Это наиболее опасная форма анархии, какая только может быть. Увы, я должен кончить, от всего сердца обнимаю вас и умоляю напомнить обо мне мадам Массон.

Н.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вел. кн. Николай Михайлович называл имп. Александру Федоровну „la tigresse hessoise" и „la Hessoise", так как она была принцессой гессенской.

[2] В. М. Пуришкевич (1870—1929), представитель крайне правого крыла 4-й Государственной Думы. Был организатором убийства Распутина.

[3] Княгиня Палей (Ольга Валериановна Карнович) вторая супруга (морганатическим браком) вел. кн. Павла Александровича, отца великого князя Дмитрия.

[4] Вел. кн. Александр Михаилович (1866—1933), четвертый сын вел. кн. Михаила Николаевича, муж вел. кн. Ксении Александровны, дочери имп. Александра III, отец Ирины Юсуповой.

[5] Вел. кн. Виктория Федоровна (принцесса Саксен Кобург-Готская) супруга вел. кн. Кирилла Владимировича, первым браком супруга вел. герцога Гессенского Эрнеста-Людвига, брата имп. Александры Федоровны.

[6] Мария Федоровна (1847—1928), с 1894 г. вдовствующая императрица российская (урожд. принцесса датская).

[7] Альфред Капю (1858—1922) — французский драматург, журналист, в 1914 г. был избран во французскую Академию; Морис Донне (1859—1945) — французский писатель; Жак-Александр Биксио (1808—1865) — французский политический деятель. В 1853 г. основал «Общество Биксио», объединявшее писателей и художников. Из русских его членами были И. С. Тургенев, вел. кн. Николай Михаилович.

[8] Граф Шарль де Шамбрен (1875—1952) — французский писатель, дипломат. В 1917 г. секретарь французского посольства в Петрограде.

[9] Генерал К. Ф. Брюммер, управляющий М. Н. Молодовский — приближенные лица вел. кн. Николая Михаиловича.

[10] Полковник М. Кейо, Ф. Жентиль, А. Дульсе — представители французского посольства в Петрограде. И. Нуленс (1864—1944) — дипломат, посол в Петрограде в 1917 — нач. 1919 г.

[11] М. Барре, А. Капю, П. Бурже — французские писатели и журналисты, члены «общества Биксио».

[12] Альфред Бодрийар (1858—1942) — французский историк. В 1918 г. был избран во французскую Академию.

В. А. КОЛОБКОВ

АВГУСТЕЙШИЙ ИСТОРИК
Материалы великого князя Николая Михаиловича в отделе рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

К настоящему времени в ОР ГПБ выявлен сравнительно небольшой комплекс материалов о жизни и деятельности великого князя Николая Михаиловича (1859—1919), известного историка начала XX века, председателя Имп. Русского исторического общества. Общий объем документов (36 ед. хр.) составляют 44 письма, включая телеграммы и записки, написанные или отправленные историком; 13 писем различных лиц к нему; 3 рецензии на его труды и один отрывок из воспоминаний М. К. Соколовского. Документы охватывают период 1879—1917 гг. Названные материалы не объединены в архивный фонд, а являются частью нескольких личных архивов. Большинство из них объединялись по принципу адресата (К. А. Военский, Х. Х. Гиль, О. К. Кулибина, И. В. Мушкетов, С. Ф. Платонов, А. В. Половцов, И. И. Толстой, С. Н. Шубинский и др.) и составляют, таким образом, более или менее связанные группы, другие попадали в коллекции собирателей редких автографов (П. П. Ваксель), представляя собой разрозненный материал.

Письма Николая Михаиловича подразделяются на официальные и частные. Первые написаны на служебных бланках или сохраняют форму письменного сообщения по деловым вопросам. Вышедшие из канцелярии, они лишь подписывались великим князем. Вторые — историк писал сам на русском и французском языках. Используемая бумага в большинстве случаев снабжена монограммой «Н. М.»,

увенчанной короной, такая же монограмма представлена на конвертах. Письма, адресованные Николаю Михаиловичу, сохранились, за редким исключением, в виде черновиков и в авторских копиях.

Рассматриваемые материалы затрагивают широкий круг вопросов, связанных с исследовательским трудом историка, отражают его административную работу, дают представление о благотворительной деятельности и личной жизни, касаются некоторых проблем политической истории России.

Самую большую группу составляют документы о работе Николая Михаиловича над историческими сочинениями и публикацией источников, часто недоступных для других ученых. В письме к А. В. Половцову, заведующему Общим архивом Министерства имп. двора, великий князь сообщил следующие подробности, связанные с выходом в свет биографических очерков о князьях Долгоруких, первой серьезной работы историка.[1] От Русского исторического общества он получил предложение о составлении биографий нескольких государственных деятелей начала XIX в. для очередного тома Словаря. Раздел «Долгорукие» не пользовался вниманием по причине слабой документальной базы. Имея доступ в личные комнаты императорской семьи в Зимнем дворце, Николай Михаилович взялся за предложенную работу. «Пришлось перерыть много документов и материалов в различных архивах».[1а] Большинство же новых документов историк обнаружил именно в библиотеке Зимнего дворца среди бумаг известного генеалога А. Б. Лобанова-Ростовского. Подготовленный материал оказался настолько подробным, что превысил требования Словаря. По совету нескольких петербургских историков было решено издать биографии отдельной книгой. За просмотр корректуры взялся Е. С. Шумигорский. Именно его участие, как объясняет Николай Михаилович в письме, привело к повторам и опечаткам: «Вообще я теперь ясно вижу, что если когда-либо придется еще раз что-нибудь выпустить в свет, то нужно будет лично все проверить до самого конца».[2] Тем не менее успех книги превзошел все ожидания. Она быстро разошлась среди читателей. Приобретение рукописи записок графа де Брэ позволило историку дополнить свою работу.[3] Уже в 1902 г. вышло второе издание, исправленное и дополненное.

Намерение лично сверять корректуру оставалось некоторое время нереализованным. Желая узнать впечатление А. В. Половцова о первом томе своего исследования «Граф Павел Александрович Строганов: (1774—1817)»,[4] великий князь в письме от 7 апреля 1903 г. вновь был вынужден извиняться за опечатки. Работа над книгой, в которой было использовано много неизданных документов, шла быстро. Поступление в продажу второго тома ожидалось в конце апреля, третьего — в конце мая или начале июня. «Считаю долгом обратить также Ваше внимание на предисловие ко II тому, — пишет Николай Михайлович, — ... оно написано немного резко, но безусловно правдиво и откровенно».[5] В том же письме историк сообщил А. В. Половцову о начале новой работы: подготовке к изданию всех официальных и частных донесений французского посла в Петербурге маркиза Коленкура (1807—1811), министра иностранных дел наполеоновской Франции Шампаньи и русского посла в Париже князя А. Б. Куракина (1808—1812). Для выяснения источниковедческих приемов Николая Михайловича важно его стремление выяснить по Камер-фурьерскому журналу количество приглашений Коленкура к императорскому столу, к обеду, с указанием дней и месяцев. «Хотя это мелочь, но для различных сопоставлений она имеет для меня (Николая Михайловича. — *В. К.*) некоторое значение».[6] В октябре 1903 г. историк извещал А. В. Половцова, что успел написать предисловие к донесениям Коленкура и Куракина до Ваграмского сражения (1809). Однако издание документов затянулось в связи с болезнью отца великого князя Михаила Николаевича и связанными с этим волнениями и переездами. «Когда удастся окончить остальную часть, не в моих руках, так как при постоянных треволнениях и передвижениях невозможно писать. Голова должна быть свежа, это первое условие для успешной работы, в противном случае лучше не браться за перо».[7] Первые три тома переписки послов (1807—1809) вышли из типографии только в 1905 г.[8]

Работая в 1900 г. над биографиями Долгоруких в Лобановском отделении библиотеки Зимнего дворца, Николай Михайлович обнаружил там неизвестные и отлично исполненные портреты многих деятелей царствования Александра I. Именно тогда у него возникла мысль о их

публикации. Поиск портретов в дальнейшем продолжался не только в государственных, но и в частных собраниях. «Относительно снимков „портретов и миниатюр“ Вашей коллекции, — пишет великий князь С. Э. Евдокимовой 29 мая 1902 г., — прошу Вас обратиться к фотографу Музея имп. Александра III (Русский музей), Ертембскому, который знает и требования и размер снимков. Кроме портретов и миниатюр личностей эпохи 1762—1830, никаких других фотографий для будущего моего издания не требуется».[9] Позже, когда материал был в основном собран, возникло затруднение с составлением пояснений, работы рутинной и малоинтересной, «так как в такого рода изданиях нужно ограничиться лишь краткими биографическими заметками».[10] Николай Михайлович привлек в помощь и других историков. Так, накануне выхода первого тома он просил К. Н. Военского быстрее подготовить обещанные биографии.[11] Пятитомное издание русских портретов, выходившее в 1905—1909 гг., стало заметным явлением в научной жизни России и не потеряло значения до настоящего времени.[12]

С целью выявления необходимых источников, получения справок, историк обращался к различным специалистам, начальникам архивов и архивных подразделений. «Пишу к Вам по поводу бумаг, находящихся в Архиве Министерства иностранных дел, — говорит он в письме к В. Н. Ламсдорфу, — мне необходимо иметь копию замечаний генерала Матье Дюма об Аустерлицком сражении (1805), посланных Антрегом Чарторыйскому».[13] Здесь же Николай Михайлович благодарит министра за справку о миссии П. А. Строганова в Лондон (1806 г.). Работая позже над брошюрой «Из беседы Поццо ди Борго с бароном Мейендорфом», опубликованной в 1910 г., историк просил К. А. Губастова выяснить имя Мейендорфа, который в 1832 г. был советником русского посольства в Вене, его дальнейшую судьбу и год кончины.[14] Начальник Архива Министерства народного просвещения К. А. Военский писал великому князю о выполнении другого поручения: «...имею честь представить при сем копию с письма, о котором имел честь докладывать Вашему Высочеству в Мариенбаде, к сожалению, в доставленном мне экземпляре не имеется указаний на № дела, из которого извлечено это письмо, а также нет и самого письма маркиза Паулуччи, о котором здесь упоминается.

Все это, в случае надобности, я могу проверить в архиве...».[15] Речь шла о письме графа А. А. Аракчеева, черновик которого написал Александр I. (Документ позволяет судить о взаимоотношениях между этими людьми и подтверждает мысли, высказанные Николаем Михаиловичем в его трудах.) За консультацией историк обратился к потомку адресата Аракчеева — маркизу А. А. Паулуччи. Ответ оказался благоприятным. Бумаги сохранились и, видимо, были представлены.[16] Материалы, важные для своих научных исследований, Николай Михайлович часто покупал за рубежом на собственные средства. В письме от 27 октября 1901 г. он сообщает А. В. Половцову: «Я сделал за последнее время ряд ценных приобретений, как по части документов, купленных случайно за границей, так и по части портретов и миниатюр эпохи Александра I».[17]

В письмах Николая Михайловича сохранились его отзывы на две работы члена Военно-исторического общества К. А. Военского. В одной из них великий князь отмечает единство взглядов на заграничные походы русской армии (1813—1814). Поздравляя автора с удачным началом на историческом поприще, он пишет: «Мнение Кутузова было правильно, и для интересов России нам незачем было впутываться в дела Европы».[18] Другой — касается книги «Причины войны 1812 года». Здесь Военский впервые использовал переписку Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной, хранившуюся в библиотеке Зимнего дворца. Издание книги опередило собственную публикацию великого князя.[19] Доступ в дворцовую библиотеку требовал личного разрешения государя. Особенно удивило Николая Михайловича то обстоятельство, что Военскому удалось избежать цензуры Николая II, тогда как ему самому не раз приходилось следовать этому обязательному условию. Так в книгу попала нежелательная информация. Отзыв великого князя несет поэтому элементы легкого раздражения: «Глава VII написана интересно, но слишком резко и бездоказательно. Не понимаю, откуда почерпнуты сведения о великой княгине Екатерине Павловне, которых пока так мало».[20] В этой связи интересно письмо Николая Михайловича директору Публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко. Оно наглядно показывает цензорскую работу самого великого князя над бумагами, принадлежащими император-

ской фамилии. Перед подписанием корректурных листов «Переписки императора Николая I с великим князем, цесаревичем Константином Павловичем» Кобеко передал их на просмотр. «Прочитал с величайшим интересом, — писал Николай Михаилович 22 февраля 1910 г., — ...печатать можно все, кроме одной фразы на стр. 234 „qui n'est Là — passez moi Le mot — que comme un pot de chombre pour Le besoin physique", которую нужно пропустить. Все остальное можно печатать целиком».[21]

Рассматриваемые документы отражают не только научные интересы историка, но и раскрывают его общественную деятельность.

В период Русско-японской войны (1904—1905) под руководством великого князя проходила благотворительная историко-художественная выставка русского портрета XVIII—XIX вв. Он возглавлял подготовительный Комитет и лично вникал в организационные вопросы. Получив разрешение использовать под выставку Таврический дворец, Комитет столкнулся с тем, что помещение оказалось занятым. После вмешательства Николая Михаиловича сроки аренды удалось согласовать.[22] Состав экспозиции был достаточно широким. Великий князь обратился к владельцам частных коллекций с целью получить разрешение использовать принадлежащие им рисунки, картины и акварели. Позже каждый из коллекционеров получил письменную благодарность.[23] Кроме высокого художественного и исторического интереса выставка имела также блестящий материальный успех. В пользу вдов и сирот погибших воинов Комитет перечислил 60 тысяч рублей.

Добрая репутация Николая Михаиловича получила широкое распространение в обществе. Так, представитель Голландской общины в Петербурге пастор Гиллот отказался направить деньги в Красный Крест и доверил свое пожертвование великому князю.[24] Известие застало историка во Франции. В тот же день он откликнулся телеграммой и отдал необходимые распоряжения.[25]

Пользуясь высоким положением и близостью ко двору, Николай Михаилович не раз оказывал помощь молодым ученым, деятелям искусства.[26] В письме от 24 января 1905 г. он извещал графа И. И. Толстого о предстоящем разговоре с В. Б. Фредериксом, министром двора. Речь шла о зачис-

лении знаменитого антрепренера С. П. Дягилева на открывшуюся вакансию по императорской канцелярии.[27]

Несколько писем группируются вокруг вопроса о судьбе исторического журнала «Русская старина». После кончины редактора Н. Ф. Дубровина прежний владелец издания — С. П. Зыков, ввиду преклонного возраста, желал передать дело в более надежные руки. В сентябре 1904 г. он сделал соответствующее предложение постоянному сотруднику «Русской старины» — К. А. Военскому.[28] Финансовые возможности последнего оказались невелики. Цена издания составила крупную сумму — 15 тысяч рублей. За помощью он обратился к Николаю Михаиловичу. «К сожалению, не располагая [в] настоящее время никакими свободными средствами, — ответил историк, — лишен возможности удовлетворить Ваше ходатайство».[29] Казалось бы, что этим дело и кончилось. Однако, не сообщив просителю, великий князь ходатайствовал о ссуде перед главноуправляющим императорской канцелярии. Обстоятельства военного времени (шла Русско-японская война) тяжело отражались на государственной казне, и в удовлетворении просьбы Николая Михаиловича было отказано.[30]

Среди рассматриваемых материалов привлекают внимание два письма к министру народного просвещения И. И. Толстому. Имение великого князя на Кавказе располагалось недалеко от Боржома. Николай Михаилович считал своим долгом оказывать покровительство всей округе. В течение двух лет он вел переписку с попечителем Кавказского учебного округа М. Р. Завадским относительно реорганизации Боржомской ремесленной школы. С подозрением воспринимая всякое вмешательство в свои права, попечитель тянул время и долго не принимал окончательного решения. «У меня до Вас имеется два дела. Одна просьба и одно пожелание, — писал Николай Михаилович министру 4 ноября 1905 г., — последнее относительно попечителя Кавказского округа Завадского, человека вреднейшего и без всяких принципов. Чем раньше и скорее его уберете — тем лучше».[31] По-видимому, пожелание осуществилось. Несколько месяцев спустя великий князь предлагал кандидатуру историка Е. С. Шумигорского на открывающуюся вакансию.[32]

Телеграмма Николая Михаиловича из Самары 7 декабря 1879 г., адресованная И. В. Мушкетову, является наиболее

ранним из выявленных документов. Двадцатилетний великий князь только что возвратился из экспедиции по Средней Азии. В те времена он увлекался естественными науками. Сообщение геолога Мушкетова в Русском Географическом обществе в 1878 г. о рельефе горной системы Тянь-Шаня, за которое тот получил серебряную медаль, видимо, произвело впечатление на будущего историка. Черз год он участвовал в экспедиции Мушкетова. Телеграмма отражает ее последний этап. Николай Михаилович поздравляет своего руководителя с окончанием трудного путешествия и выражает надежду на встречу со всеми товарищами по изучению Средней Азии в течение зимы.[33] В 1900 г., столкнувшись с проблемой использования вновь открытого минерального источника в Боржоме, великий князь по старой памяти обратился к профессору Горного института И. В. Мушкетову за советом и рекомендацией опытного инженера.[34]

Доступность и отзывчивость были характерными чертами историка. Этим он выгодно отличался от прочих представителей среды, к которой принадлежал по рождению. Черты его демократизма, проявлявшиеся внешне, удивляли даже либерально настроенных людей. Литератор М. К. Соколовский так описывал личную встречу с Николаем Михайловичем, который заметил в июльской книжке «Исторического вестника» (1907) его статью о смерти Александра I: «Меня поразил ранний (9 час утра. — *В. К.*) для Петербурга того времени час приема. Да и способ знакомства был экстравагантный. Но само приглашение не удивило, так как в этой же книжке журнала великий князь напечатал свое исследование о Феодоре Козьмиче, в котором сплетня желала видеть Александра I. Предстояло мне решить: в чем ехать, — во фраке или сюртуке. Вопрос не стоит выеденного яйца в настоящее время, но он был не маловажным для тогдашней вицмундирной России с ее табелью о рангах. Решил ехать во фраке. Час свидания настал, и ровно в 9 час[ов] я был у Николая Михаиловича. Лакеи побежали докладывать, и через 2—3 минуты вышел Николай Михаилович. Очень высокого роста, слегка сутуловатый, с развалисто-небрежной походкой, он был одет в расстегнутую тужурку и белый пикейный жилет, — своеобразный шик времен Александра II. Дружески протянул руку, будто мы были знакомы давно, и провел в свой кабинет, где усадил

на кресло против себя. Предложил, несмотря на ранний час, сигару. Сам сидел тоже с сигарой во рту. Разговор протекал, конечно, на темы по истории».[35]

Административная деятельность Николая Михаиловича на посту председателя Русского исторического общества нашла частичное отражение в письмах к историку С. Ф. Платонову. Речь идет об официальных уведомлениях, текущих запросах, поздравлениях с очередной наградой. Весной 1914 г. С. Ф. Платонов вышел из состава Совета общества в знак протеста против отказа, как ему представлялось, внести имя С. А. Белокурова в списки кандидатов в действительные члены. Выборы проходили на общем годовом собрании. Совет рассматривал кандидатуры предварительно. Именно здесь из-за ошибки вновь назначенного секретаря произошло недоразумение. «Не имея права Вас задерживать, — писал великий князь С. Ф. Платонову 9 мая 1914 г., — позволяю [себе] еще раз выразить сожаление о Вашем решении вследствие этого случайного инцидента».[36]

Русское историческое общество было создано в 1866 г. для собирания, обработки и распространения материалов и документов по истории России. Издаваемый обществом сборник освещал различные стороны внутренней и внешней политики государства. Ученые и любители истории получили в свое распоряжение уникальный материал, почерпнутый из достоверных источников. Среди многих исторических документов обществом издано значительное количество донесений иностранных дипломатических агентов о России, множество бумаг Екатерины II, материалы комиссии для составления уложения, протоколы высших государственных учреждений XVIII в., бумаги отдельных исторических деятелей. Русский биографический словарь сообщал сведения не только о знаменитостях, но также сохранил для потомков память о менее значительных людях, трудившихся на пользу родной земли. Учрежденная в составе общества особая комиссия принимала действенные меры для сохранения на местах архивных документов, имеющих значение для науки. С 1910 г. Николай Михаилович руководил этой работой. Лишь после Февральской революции он добровольно сложил полномочия. В письме 10 марта 1917 г. историк писал своему помощнику А. Н. Куломзину: «Ввиду

того, что я был назначен председателем Имп[ераторского] Русск[ого] ист[орического] обще[ства] государем Николаем II, считаю своим нравственным долгом заявить Вам для сообщения г[оспода]м членам общества о моем решении сложить с себя должность председателя».[37] Тем не менее общее собрание приняло во внимание личные заслуги великого князя и 25 апреля возвратило ему пост после демократического голосования.

Влияние Николая Михайловича распространялось не только на область истории. Он принимал активное участие в событиях политической жизни. Отчетливо понимая необходимость реформ, историк подверг публичной критике наиболее консервативные и реакционные силы, окружавшие трон Николая II. После убийства Распутина и резкого сдвига политического курса вправо он был удален из столицы и сослан в свое имение на Кавказ.[38] К революции Николай Михайлович отнесся сочувственно. Его услуги высоко ценились Временным правительством. Во время следствия по делу о немецком шпионаже, затронувшего самые высокие сферы власти, он давал важные показания. В этой связи представляет интерес письмо Николая Михайловича к неустановленному лицу, написанное в Петрограде 3 апреля 1917 г. Здесь он разоблачил одну из версий о внезапном отъезде великой княгини Марии Павловны в Кисловодск за несколько дней до февральского переворота.[39]

В настоящем обзоре систематизированы документы, содержащие разнообразный фактический материал о многих сторонах деятельности великого князя Николая Михайловича. Несмотря на видимую фрагментарность они заслуживают внимательного изучения. Несколько наиболее интересных документов представлены в публикации.

ПИСЬМА ВЕЛ. КН. НИКОЛАЯ МИХАИЛОВИЧА

1. Письмо к Анатолию Викторовичу Половцову[40]

Боржом. 27 июля 1901 г.

Многоуважаемый Анатолий Викторович.

Весьма Вам благодарен за Вашу любезную и подробную критику в «Москов[ских] Ведом[остях]», которая меня очень заинтересовала и даже крайне лестна для меня лично.

Эти очерки кн[язей] Долгоруких попали в печать отдельной книгой совсем случайно.[41] Вот как это случилось. Мне было предложено от Имп[ераторского] Ист[орического] общ[ества] составить некоторые биографии для Словаря из эпохи им[ператора] Алек[сандра] I.[42] В числе прочих были и Долгорукие, которых никто не хотел писать. Я же увлекся работой, напал на новые документы (больше всего в Лобанов[ском] отд[елении] библ[иотеки] Зимн[его] дворца) и написал слишком подробные биографии, которые не подходили под рамку требований Словаря. Тогда некоторые Петерб[ургские] историки, как-то Н. К. Шильдер, В. А. Бильбасов и Е. С. Шумигорский,[43] посоветовали мне издать все это отдельной книгой, чтобы труды мои не пропали даром. Я долго колебался, не желая рисковать выступать на арену в печать, но в конце концов решился.

Пришлось перерыть много документов и материалов в различных архивах, и все что нашел, относящегося до князей Петра и Михаила, собрал в одно целое, а о князе Владимире,[44] несмотря на все старания, так-таки и не удалось найти ничего особенного. Еще больше было возни с материалами и портретами, на которые я попал лишь благодаря счастливой случайности. Самые драгоценные — князя Петра, т[ак] к[ак] другого его изображения не имеется нигде, его отца, их семьи и им[ператора] Александра I в мундире л[ейб] гв[ардии] Семен[овского] полка. Франк в Экспед[иции][45] работал прекрасно и внимательно, как и всегда, но что касается печатания текста и корректуры, то работа была дьявольская, ввиду моего нахождения на Кавказе и мне не удалось просмотреть самые последние корректуры, которые рассматривал любезно Шумигорский. Но т[ак] к[ак] он весьма занят и плохо владеет франц[узским] языком, то и вкрались прискорбные опечатки и описки. Самая досадная на стр[анице] 134, где нужно было написать «...просит письма князя Чарторыж[ского] князю П. П. Долгорукому», как Вы верно изволили угадать. Но что же делать, я не успел и не мог всего просмотреть в бытность мою в Питере в марте; а последних корректур Шумигорский мне в Боржом не высылал и понадеялся на себя. То же относительно № 663. Я вставил часть донесений нарочно в текст, как наиболее характериз[ующих] кн[язя] П[етра] П[етровича], а в приложениях желал это выпустить, но по невниманию

оно дважды отпечатано. Во втором и третьем повторении № 663, который сам по себе верен, забыты прибавки букв, comme additions au même numéro.[46] Вообще я теперь ясно вижу, что если когда-либо придется еще раз что-нибудь выпускать в свет, то нужно будет лично все проверить до самого конца. В Петербурге вообще трудно расшевелить кого-либо, а для чужой работы тем более, и спасибо Шумигорскому, что он мне по дружбе помог.

Еще раз благодарю за эту ценную для меня Вашу критику и очень надеюсь, что когда я буду в Петербурге (вероятно зимой), Вы будете столь любезны зайти ко мне. Хотелось бы о многом с Вами переговорить. Я всегда дома от 9 утра до часа, если нет каких-либо церемоний, которых не убережешься.

Может быть Вам будет возможно мне доставить все до сих пор выпущенные камер-фурьерские журналы и те, которые будут выходить в будущем.[47] На будущий год я хочу выпустить отдельной книгой рисунки St.-Aubin,[48] хранящиеся в Лобанов[ском] отд[елении] Зимн[его] дв[орца] и часть которых была уже напечатана Вендрамини в 1813 году,[49] Его Величество мне это милостиво разрешил; есть совсем неизвестные и отлично исполненные портреты различных деятелей Александр[овской] эпохи; единственно, что меня затрудняет это текст, который должен быть совсем сжатый и мало интересный, т[ак] к[ак] в такого рода изданиях нужно ограничиться лишь краткими биогр[афическими] заметками.

Вообще у меня имеется немало материала и разных интересных документов по Александр[овской] эпохе, но ввиду разных обстоятельств, я затрудняюсь еще избрать свой сюжет. Самый обильный материал, но идущий пока вразрез с теорией Шильдера,[50] это касательно личности старца сибир[ского] Феодора Кузьмича.[51] Вряд ли скоро мне удастся привести все это в ясность, т[ак] к[ак] здесь затруднения встречаются на каждом шагу, а главным тормозом — Победоносцев.[52] При встрече с Вами подробно могу поговорить об этом.

Позвольте мне крепко пожать Вашу руку

Весь Ваш Николай Михаилович

2. Письмо к Константину Аркадьевичу Губастову[53]

13 июня 1906 г.

Многоуважаемый Константин Аркадьевич.

Зная еще от покойного князя Лобанова,[54] что Вы занимались генеалогией побочных фамилий, очень просил бы Вас мне сообщить все сведения, которые Вы имеете о Семене Великом,[55] потому что за последнее время имеются некоторые данные, заставляющие предположить, что Сибирский старец Федор Кузьмич мог бы быть Семеном Великим.[56]

О подробностях могу Вам сообщить словами. Вы меня всегда можете застать дома от $10^1/_2$ до 12 часов дня и я был бы в восторге с Вами познакомиться.

Весь Ваш Николай Михаилович

3. Письмо к неустановленному лицу[57]

Для Вас и Ваших коллег.

Многих поразил внезапный отъезд великой княгини Марии Павловны[58] (19 февраля) в Кисловодск, несколько дней до переворота.[59] Очевидно, она была кем-то предупреждена о готовящихся событиях, кем именно, вероятно, уже известно следственным властям и, когда приближенные предлагали отложить отъезд, хоть на сутки, М[ария] П[авловна] не согласилась и уехала в назначенный день.

Хотя Ее Высочество не любила графиню Клейнмихель,[60] но видела ее несколько раз до отъезда и вот почему. Графиня известна своей болтливостью и любопытством ко всем событиям, особенно des nouvelles à sensation.[61] Вот для этой цели она и была весьма удачно выбрана. На другой же день после выезда великой княгини, гр[афиня] Клейнмихель раскудахтала во всех петроградских салонах следующую новость. «Государь призвал к себе в Ставке вел[икого] кн[язя] Бориса,[62] чтобы он намекнул матери о желательности ее выезда на Кавказ, но, чтобы сохранить приличие, ей давалось указание сослаться на горловую болезнь ее другого сына Андрея.[63] Следовательно, выходило, что ее высочество тоже подвержена ссылке, как и до нее вел[икий] кн[язь] Дмитрий Пав[лович], князь Юсупов II и я.[64] Elle devenait une nouvelle victime du произвол».[65]

С начала до конца вся эта версия ловкая выдумка. Ничего Государь не говорил Борису, у Андрея нет никакой

горловой чахотки и никогда Николай II не думал выгонять свою тетку из столицы.

Между прочим, Андрей был в Тифлисе 6 марта, не выходил из вагона, оставаясь на вокзале, и был взят в один из двух экстренных поездов наместника[66] совместно с приехавшим к нам из Кисловодска генералом Шевичем.[67]

В заключение замечу, что за всю войну[68] три миссии в Петрограде особенно содействовали немецкому шпионажу: шведская, датская и испанская. Подробности можно узнать у сенатора А. В. Степанова,[69] особенно о деятельности датских и испанских консулов.

Николай Михаилович

3 апреля 1917 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вел. кн. Николай Михаилович. Князья Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования: Биографические очерки. СПб., 1901.

[1а] ОР ГПБ, ф. 601. Половцовы, ед. хр. 582, л. 2.

[2] Там же, л. 3—37 об.

[3] Там же, л. 8 об.

[4] Вел. кн. Николай Михаилович. Граф Павел Александрович Строганов: (1774—1817): Историческое исследование эпохи императора Александра I. СПб., 1903. Т. 1—3.

[5] ОР ГПБ, ф. 601. Половцовы, ед. хр. 582, л. 7 об. — 8.

[6] Там же, л. 7 об.

[7] Там же, л. 9 об. — 10.

[8] Вел. кн. Николай Михаилович. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона: 1808—1812. СПб., 1905. Т. 1—3.

[9] ОР ГПБ, ф. 1032. О. Визель, ед. хр. 209, л. 1 — 1 об.

[10] Там же, ф. 601. Половцовы, ед. хр. 582, л. 4.

[11] Там же, ф. 152. К. А. Военский, оп. 2, ед. хр. 538.

[12] Вел. кн. Николай Михаилович. Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб., 1905—1909. Т. 1—5.

[13] ОР ГПБ, ф. 124. Собр. П. Л. Ваксeля, оп. 2, ед. хр. 323, л. 1.

[14] Там же, ед. хр. 320, л. 2.

[15] Там же, ф. 152. К. А. Военский, оп. 2, ед. хр. 29, л. 1.

[16] Там же, ф. 124. Собр. П. Л. Ваксeля, оп. 2, ед. хр. 324, л. 1—1 об.

[17] Там же, ф. 601. Половцовы, ед. хр. 582, л. 6 — 6 об.

[18] Там же, ф. 152. К. А. Военский, оп. 2, ед. хр. 537, л. 3.

[19] Вел. кн. Николай Михаилович. Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910.

[20] ОР ГПБ, ф. 152. К. А. Военский, оп. 2, ед. хр. 537, л. 5.

[21] Там же, ф. 124. Собр. П. Л. Ваксeля, оп. 2, ед. хр. 321, л. 1—1 об.

[22] Там же, ф. 781. И. И. Толстой, ед. хр. 1103, л. 13—14 об.

[23] Там же, л. 7—7 об.; там же, ф. 904, Х. Х. Гиль, ед. хр. 249, л. 1—3 об.; там же, ф. 403. О. К. Кулибина, ед. хр. 55, л. 2—5 об.

[24] Там же, ф. 601. Половцовы, ед. хр. 198, л. 192—193 об.

[25] Там же, ед. хр. 582, л. 11.

[26] Там же, ед. хр. 1933, 1085.

[27] Там же, ф. 781. И. И. Толстой, ед. хр. 1103, л. 1—2.

[28] Там же, ф. 152. К. А. Военский, оп. 3, ед. хр. 8, л. 5—14.

[29] Там же, оп. 2, ед. хр. 538.

[30] Там же, ед. хр. 897.

[31] Там же, ф. 781. И. И. Толстой, ед. хр. 1103, л. 4—5.

[32] Там же, л. 10—10 об.

[33] Там же, ф. 503. Мушкетовы, ед. хр. 195, л. 1.

[34] Там же, л. 2; там же, ед. хр. 91, л. 1—1 об.

[35] Там же, ф. 423. А. Н. Лбовский, ед. хр. 1559, л. 1 об.

[36] Там же, ф. 585. С. Ф. Платонов, оп. 2, ед. хр. 1411, л. 8; там же, оп. 1, ед. хр. 360.

[37] Там же, ф. 124. Собр. П. Л. Вакселя, оп. 2, ед. хр. 322.

[38] Кризис самодержавия в России: 1895—1917. Л., 1984. С. 625, 640.

[39] ОР ГПБ, ф. 781. И. И. Толстой, ед. хр. 1682.

[40] Там же, ф. 601. Половцовы, ед. хр. 582, л. 1—4 об.

[41] Вел. кн. Николай Михаилович. Князья Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования: Биограф. очерки. СПб., 1901.

[42] Русский биографический словарь. Т. [VI] Дабелов — Дядьковский. С. 527—528, 544—552, 555—562.

[43] Шильдер Николай Карлович (1842—1902) — историк, автор биографий Павла I, Александра I, Николая I и генерала Э. Н. Тотлебена; Бильбасов Василий Алексеевич (1837—1904) — историк, публицист, его основным трудом является «История Екатерины II»; Шумигорский Евгений Севастьянович (1857—1920) — историк, автор биографий Павла I, императрицы Марии Федоровны.

[44] Долгоруков Петр Петрович (1777—1806), кн. — государственный деятель, сподвижник Александра I в первые годы его царствования; Долгоруков Михаил Петрович (1780—1808), кн. — генерал-майор, участник сражения под Аустерлицем и других кампаний 1806—1808 гг.; Долгоруков Владимир Петрович (1173—1817), кн. — генерал-майор, участник военных действий 1790—1807 гг.

[45] Франк Густав Игнатьевич — главный техник по художественно-графической части Экспедиции заготовления государственных бумаг при Министерстве юстиции в 1901 г.

[46] «...а также дополнения к этому номеру» (фр.).

[47] С 1853 по 1857 г. Камер-фурьерские журналы издавались 2-м отд. собствен. канцелярии под редакцией А. Ф. Бычкова. Подготовлены к печати Б. М. Федоровым. В 1864 г. издание переходит в ведение Общего архива Министерства имп. двора, редакцию до 1898 г. осуществлял Г. В. Есипов, с 1900 по 1904 г. — А. В. Половцов, с 1905 г. и до конца издания (1916) — К. Я. Грот.

[48] Сент-Обен (Saint-Aubin) Луи — художник начала XIX в., жил в России. В библиотеке Зимнего дворца в С.-Петербурге хранятся его рисунки.

[49] Вендрамин Франческо (1780—1856) — гравер, с 1808 г. жил в России. Исполнил (пунктирной и резцовой манерой) 30 портретов для «Галереи гравированных портретов генералов, офицеров... войны 1812 года» (СПб., 1813).

[50] Согласно легенде, Александр I, будучи больным в Таганроге, скрылся за несколько дней до своей кончины, а вместо него в гроб положили другое лицо. По мнению Н. К. Шильдера, тождество императора и сибирского старца Федора Кузьмича вполне допустимо (*Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 445—448).

[51] Федор Кузьмич (?—1864) — старец. Появился в Сибири в 1837 году, жил в различных местах, вел отшельническую жизнь.

[52] Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — государственный деятель. В 1901 г. — обер-прокурор Синода. В своих секретных циркулярах запрещал культ старца Федора Кузьмича. Статья вел. кн. Николая Михаиловича увидела свет только в 1907 г. (*Вел. кн. Николай Михаилович.* Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Козьмича // Исторический вестник. 1907. Т. 109. С. 5—40).

[53] ОР ГПБ. Ф. 124. Собр. П. Л. Ваксдея, оп. 2, ед. хр. 320, л. 1—1 об. Губастов Константин Аркадьевич (1845—1919) — государственный деятель, дипломат, член Русского генеалогического общества.

[54] Лобанов-Ростовский Алексей Борисович(1824—1896), кн. — государственный деятель, дипломат, автор трудов по истории и генеалогии.

[55] Великий Семен Афанасьевич (?—1794(?)) — внебрачный сын вел. кн. Павла Петровича (Павла I) и С. С. Чарторыйской (рожд. Ушаковой), лейтенант русского флота, умер в Вест-Индии (?).

[56] Николай Михаилович исследовал генеалогию рода Ушаковых и обнаружил странное совпадение. В этой семье постоянно встречаются имена Федора и Козьмы, и даже были Ушаковы, именовавшиеся Федорами Кузьмичами.

[57] ОР ГПБ. Ф. 781. И. И. Толстой, ед. хр. 1682, л. 1. На обороте письма стоит карандашная помета: «Из бумаг Дмитрия Ив[ановича] Т[олстого]».

[58] Мария Павловна (Мария Мекленбург-Шверинская) (1854—1920), вел. кн. — жена вел. кн. Владимира Александровича,, сына Александра II, арестована в Кисловодске в апреле 1917 г.

[59] Имеется в виду вторая буржуазно-демократическая революция в России, свергнувшая самодержавие (события 23—27 февраля в Петрограде).

[60] Клейнмихель Наталия Константиновна, гр. — фрейлина при имп. Александре Федоровне в 1917 г.

[61] «...сенсационные новости» (фр.).

[62] Борис Владимирович (1877—?), вел. кн. — сын вел. кн. Владимира Александровича и вел. кн. Марии Павловны, с 1915 г. — атаман Казачьих войск, находился под домашним арестом в Царском Селе в апреле 1917 г.

[63] Андрей Владимирович (1879—?), вел. кн. — сын вел. кн. Владимира Александровича и вел. кн. Марии Павловны, арестован вместе с матерью в Кисловодске в апреле 1917 г.

[64] Дмитрий Павлович (1891—1942), вел. кн. — за участие в убийстве Распутина (декабрь 1916 г.) был выслан в Персию; Юсупов, кн., Сумароков-Эльстон Феликс Феликсович (1887—1967), гр. — за участие в убийстве Распутина был выслан из Петербурга; Николай Михаилович (1859—1919), вел. кн. — после убийства Распутина был сослан в свое имение на Кавказ.

[65] «Она стала новой жертвой [произвола]» (фр.).

[66] Поезд наместника на Кавказе вел. кн. Николая Николаевича.

[67] Шевич Георгий Иванович — генерал-майор в 1917 г.

[68] Имеется в виду первая мировая война.

[69] Степанов Александр Васильевич — тайный советник, сенатор с 1916 г.

В. И. КАПУСТА

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ МИХАИЛОВИЧА (Каталог выставки)

1. Биографии из «Русских портретов» В. К. Н. М. Б. м.: б. и., б. г. [202] с. Текст на рус. и фр. яз.

2. Генерал-адъютанты императора Александра Первого. СПб.: [Тип. А. С. Суворина], 1908. 19 с., 1 л. портр.

3. Генерал-адъютанты императора Александра I. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1913. X, 188 с.; 48 л. портр.

4. Граф Павел Александрович Строганов (1774—1817): Ист. исслед. эпохи имп. Александра I. Т. 1—3. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1903. Текст на рус. и фр. яз.

Т. 1. XIV, 386 с.; 27 л. ил.
Т. 2. XXII, 435 с.; 14 л. ил.
Т. 3. XXXII, 381 с.; 13 л. ил.

То же. Т. 1—3. Paris: Imprimerie nationale, 1905.

5. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона, 1808—1812. Т. 1—7. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1905—1914. Текст писем и донесений на фр. яз.

Т. 1: [Письма и донесения Коленкура с 20 дек. 1807 г. по 15 марта 1808 г.] 1905. CLXVIII, 263 с.; 1 л. портр.

Т. 2: [... с 16 марта по 10 дек. 1808 г.]. 1905. VIII, 413 с.; 1 л. портр.

Т. 3: [... с 20 дек. 1808 г. по 17 июля 1809 г.]. 1905. VIII, 409 с.; 1 л. портр.

Т. 4: [... с 17 июля 1809 г. по 24 мая 1810 г.]. 1906. VIII, 435 с.; 1 л. ил.

Т. 5: [... с 26 мая 1810 г. по 12 мая 1811 г.]. 1907. VIII, 492 с.; 1 л. портр.

Т. 6: [Известия и слухи из С.-Петербурга с 13 янв. 1808 г. по 8 мая 1811 г. Донесения Лористона с 12 мая 1811 г. по 28 июня 1812 г.]. 1908. IV, 224, 303 с.; 2 л. портр.

Т. 7: [Lettres et instructions du compte de Champagny et de Maret au général compte de Caulaincourt et au compte de Lauriston-ambassadeurs a Saint-Petersbourg, du 14 jan. 1808 au 22 déc. 1811]. 1914, 439 s.

То же. Т. 1—6. St.-Petersburg: Manufacture des papiers de l'état, 1905—1908.

6. Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816—1826 годы = Les rapports diplomatiques de Lebzeltern, ministre d'Autriche a la cour de Russie (1816—1826). СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1913. LXXII, 477 с.; 3 л. портр. Текст донесений и писем на фр. яз.

7. Император Александр I: Опыт ист. исслед. 2-е изд. Пг.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1914. XIV, 772 с.; 12 л. ил. Текст на рус. и фр. яз.

СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1912. Текст на
8. Император Александр I: Опыт. ист. исслед. Т. 1—2.
рус. и фр. яз.

Т. 1: Текст и приложения. XIV, 580 с.; 19 л. ил.

Т. 2: Приложения. VI, 745 с.

То же. Т. 1—2. St.-Petersbourg: Manufacture des papiers de l'état, 1912.

9. Императрица Елисавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 1—3. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1908—1909.

Т. 1. 1908. XIV, 486 с.; 29 л. ил.

Т. 2. 1909. X, 762 с.; 33 л. ил.
Т. 3. 1909. X, 778 с.; 30 л. ил.

То же. Т. 1—2. St.-Petersbourg: Manufacture des papiers de l'état, 1908—1909.

10. Казнь пяти декабристов 13 июля 1826 года и император Николай I. Пг.: [Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время»], 1916. 14 с.

11. Князья Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования: Биогр. очерки. 2-е испр. и доп. изд. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902. 189 с.; 12 л. портр.

То же. Leipzig: H. Schmidt & C. Gunther, 1902. 190 S.; 12 portr.

12. Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Козьмича. СПб.: [Тип. А. С. Суворина], 1907. 40 с.: ил. Отт. из журн. «Ист. вестн.». 1907. №

13. Наблюдения по охоте на диких гусей. [Пг.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1917]. 44 с.; 27 л. ил., карты.

14. Некоторые новые материалы к вопросу о кончине императора Александра I. СПб.: [Тип. А. С. Суворина], 1914. 22 с. Отт. из журн. «Ист. вестн.». 1914 г., № 3'

15. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1910. XXX, 320 с., 8 л. ил. Текст писем на фр. яз.

То же. St.-Petersbourg: Manufacture des papiers de l'état, 1910. XXVI, 287 s.; 8 plan.

16. Письма высочайших особ к графине А. С. Протасовой. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1913. XXIV, 312 с.; 16 л. портр.

17. Письмо императрицы Елисаветы Алексеевны к неизвестной 1-го февраля 1815 года из Вены. Пг.: [Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время»], 1916. 11 с. Отт. из журн. «Ист. вестн.» за 1916 г., № 6.

18. Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 1—5. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1905—1909. Текст парал. на рус. и фр. яз.

Т. 1, вып. 1—2. 1905. [106] с.; 50 л. портр.
Т. 1, вып. 3—4. 1905. [300] с.; 50 л. портр.
Т. 2, вып. 1—2. 1906. [116] с.; 50 л. портр.
Т. 2, вып. 3—4. 1906. [310] с.; 50 л. портр.
Т. 3, вып. 1—2. 1907. [114] с.; 50 л. портр.
Т. 3, вып. 3—4. 1907. [318] с.; 50 л. портр.
Т. 4, вып. 1—2. 1908. [114] с.; 50 л. портр.
Т. 4, вып. 3—4. 1908. [350] с.; 50 л. портр.
Т. 5, вып. 1—2. 1909. [100] с.; 50 л. портр.
Т. 5, вып. 3—4. 1909. [434] с.; 50 л. портр.

* * *

19. Московский некрополь / *Вел. кн. Николай Михаилович.* Т. 1—3. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907—1908. Авт. В. И. Саитов и Б. Л. Модзалевский указаны в предисл.

Т. 1: (А—И). 1907. XXIII, 517 с.
Т. 2: (К—П). 1908. 487 с.
Т. 3: (Р—Θ). 1908. 432 с.

20. Петербургский некрополь / *Вел. кн. Николай Михаилович.* Т. 1—4. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912—1913. Авт. В. И. Саитов указан в предисл.

Т. 1: (А—Г). 1912. XX, 715 с.
Т. 2: (Д—Л). 1912. [2], 726 с.
Т. 3: (М—Р). 1912. [2], 649 с.
Т. 4: (С—Θ). 1913. [2], 747 с.

21. Русский некрополь в чужих краях / *Вел. кн. Николай Михаилович.* Вып. 1: Париж и его окрестности. Пг.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1915. XXIV, 101 с. Авт. В. М. Андерсон указан в предисл.

22. Русский провинциальный некрополь / *Вел. кн. Николай Михаилович.* Т. 1. М.: Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев, 1914. X. 1008 с. Авт. В. В. Шереметевский указан в предисловии.

В. А. СОМОВ

О БИБЛИОТЕКЕ ГРАФА А. С. СТРОГАНОВА

Собирательской деятельности различных представителей знаменитого рода Строгановых, ее значению для русской культуры посвящено множество работ историков искусства, музыковедов, книговедов. В последнее время одна за другой появляются статьи свердловских, томских, ленинградских исследований, касающиеся строгановских книжных собраний XVII—XVIIIвв., отдельных рукописей из этих библиотек.[1]

В данном случае мы остановимся на петербургской библиотеке графов Строгановых, хранившейся в прекрасном дворце на Мойке, а именно библиотеке графа Александра Сергеевича Строганова.

А. С. Строганов (1734—1811), первый граф в роде Строгановых, просвещенный вельможа, достигший высших государственных и придворных чинов, известен прежде всего как один из выдающихся русских меценатов, обладатель превосходной коллекции живописи, монет и медалей и т. п. Его библиотека, особенно богатая ценными рукописями, считалась в свое время одним из лучших книжных собраний России.

В исследовательской литературе часто ошибочно отождествляют книжное собрание А. С. Строганова и библиотеку его двоюродного племянника Григория Александровича Строганова (1770—1857), которая хранится в университетской библиотеке Томска. Конечно, нельзя исключать того, что отдельные издания или даже целые комплексы книг, принадлежавших А. С. Строганову, попали в библиотеку его близкого родственника, но говорить об этом можно лишь после тщательного, поэкземплярного изучения Томской библиотеки Строгановых.

В январе 1990 г. в докладе, прочитанном на заседании, посвященном памяти биографа Строгановых, вел. кн. Николая Михаиловича, автор этих строк с сожалением констатировал факт, что исследователям неизвестен каталог библиотеки А. С. Строганова. Однако недавно нам удалось обнаружить этот каталог. Он хранится в ОР ГПБ, куда поступил в начале 1930-х гг. среди других материалов Строгановского дворца-музея.[2]

Это рукопись in-folio на 157 лл. (1, 157, 51), в картонном переплете, обтянутом черной, крапчатой бумагой. Корешок и углы переплета обтянуты красной кожей. Рукопись написана одним почерком (писарским) на белой, плотной бумаге без водяных знаков.

Каталог составлен петербургским книгопродавцем Шарлем (Карлом) Вейером в 1807 г. Сама рукопись, судя по внешним признакам (бумага, переплет), относится к более позднему времени, вероятно, к 1820-м гг., однако посвящение графу Строганову, подписанное Ш. Вейером, датировано ноябрем 1807 г., что позволяет определить рукопись как позднейшую копию каталога, созданного еще при жизни А. С. Строганова.

Автор каталога — Шарль Вейер — зять и наследник известного петербургского книгопродавца Клостермана, впоследствии так же, как и Клостерман, стал поставщиком книг для семьи Строгановых.

В каталоге, который составлен на французском языке, приведены описания более 1300 печатных изданий и рукописей. Это книги XVI — начала XIX в., преимущественно французские, некоторые на латинском, итальянском, немецком, английском и голландском языках. Преобладают издания XVIII века.

Вейер дает сокращенное описание книг, но при этом всегда указывает место и год издания, число томов, формат и место хранения — литерное обозначение шкафов (например, «Россика» хранилась в основном шкафу «Z»).

Изучив труды крупнейших библиографов, Вейер убедился, что библиотека графа «содержала сокровища, неизвестные самым знаменитым библиоманам, поэтому нередко обращался за помощью к самому владельцу библиотеки, который руководил его работой.

Книги в каталоге расположены по тематическому принципу. Наиболее значительный раздел — «Изящные искусства», в котором особо выделены «Сочинения украшенные замечательными гравюрами». Среди них «Неистовый Роланд» Ариосто, «Генриада» и «Орлеанская девственница» Вольтера с гравюрами Моро, Ветхий и Новый Завет с иллюстрациями Моро и Марилье, «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо с иллюстрациями Кошена и Гравело.

В разделе «Геология» Вейер отметил многоязычную Библию, изданную Г.-М. Леже (Париж, 1628—1645), в «Юриспруденции» — «древние и очень редкие сочинения знаменитых юристов», в «Естественной истории» — труды Бюффона, Режанфуса, Левайяна, Мартена, Харриса, Бургаве. По мнению составителя, интересны также: раздел литературы, собрание академических изданий, сочинения по истории России и Франции.

В конце каталога помещен раздел «Уники». Здесь подробно описаны документы по истории Франции конца XV—XVI в., персидская поэтическая рукопись, украшенная миниатюрами, коллекция рисунков и гравюр на китайские темы.

Каталог Вейера, безусловно, не является полным описанием библиотеки А. С. Строганова. Он отражает лишь ее иностранную часть, точнее наиболее ценные материалы иностранного фонда (в каталоге указано, однако, и несколько русских изданий). Не исключено, что он предназначался к печати и был призван прославить книжные богатства Строгановского дворца, так же как и подготовленные самим Строгановым два издания каталога его картинной галереи. По свидетельству Вейера, граф сам участвовал и в составлении каталога библиотеки.

Сокровища, хранившиеся в Петербургском дворце на набережной Мойки, были доступны всякому, кто всерьез интересовался искусством, наукой и литературой. Дом А. С. Строганова, который посещали почти все видные художники, писатели и ученые, являлся центром культурной жизни Петербурга. К услугам ценителей была и его библиотека.

Биограф А. С. Строганова Н. Колмаков сообщал, что даже у себя на даче на Черной речке граф попытался устроить в саду библиотеку для гостей.[3] В 1766 г.

А. С. Строганов выступил как один из инициаторов образования в Петербурге Публичной библиотеки — плана, не осуществленного в то время.[4]

В связи с этим укажем на любопытный документ, хранящийся в ОРРК БАН СССР — тетрадь записи книг, выданных из библиотеки А. С. Строганова.[5] Она относится к середине XVIII в., времени, когда А. С. Строганов только что вернулся из путешествия по Европе, сделав значительные приобретения, украсившие его библиотеку и художественные коллекции.

Всего в упомянутой тетради зафиксированы имена около 50 человек. В первую очередь это члены семьи и родственники А. С. — сестра Мария Сергеевна, кузены Александр Николаевич и Григорий Николаевич, родители жены А. С. — Анны Михайловны, канцлер Михаил Илларионович Воронцов, графиня Анна Карловна Воронцова.

Брат канцлера — Роман Илларионович взял у Строганова книгу Монтескье «О духе законов», дочь Р. И. Воронцова — княгиня Дашкова получила три тома «Всеобщей истории» на французском языке и рукописи Вольтера. В основном в тетради перечислены французские книги, а среди авторов имя Вольтера встречается чаще всего. Здесь упоминаются его переписка, «Кандид», «История России в правление Петра Великого». Любопытный экземпляр «Истории России» с пометой по-французски на титульном листе «графу Строганову» сохранился в библиотеке ЛОИИ, не исключено, что эта книга получена А. С. по подписке. Известно письмо Франсуа-Пьера Пикте, одного из доверенных лиц Екатерины II, который сообщал Вольтеру о желании графа Строганова подписаться на три экземпляра собрания сочинений Корнеля, подготовленного философом в 1764 г.[6] Видимо, у Строганова было одно из лучших в Петербурге собраний книг Вольтера, которое все время целенаправленно пополнялось.

Постоянным клиентом строгановской библиотеки был историк Герард-Фридрих Миллер. Профессор Петербургской Академии наук брал в основном книги, необходимые для научных исследований: рукопись дневника Патрика Гордона, которую Строганов приобрел по совету того же Миллера в 1759 г.,[7] «Всеобщую историю гуннов, турок и монголов» Жозефа Гинне, «Торговый словарь» Жака Са-

вари, а также «Историю России» Вольтера — книгу, для которой Миллер сам подбирал материалы, а по выходе ее в свет подверг суровой критике.

Многие читатели также берут, как правило, книги, необходимые в их профессиональной деятельности: Никита Иванович Панин — фактический глава коллегии иностранных дел — копии различных трактатов, вице-президент Мануфактур-коллегии Сукин — «Рассуждения о французской и английской торговле».

Среди читателей мы встречаем имя Александра Петровича Сумарокова, взявшего какую-то русскую рукопись, а также телескоп, который был вручен ему через Андрея Андреевича Нартова. Франческо-Бартоломео Растрелли — архитектор, построивший строгановский дворец, — заинтересовался сочинениями французского поэта Жана-Батиста Грекура.

Эта маленькая тетрадь из строгановского собрания интересна также тем, что относится ко времени, переломному для русского общества и судеб многих людей, чьи имена в ней упомянуты. Она сшита из русской бумаги 1762 г., и, судя по всему, записи относятся именно к этому времени.

Только что на престол, в результате переворота, взошла Екатерина Вторая. А. С. был в числе ее приверженцев, что послужило одной из причин его разлада с женой Анной Михайловной, чьи родственники — Воронцовы в большинстве своем поддерживали свергнутого монарха Петра III. Вскоре, в 1764 г. супруги Строгановы расстались окончательно. Сам А. С., человек далекий от политических интриг, был одним из любимых собеседников Екатерины, ее партнером в карточной игре, сопровождал императрицу в путешествиях по России.

Екатерина пользовалась и библиотекой Строганова — в тетради есть записи о том, что ее императорскому величеству были выданы комедия «Философы» Кайо (?) и «Мемуары герцога Сюлли». Здесь же мы встречаем имена людей, близких в то время к императрице. Это уже упоминавшаяся княгиня Дашкова, пьемонтец Одар, выполнявший важные поручения Екатерины в дни переворота, швейцарский ювелир Позье, трудившийся над короной императрицы. В сентябре 1762 г. в Москве состоялись коронационные торжества, и двор остался там до середины 1763 г. В Москве

был и Строганов, судя по записям в тетради, графу посылают в Москву книги, музыкальные инструменты, предметы обстановки.

Таким образом документ, обнаруженый в ОР БАН, позволяет определить круг общения А. С. в начале 1760-х гг., имена посетителей его особняка и читателей библиотеки, представить значение строгановского книжного собрания, фактически выполнявшего функции библиотеки общественного пользования для культурной жизни Петербурга.

Библиотека А. С. Строганова не дошла до наших дней как единый комплекс, хотя, судя по всему, она целиком сохранялась в составе библиотек его наследников в строгановском дворце, в котором после революции был устроен музей, до начала 1930-х гг., когда этот музей был закрыт.

Дальнейшую судьбу библиотеки А. С. зафиксировал каталог книжного собрания графини С. В. Строгановой, невестки А. С., жены его сына П. А. Каталог был составлен в 1819 г., вскоре после того, как С. В. унаследовала огромные строгановские владения по майорату, учрежденному указом Александра I. Каталог хранится в ОР ГПБ, в нем мы находим большую часть изданий, упомянутых в каталоге библиотеки А. С. Строганова.[8]

В один из томов каталога вложена записка, составленная сотрудником ПБ Владимиром Александровичем Бриллиантом в 1930 г.: «Каталог библиотеки Строгановского дома при ликвидации библиотеки в 1930 г. служил документом, в котором расписывались представители учреждений, получавших книги ликвидируемой б[иблиоте]ки: Антиквариата, Эрмитажа и Публ[ичной] Б[иблиоте]ки (М. Н. Петерсен и В. А. Бриллиант). После составления актов передачи Эрмитаж согласился передать П[убличной] Б[иблиоте]ке и самый каталог, как ценный исторический памятник одной из лучших частных библиотек России 1-й половины XIX века. Томы I—III. Влад. Бриллиант».

Итак, книги из Строгановского дворца попали в Публичную Библиотеку, Эрмитаж и в распоряжение «Антиквариата» — учреждения, занимавшегося продажей культурных ценностей за границу и, по рассказам современников, обладавшего преимущественным правом выбора. Плоды его деятельности документально засвидетельствованы в изданных на Западе в 1930-е гг. аукционных каталогах, в которых

широко представлены и книги из Строгановского дворца.

В том же 1930 г. часть собрания Строгановых — книги и рукописи — поступила в БАН. Коллекция рукописей и редких русских книг хранится особо, что же касается других печатных изданий — ситуация сложнее: они влились в общий фонд, как и в других библиотеках. В частности, многие из строгановских книг — дублеты к имевшимся ранее изданиям — попали в подсобные библиотеки отделов, обменно-резервный фонд.

В то же время книги из строгановского собрания можно сравнительно легко обнаружить в фондах современных библиотек, используя информацию, содержащуюся в каталоге С. В. Строгановой. Есть все основания для того, чтобы объединить усилия сотрудников БАН, ГПБ, Эрмитажа и начать работу по реконструкции библиотеки А. С. Строганова, ценнейшего книжного собрания старого Петербурга.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Мудрова Н. А.* Книжное собрание Г. Д. Строганова на рубеже XVII—XVIII вв. (к постановке проблемы) // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 28—40; *Мудрова Н. А.* «Литовские» книги в библиотеке Строгановых в XVI—XVII вв. (к постановке проблемы вопроса) // Федоровские чтения. 1982. М., 1987. С. 95—100; *Колосова Г. И.* Личные библиотеки в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки ТГУ // Русская книга в дореволюционной Сибири. Фонды редких книг и рукописей сибирских библиотек: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1988. С. 31—46; *Поплавская И. А., Разумова Н. Е.* Книги о Великой французской революции (из собрания графов Строгановых) // Там же. С. 47—62.

[2] ОР ГПБ Разнояз. F. XVIII. 184-1.

[3] *Колмаков Н. М.* Памяти графа Александра Сергеевича Строганова. СПб., 1844. С. 14—15.

[4] Императорская Публичная Библиотека за сто лет. 1814—1914. СПб., 1914. С. 2—3.

[5] ОРРК БАН СССР. Строгановы (иностр.), № 37.

[6] Новые тексты переписки Вольтера: Письма Вольтера // Публ. В. С. Люблинского. М.; Л., 1956. С. 399.

[7] *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1892. Т. 1, кн. 2. С. 1095.

[8] ОР ГПБ Разнояз. F. XVIII. 177-1, 177-2, 177-3.

Н. А. КОПАНЕВ

РУССКИЕ СВЯЗИ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ФИРМЫ ЯНССОН-ВЕСБЕРГ

Одним из зачинателей русско-голландского книжного сотрудничества был амстердамский издательско-книготорговый дом Янссон-Весберг. Образовавшаяся в результате слияния двух старейших нидерландских издательских фамилий еще в середине XVII в., фирма Янссон-Весберг вскоре стала крупнейшим производителем научной, научно-популярной и филологической литературы, сформировала широкую сеть книготорговых посредников во всех европейских странах, издавала репертуарные каталоги своей продукции. В конце XVII в. в период голландского журнального бума, Янссон-Весберг вместе с несколькими голландскими компаньонами стал перепечатывать в Амстердаме известный парижский «Журнал ученых», а с 1707 г. стал его монопольным издателем в Голландии. Этот факт, по всей видимости, имел решающее значение для будущих взаимоотношений голландской фирмы с Россией, так как именно в эти годы усилиями А. А. Матвеева и первого русского консула в Амстердаме Я. Фан ден Бурга русская дипломатия настойчиво пыталась получить доступ к истокам формирования западноевропейского общественного мнения — литературно-политической периодике Голландии, Франции и Германии. Первые доброжелательные отклики о России на страницах «Журнала ученых» появились именно в 1707—1709 гг., и вплоть до середины XVIII в. «Журнал» регулярно оповещал «литературную республику» о военных и культурных успехах Петра I, первых шагов российской Академии наук, русского академического книгопечатания.

После посещения Петром I Голландии в 1717 г. связи с нидерландскими издателями значительно расширились. В 1721 г. во время своей заграничной поездки И. Д. Шумахер, по поручению самого русского царя, встречался в Амстердаме с Весбергом, передал ему каталог книг, имевшихся в собрании Петра I и попросил пересылать ему новые книги, выходившие в свет в Голландии. Завязавшаяся с тех пор интенсивная переписка между И. Д. Шумахером и фирмой Янссон-Весберг сохранилась до наших дней в фонде «Ученая корреспонденция» Ленинградского отделения Архива АН СССР. Этот комплекс документов содержит ценнейшие сведения по истории комплектования библиотеки Петра I, а позднее Библиотеки Академии наук. В письмах, представленных в настоящем сборнике, можно найти до сих пор остававшиеся неизвестными подробности создания Академической типографии, материалы об издательских проектах русских учреждений, осуществлявшихся в Голландии, многочисленные данные об уровне развития нидерландского книжного дела начала XVIII века: статусе голландских граверов, рисовальщиков, переплетчиков и печатников, стоимости печатных станов, шрифтов и других типографских материалов, способах пересылки книг и оборудования из Амстердама в Петербург и расчетов за поставленные товары. Возможность строго хронологического рассмотрения взаимоотношений Петербургской Академии наук с голландской фирмой позволяет установить и некоторые важные особенности русской общественной жизни 1721—1727 гг. — времени бурной политической борьбы, резких изменений в дипломатической и культурной ориентации России. Характерна, например, история с созданием портретов Петра I и Екатерины I, остановленным после опалы А. Д. Меншикова, или сюжет о переплетных гербах Петра I, неоднократно возобновлявшийся в письмах И. Д. Шумахера и Весберга: в зависимости от политической ситуации голландцам то разрешалось помещать этот герб на книгах, посылавшихся в Россию, то в Амстердам отсылалось требование немедленно возвратить оригиналы переплетной печати в Петербург.

В настоящую публикацию включены переводы 22 писем (оригиналы на французском языке), отражающих начальный этап истории взаимоотношений Петербургской Акаде-

мии наук с голландской издательско-книготорговой фирмой. Надеемся, что они заслужат внимание исследователей.

Янссон-Весберг И. Д. Шумахеру. 14 августа 1721.
(ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 7, л. 247—248).

Мы получили маленький ящичек, который вы поручили переслать нам из Гааги, а также, во вторник, любезное ваше письмо от 8 сего месяца... При настоящем письме вы найдете последнюю часть каталога книг в восьмую часть листа. Что касается Атласа, то мы его еще для вас не приобрели. Мы передали господину Себа ящик, обозначенный литерами SNI. Не знаю, должен ли я отослать вам общий счет или только счет на то, что я уже приобрел для вас. Жду ваших распоряжений для того, чтобы мы могли бы и в дальнейшем рассчитываться за другие подготовленные ящики.

В ноябре будет продаваться значительная и редкая библиотека, каталог которой будет опубликован через 8—10 дней. Если вы пожелаете, чтобы мы послали его в Петербург, дайте нам адрес, и мы обязательно это исполним. В Гааге переводится «Преображенная Россия». Нам хотелось бы участвовать в издании этой книги, если бы мы были уверены, что она подлинная и заслуживает ваше одобрение. Вы несомненно получили от г-на Стошиуса Проект «Словаря ученых». Я думаю, что он не встретит большую поддержку, так как в первом издании [Словаря] Морери он уже будет перепечатан полностью.

Будучи готов вам служить, жду ваших указаний и надеюсь, что ваше путешествие будет благополучным...

И. Д. Шумахер Янссон-Весбергу. Из Парижа. 22 августа 1721.
(ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 2, л. 133).

Господин Весберг,

Ваше письмо от 14 августа пришло ко мне вместе с последней частью каталога. Пришлите мне общий счет всего, что вы сделали для г-на Себа, а также общий счет наших долгов вам. Передайте также оставшиеся ящики г-ну Себу, который позаботится об остальном.

Мне говорили в Гааге о ноябрьской распродаже этой библиотеки. Было бы неплохо, если бы вы переслали каталог этого аукциона г-ну Лаврентию Блюментросту, лейб-

медику Его царского величества, в Петербург. Книга, озаглавленная «Преображенная Россия», есть ни что иное, как ворох писем, написанных пленными шведами, а также записок лиц, которые были слишком далеки от власти, чтобы составить представление о нынешнем состоянии государства. Не отрицаю, однако, что в ней есть несколько правдивых описаний, а так как эта книга издается не для прибыли, вы не подвергнете себя риску, приняв участие в ее судьбе...

Янссон-Весберг И. Д. Шумахеру. Из Амстердама. 15 августа 1724. (ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 8, л. 168—168 об.).

Не имея с некоторых пор чести получить от вас какое-либо известие (что мы объясняем частыми путешествиями Его Имп. Величества), пользуемся случаем, чтобы возобновить переписку и выразить вам свое уважение. При сем прилагаю каталог книг, вышедших в свет в последние годы. Кроме того, у нас имеются нижеперечисленные книги, переплетенные с тиснением герба Его Имп. Величества, а также еще два медных переплетных герба, гравированных здесь. Ожидаем ваших приказаний по их отправке. Господин де Лимьер, работающий сейчас газетчиком в Утрехте, все еще усердно трудится над историей Его Величества. Если мы будем иметь честь получить какие-нибудь материалы или подлинные записи о его походах и учреждениях, мы сможем с большим удовольствием способствовать прославлению Его Величества...

И. Д. Шумахер Янссон-Весбергу. Из Петербурга. 18 января 1725. (ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 2, л. 264—265).

Господин Ван дер Бек передал мне письмо, написанное вами, но сделал это с большим запозданием, я получил его лишь три недели назад. Вы знаете, что мое уважение к вам столь велико, что я не заставил бы вас так долго ожидать ответ. Что касается книг, то прошу передать их господину Фан ден Бургу и составить общий счет всего, что мы получили от вас, а вы от нас. Гербы Его Величества останутся у вас до новых заказов, так как я не сомневаюсь, что мы еще будем нуждаться в ваших услугах.

Передайте мои наилучшие пожелания г-ну Лиммер и скажите ему, что я не смогу снабжать его материалами

для истории, над которой он работает. Все что я могу сделать, так это выслать ему погодные записки Его Имп. Величества, которые скоро будут напечатаны. Говорят, что они были написаны самим Его Величеством на русском языке. Их можно перевести на латинский или французский язык. Напишите нам, как у вас идут дела после заключения мирного договора...

Янссон-Весберг И. Д. Шумахеру. Из Амстердама. 8 июня 1725. (ЛО ААН, ф. 121, оп. 2, № 28, л. 1—2 об.).

Имел честь получить ваше письмо от мая, очень рад, что вы по-прежнему в добром здравии, и надеюсь, что милостивый Создатель сохранит его и в дальнейшем.

Учреждение Академии принесет большую пользу, и так как земли Империи необъятны, никогда не будет недостатка в темах, способных вызвать интерес Любознатель-, ных, что, в свою очередь, в дальнейшем сможет иметь очень большое применение.

В соответствии с вашими просьбами мы осведомились о возможности приобретения шрифтов и прочих материалов для оборудования типографии, но так как в вашем запросе не были оговорены частности, мы можем в настоящее время сообщить лишь следующее: 1. Новый печатный стан со всем оборудованием, сделанный на заказ, стоит 15—170 флоринов. Иногда продаются уже готовые станы, и при условии хорошего качества их можно купить дешевле. 2. Что касается шрифтов, то существует множество их разновидностей, имеющих разную стоимость... Для напечатания одного листа необходимо 300 фунтов шрифтов, из которых можно составлять тексты на латинском, французском и голландском языках В Голландии также заказывают греческие и еврейские шрифты, комбинированные с химическими и алгебраическими знаками. Немецкие шрифты значительно отличаются. 3. Для работы на одном печатном стане необходимо два человека, оплачиваемых понедельно или за каждую отпечатанную кипу. При постоянной работе они могут получать здесь 7, 8, и до 10 флоринов в зависимости от качества работы. Кроме них необходимы наборщики, способные разбирать самые разные виды почерков. 4. Наши типографии в настоящее время столь загружены работой, что мы испытываем даже недостаток рабочих и их везде

ищут. Вот почему вы скорее найдете то, что вам надо, в Германии или Ливонии. 5. Помощников книгопродавцов, способных [отправиться в Россию], в наших краях нет. Они занимаются переплетом книг, и те, которые имеют уже капитал, не будут менять место службы. 6. Что касается учреждения издательско-книготорговой Компании, то сообщаю вам, что это сейчас не практикуется, так как в отличие от других видов торговли в данном случае невозможно сделать точную калькуляцию доходов и расходов, что может привести к многочисленным недоразумениям. Для того, кто обосновался в Петербурге, выгоднее просто покупать книги, в этом случае на товар в 1000 флоринов дается кредит в 300 флоринов (при условии надежности партнера). В Саксонии имеются книгопродавцы, стремящиеся к таким сделкам.

Мы передали г-ну агенту Фан ден Бургу два экземпляра каталога Библиотеки кардинала Дюбуа, в которой имеются прекрасные книги. Ее распродажа состоится в августе. Если мы сможем быть вам полезны, ждем ваших милостивых приказаний...

[Постскриптум:]

Неделю назад опубликован том «Записок о царствовании Петра Великого» Ивана Нестесураное. Вне зависимости от того, вымышленное это имя или подлинное, здесь с большим нетерпением ожидают все, что напечатано по приказу Ее Величества, что заставило нас приостановить выпуск в свет нашего издания. Мы будем очень рады узнать, можно ли надеяться получить «Записки», которые, возможно, будут найдены, будут ли они как-либо использоваться.

И. Д. Шумахер Янссон-Весбергу. Из Петербурга. 24 августа 1725. (ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 2, л. 297—297 об.).

Счет за книги, посланные вами, будет оплачен по этому векселю стоимостью 344 флорина. Вы их получите через Жана Лупа в Амстердаме. Из тех книг, которые я имел честь заказать у вас, многих еще недостает. Поэтому прошу вас переслать их мне с указанием цен: мы безотлагательно оплатим счет. Если у вас есть еще что-либо интересное, пошлите в той же посылке.

Янссон-Весберг И. Д. Шумахеру. Из Амстердама. 13 ноября 1725. (ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 10, л. 112).

Надеемся, что книги уже прибыли в целости и сохранности. Прилагаю каталог новых книг в ожидании, что вы обяжете меня новыми заказами; в таком случае книги можно было бы переплести зимой и отправить на первом же корабле, вместе с теми, которые остались от предыдущего заказа.

Будущей весной во Фризе будет продаваться типография, точная дата еще не установлена. Типография будет распродаваться по частям. В связи с этим вам надо только уточнить, какое количество печатных станов и какие шрифты вы хотите купить: и они будут приобретены для вас по умеренным ценам. В дальнейшем можно заказать отливку того, чего будет недоставать. Так как время еще терпит, вы можете заказывать...

И. Д. Шумахер Янссон-Весбергу. Из Петербурга. 17 февраля 1726. (ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 2, л. 329).

После принятия решения об отливке литер для нашей типографии господами Купи — очень ловкими мастерами-словолитцами, живущими в Петербурге, мы надеемся в скором времени иметь возможность печатать то, что найдем нужным. Таким образом, не надо будет ничего предпринимать по отношению к типографии, продажа которой состоится во Фризе. Единственно о чем мы вас просим: закажите изготовление для нас четырех печатных станов и всего, что надлежит для печатания книг, и пошлите их с книгами, заказанными в прошлом году, и теми, которые я, как обычно, закажу в этом году. Счет передайте, пожалуйста, г-ну Фан ден Бургу, он будет получать деньги для оплаты ваших услуг.

Янссон-Весберг И. Д. Шумахеру. Из Амстердама. 18 марта 1726. (ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 13, л. 111).

Имели честь получить ваше любезное письмо от 17 февраля, из которого явствует, что вы в добром здравии, чего и желаю вам в дальнейшем. Мы с удовлетворением узнали, что вы нашли возможность изготовить шрифты с помощью господ Купи, они могут выгравировать недостающее, а если все-таки чего-то будет не хватать, можно будет дополнить здесь. Мы заказали печатные станы. Их изготовление зай-

мет какое-то время, но как только первый будет готов, он будет тут же отправлен. То же самое будет и с остальными. Купленные для вас книги отданы нами в переплет для их скорейшей отправки на первых же кораблях. Станы заказаны самые лучшие с медными и железными деталями, чтобы в дальнейшем они долго или вообще никогда не требовали доделки.

Посылаю вам последний ежемесячный каталог новых книг, не сомневаясь, что вы уже получили предыдущий. Так же передаю несколько каталогов для новых профессоров...

И. Д. Шумахер Янссон-Весбергу. Из Петербурга. Июнь 1726. (ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 2, л. 341 об.).

Вы хорошо поступили, заказав станы из прочного, долговечного материала и решив послать первый из них по мере изготовления. Мы так же рассчитываем на материалы для отливки букв, о чем вам напомнит г-н Фан ден Бург. Пошлите нам книги по приложенному ниже списку и закажите г-ну Пикару гравирование приложенной виньетки, которую он может видоизменять по своему усмотрению. Главное, он должен подчеркнуть величие в изображении царственных особ...

Янссон-Весберг И. Д. Шумахеру. Из Амстердама. 19 апреля (?) 1726. (ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 12, л. 28 об.—29).

Имели честь получить от г-на Фан ден Бурга письмо, где ваша Светлость заказала 30 000 фунтов материалов для отливки шрифтов, а также 100 000 старых литер. Настоящим письмом сообщаю вам: что, во-первых, дело г-на Эндта находится в плачевном состоянии, он в настоящее время работает простым служащим по найму, растранжирил на книги все свое состояние, продал словолитню, живет в крайней нужде. Мы обратились к тому, кому он продал материалы, просили его взять на себя часть вашего заказа и, кажется, преуспели в этом. Потом мы обратились ко второму словолитцу и получили такой же ответ. Третий, с которым мы говорили, также под честное слово согласился участвовать в этом деле, но он столь осторожен, что мы сочли необходимым предварительно информировать вашу Светлость. Я думаю, что он не сможет поставлять больше 400 фунтов шрифтов каждые две недели. Что касается ста-

рых литер, то мы их собираем повсюду и часть заказа будет отправлена на первом же корабле. Простите меня за смелость, но хотелось бы переспросить, столько ли материалов вам надо; их количество так значительно, что можно было бы снабдить им 6 типографий. Мы отошлем первый печатный стан после Пасхи на первом же уходящем корабле и будем поступать так же с каждым последующим для избежания возможных убытков вследствие кораблекрушения.

Мы ожидаем от вашей Светлости каталог и посылаем тот, который издаем ежемесячно...

Янссон-Весберг И. Д. Шумахеру. Из Амстердама. 19 апреля 1726. (ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 13, л. 109—109 об.).

Имели честь получить ваше письмо от 8 прошедшего месяца. Мы посоветовали отослать печатные станы как можно быстрее и надеемся, что первый будет готов на будущей неделе. Он будет погружен на первый же корабль. Второй последует за ним через четыре недели и так далее. Надеемся, что уже в скором времени можно будет начинать. Вместе со станом мы отошлем старые шрифты, о чем более подробно напишет г-н Фан ден Бург г-ну Блюментросту. Мы послали по почте заказанные вами журналы и будем делать это в дальнейшем, если не будет иных распоряжений. Ожидаем заказ на книги с ближайшей почтой. [По вашему поручению] мы говорили со многими граверами, но не нашли ни одного пожелавшего бы [отправиться в Россию]. Здесь у граверов так много работы, что к ним не подступиться. Для дальнейших переговоров мне необходимо знать, сколь велико будет их жалование, так как никто не захочет ехать без гарантий и Академия будет вынуждена вести тяжбы из-за каждого заказа. Из-за большого количества работы граверы сегодня заставляют нас платить на треть больше чем 3—4 года назад, а если какой-либо еще и рисовать умеет, то и того более. Когда вы соблаговолите дать нам более точные указания, мы попытаемся найти способного мастера. Впрочем, если у Академии есть хороший рисовальщик, было бы предпочтительнее послать его для гравировальных работ сюда...

И. Д. Шумахер Янссон-Весбергу. Из Петербурга. 26 апреля 1726. (ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 2, л. 335—335 об.).

Мы действительно заблуждались по поводу материалов для отливки литер... и теперь исправляем ошибку и просим

вас соблаговолить послать нам материалы вместе со станами, как вы и пообещали в последнем письме. Мы могли бы дать хорошему граверу жалование 300—400 рублей в год, оплачивать жилье и дрова и дать еще 50 рублей на дорогу. Если эта страна ему не понравится, он сможет уехать обратно, когда ему заблагорассудится. Пошлите мне т. 17 и последующие «Журналь де Треву» in 4°, а также 12 и последующие тома голландской перепечатки этого же журнала (кроме 10 и 11 тт., которые у нас имеются). Пошлите также все сочинения Круза и новое издание Физики Гравезанда...

Янссон-Весберг И. Д. Шумахеру. Из Амстердама. 16 июля 1726. (ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 13, л. 113).

Некоторое время не получали от вас известий и наконец с огромной радостью узнали о прибавлении вашего семейства... Не сомневаюсь, что старые шрифты и первый печатный стан уже прибыли и заслужили ваше одобрение. Вы скоро получите от г-на агента Фан ден Бурга сведения о втором стане, остатке старых шрифтов, а также о новых материалах. Не сомневайтесь, что Ваш заказ будет хорошо исполнен. К сему прилагаю рисунок г-на Пикара и полученный нами оригинал. Фан ден Бург посчитал, что рисунок необходимо послать по его каналам. Если он заслужит одобрение, то Пикар рассчитывает иметь за рисунок и гравюру 60 флоринов. В случае необходимости внести какие-либо изменения, он просит сообщить об этом отдельно.

Завтра мы передадим г-ну Фан ден Бургу ящик с заказанными книгами, а на следующей неделе другой для избежания риска от кораблекрушения. В связи с тем, что мы не получили никаких противоположных инструкций, мы посылаем очередной XI том «Германской библиотеки» и будем продолжать присылку томов «Журнала ученых» и других заказанных вами ранее книг.

Янссон-Весберг И. Д. Шумахеру. Из Амстердама. 7 августа 1726. (ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 13, л. 114).

С настоящим письмом мы посылаем журналы: «Английская библиотека» и «Литературная история Европы»; XI том «Германской библиотеки» придет к вам с письмом от 16 июля, к которому приложен также рисунок виньетки

г-на Пикара. Мы ждем от вас приказаний на этот счет, чтобы дать ему [Пикару] ответ. Опись ящика, переданного нами г-ну агенту Фан ден Бургу, находится в настоящем письме. Мы не дали г-ну Фан ден Бургу копию счета, так как он ждет ваших указаний по оплате уже отправленных и готовящихся к отправке книг. Мы с удовольствием ожидаем прибытия [в Петербург] шрифтов и печатного стана и начала работы типографии...

И. Д. Шумахер Янссон-Весбергу. Из Петербурга. 27 августа 1726. (ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 2, л. 350 об.).

Мне передали журналы вместе с вашим любезным письмом: г-ну Фан ден Бургу приказано оплатить ваши счета. В вашей последней посылке не было книг, заказанных мною. Если вы будете посылать их лишь по прошествии года, мы всегда будем отставать от событий и находиться в замешательстве. Если вдруг вы не сможете посылать сюда книги по морю, направляйте их в Ригу к г-ну Фролиху, книготорговцу, или в Ревель к г-ну Колеру, типографщику, или в Кенигсберг к книгоиздателю Эккарту с приказом переслать их дальше по суше. Я предупрежу этих господ. Не забудьте, господин, послать нам продолжение «Записок о России»(у нас имеется только первый том этого издания), а также только что изданную «Физику» г-на Гравезанда, шесть экземпляров. Пошлите мне все, что напечатано об Ост-индской компании, следующие тома Ламберти и третий том «Военных анналов».

И. Д. Шумахер Янссон-Весбергу. Из Амстердама. 31 июля 1726. (ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 2, л. 345—346).

Я получил ваше письмо от 16 июля с рисунком г-на Пикара и немецкой Библией. Продолжайте отсылку обозначенных мною журналов и интересных работ, выходящих у вас. Мы ожидаем остальные тома графа Марсилиет, третий том Записок Ламберти. Вы будете посылать нам постоянно и без напоминания следующие тома и прибавления всех других книг, полученных нами от вас. Ее императорское Величество видела рисунок г-на Пикара и одобрила его. Она хотела бы, если это можно сделать, чтобы император одной рукой одевал ей корону на голову, а другой снимал.

Стоимость работы нас удовлетворяет, и если он [Пикар] не согласится на меньшую оплату, мы не будем торго-

ваться в надежде, что г-н Пикар не возьмет с нас больше, чем с других. Пусть он ее гравирует и пусть также закажет изготовление приложенных букв, меняя их рисунок по своему усмотрению. Имею честь послать ему портрет Ее Имп. Величества, а также усопшего императора...

Янссон-Весберг И. Д. Шумахеру. Из Амстердама. 9 сентября 1726. **(ЛО ААН, ф. 1, оп. 3, № 12, л.** 52—52 об.).

Имели честь получить ваше письмо от 31 июля с двумя рисунками для г-на Пикара, которые мы сразу же передали и которые он исполнит в самый краткий срок. Он попросил написать ему об изменениях в рисунке, потому что он лучше может понять мысль или образ, выраженные словами, чем другим рисунком. Он выполнит ваши пожелания, касающиеся Ее Имп. Величества...

И. Д. Шумахер Янссон-Весбергу. Из Петербурга. 30 августа 1726. **(ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 2, л. 352—354 об.).**

Мы получили книги, посланные вами на корабле «Вестра», и нетерпеливо ждем также те, которые значились в нашем последнем заказе. Прибавьте к ним книгу Марсильи и несколько экземпляров «Физики» Гравезанда. Вот сообщение относительно граверных работ:

1. Академия наук хочет, чтобы Б. Пикар придумал и изготовил гравюру, открывающую «Записки» Академии, которые будут печататься в четвертую часть листа. На ней хотелось бы видеть Ее Имп. Величество, сидящую на троне и походящую на Минерву с гением на руках, которая показывает ему на Академию, находящуюся вдалеке, и призывает туда российское юношество. Перед Академией можно расположить бронзовую конную статую усопшего императора и изобразить на ее пьедестале в виде барельефа Музу, увенчанную лавровым венком, и слова: «Божественный Петр император Всероссийский». Так как записки будут разделены на три класса: математический, физический и изящной словесности, можно украсить гравюру атрибутами этих наук, но не слишком загружая г-на Пикара и прося его сделать все возможное, чтобы точно передать изображение Его имп. Величества, и главным образом императрицы, изобразив ее самым крупным планом. Вот почему вам посланы два портрета.

2. Для тех же «Записок» мы хотим иметь 8 виньеток. Одну для предисловия, три для украшения трех классов, одну для титульного листа и три оставшиеся для помещения в конце каждого класса. Сочинитель виньеток должен поразмыслить над содержанием каждого раздела наук.

3. Для тех же «Записок» надо будет выгравировать на меди три алфавита заглавных букв, украшенных в соответствии с содержанием трех классов и имеющих размеры, пропорциональные формату книги.

4. Портреты должны быть исполнены лучшим гравером, которого только можно найти в Голландии в ту же величину, что и оригиналы с подписями из заглавных букв «Петр I Император и Самодержец Всероссийский. Отец отечества», а под гравюрой императрицы: «Екатерина Императрица и Самодержица Всероссийская». Должны быть отпечатаны только пробные экземпляры.

5. Желают, чтобы рисунки № 1 и 2, представляющие собой ductus Thoragiques, были гравированы на одной медной доске.

Господа Весберги будут распространять вышеуказанные работы по своему усмотрению, но выбирая наиболее опытных посредников. Как только названные гравюры будут изготовлены, они [Весберги] упакуют их как обычно и отошлют почтой из Амстердама в Кенигсберг на адрес г-на Эккара, нашего корреспондента, уже получившего необходимые указания. Одновременно и как можно быстрее [Весберги] пошлют нам: пять алфавитов заглавных букв разной величины для оттискивания с деревянных досок и другие книжные украшения, заставки и концовки. Г-н Пикар отправит свой рисунок, выполненный для «Записок», еще до его гравирования, а тот, кто займется анатомическими таблицами, прежде перешлет пробный оттиск. Соблаговолите уведомить нас, сколько будут стоить все заказанные вещи, и предупредите тех, кто будет занят в этом деле, о необходимости сохранения его в тайне.

Янссон-Весберг И. Д. Шумахеру. Из Амстердама. 12 декабря 1726. (ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 13, л. 116—116 об.).

Имели честь получить ваше письмо от 27 сентября и маленький ящичек, в котором были портреты Их Величеств и две анатомические работы. Мы обратились за информа-

цией о ценах к г-ну Пикару, и вот его ответ: Титульный лист in-4° будет стоить от 200—250 до 300 флоринов в зависимости от размеров, которые можно будет определить лишь по окончании работы. Каждая сюжетная виньетка, так же в зависимости от величины, будет стоить от 60 до 70 флоринов, а концовки как минимум по 20—25 или 30 флоринов. Что касается гравированных заглавных букв, то с разделом Физика трудностей не будет, так как можно будет употребить изображение различных опытов, но вот для воплощения в 24 буквах понятий изящной словесности явно недостает сюжетов. То же самое касается и букв с декоративным орнаментом. Сюжетные буквы будут стоить по 15 флоринов за штуку, а орнаментированные — по 7 флоринов. Медь и гравирование оплачиваются отдельно. За два портрета запрашивают 200 золотых дукатов из-за их величины. Мастер будет самый знаменитый и самый признанный из всех, работавших до сих пор. Анатомические таблицы будут стоить примерно 150 флоринов. Вот примерная сумма, в которую вам все обойдется. Мы ожидаем ваших милостивых распоряжений и переводов денег, так как мастера не начнут работать до получения некоторого аванса и без подписания договора.

Не сомневаюсь, что г-н советник Фан ден Бург переслал вам на счет на 1087 флоринов. У нас еще нет ответа, но мы хотели бы получить деньги как можно быстрее, чтобы употребить их на возмещение некоторых совершенных для вас покупок. Первым же кораблем, идущим в Кенигсберг или Ригу, мы пошлем остаток книг. Г-н Пикар сегодня пообещал нам изготовить виньетку, которую мы отошлем без промедления. Благодарим г-на Блюментроста за книгу, переданную нам г-ном Фан ден Бургом. У нас уже было некоторое количество ее экземпляров, купленных на лейпцигской ярмарке. Мы разослали ее во многие места как новинку и объявили в июльском номере нашего каталога. Сведения о книге мы поместим в голландских журналах.

Янссон-Весберг И. Д. Шумахеру. Из Амстердама. 24 декабря 1726. (*ЛО ААН СССР*, ф. 1, оп. 3, № 13, л. 260).

Не сомневаюсь, что вы получили наше предыдущее письмо и осведомлены, таким образом, о всех новостях. Посылаю образец виньетки и другие работы г-на Пикара

и остаюсь в уверенности, что они заслужат одобрение Академии. То же самое касается и других гравировальных работ. Вы желаете, чтобы посылки были отправлены через Кенигсберг, но все может измениться, и в Кенигсберг корабли могут пойти не раньше, чем в Петербург. Жду ваших распоряжений...

И. Д. Шумахер Янссон-Весбергу. Из Петербурга. 11 февраля 1727. (ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 2, л. 380 об. — 382 об.).

Несколько дней назад я получил журналы и виньетку. Признаюсь, она стала причиной моей задержки с ответом. Наш президент г-н лейб-медик одобрил все пункты вашего ответа на мой заказ, касающийся эстампов, виньеток и букв. Мы надеемся, что вы прикажете изготовить их как можно быстрее самыми искусными мастерами и будете поступать с нами так, как хотели бы, чтобы поступали с вами. Ждем их на первых же кораблях... Пошлите нам в кратчайшие сроки латинские шрифты... и прибавьте какое-то количество букв с аксантами для набора французских текстов. Работая с эстампами, виньетками и другими книжными украшениями и буквами, обращайтесь к г-ну Фан ден Бургу, который получил указания по незамедлительной оплате ваших счетов. Достаньте нам «Путешествия» Тевено и несколько экземпляров нового издания «Экспериментальной физики» г-на Гравезанда.

И. Д. Шумахер Янссон-Весбергу. Из Петербурга. 27 мая 1727. (ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 2, л. 393—394).

Я получил ваши письма, а также виньетки. Вы сообщаете, что в настоящее время намереваетесь отдать в работу и другие вещи, заказанные мной, но в силу некоторых явившихся причин прошу вас не делать этого, а вернуть мне почтой анатомический рисунок и портреты их Имп. Величеств, если они уже не начаты. С нетерпением ожидаю греческие и латинские шрифты, которые вы приказали отлить по моей просьбе. Что касается заглавных букв, то я имею в виду самые большие, какие только делают. Виньетки и заглавные буквы, гравированные на меди, не нужны, но необходимы те, что оттискиваются с деревянных досок. Нас удивляет, что вы ничего не сообщаете о заказанных книгах, в дороге они или нет...

П. И. ХОТЕЕВ

К ИСТОРИИ ПОСТАВОК КНИГ ИЗ-ЗА РУБЕЖА В СУХОПУТНЫЙ ШЛЯХЕТНЫЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

Сухопутный шляхетный кадетский корпус в Петербурге располагал в середине XVIII столетия хорошей библиотекой, которая, в соответствии с сохранившимся каталогом,[1] в 1750 г. насчитывала 2355 томов.[2] Библиотека постоянно пополнялась, причем книги для нее приобретались не только внутри страны, но и за границей. Чрезвычайно полезными оказались книжные поставки из-за рубежа, имевшие место в 1756—1758 гг. В Центральном государственном военно-историческом архиве СССР есть материалы, которые свидетельствуют о том, что эти поставки были осуществлены благодаря активному содействию пастора лютеранской церкви при Сухопутном кадетском корпусе Гилариуса Гартмана Геннинга (Hilarius Hartmann Henning, 1713—1792).[3] Ниже публикуется рапорт Геннинга в корпусную канцелярию, из которого явствует, что в начале 1756 г. ему было поручено выписать для корпуса из-за границы партию книг по географии и истории.[4] Публикуемый документ примечателен прежде всего в том отношении, что упоминаемая в нем торговая сделка явилась первым звеном в ряду аналогичных сделок, предпринятых в течение последующих лет, когда в библиотеку корпуса от зарубежных поставщиков поступили десятки книг по различным отраслям знаний.[5]

Выпускник Галльского университета, Г. Г. Геннинг более пятидесяти лет (с 1739 г.) состоял на русской службе, не утратив при этом связей с представителями преподавательских, научных и деловых кругов в Германии.[6] Став активным

посредником в коммерческих сделках между зарубежными книготорговцами и администрацией Сухопутного кадетского корпуса, пастор Геннинг способствовал пополнению фондов корпусной библиотеки и тем самым внес заметный вклад в развитие русско-западноевропейских культурных контактов.

—

В канцелярию шляхетного кадетского корпуса рапорт

Сего 756 года февраля 29 по объявлению от канцелярии кадетского корпуса велено мне выписать из чюжих краев для кадетских наук два атласа на французском языке называемые <атлас> нуво контенант тут ле парт де монд пар гилгом делиль, да еще два экземпляра универзалной всего света гистории один на немецком, другой на французском языках, вследствие чего из оных книг мною и выписано а имянно патнатцать томов истории с начала всего света на немецком языке которые по щету ценою обошлись по три рубли по дватцати по пяти копеек каждои том, да принадлежащих к тем книгам суплементов четыре тома по два рубли по семидесяти по пяти копеек, и тои же гистории принадлежащая еще гишпанская гистория состоящая из пяти частей, в пяти томах по два рубли по дватцати копеек каждая, а всего ценою обошлось в семдесят рублев семдесят пять копеек, кои книги при сем и представляю, и прошу за оные, объявленные денги мне выдать

H. H. Henning

Декабря 2 дня 1756 года

(ЦГВИА, ф. 314, оп. 1, № 2867, л. 3)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦГВИА, ф. 314, оп. 1, № 2303.

[2] См.: *Хотеев П. И.* Библиотека Сухопутного шляхетного кадетского корпуса в середине XVIII в.: (Количественные данные) // Книга в России XVI — середины XIX в. Материалы и исследования: Сб. науч. тр. Л., 1990. С. 119—126.

[3] ЦГВИА, ф. 314, оп. 1, № 2867.

[4] Там же, л. 3. В рапорте Геннинга речь идет об «Атласе» Гийома Делиля (Guillaume Delisle, 1675—1726), а также о немецком и французском изданиях многотомной «Универсальной истории». Вероятнее всего,

здесь имеется в виду «Универсальная история» Андреаса Лазаруса Имхофа (Andreas Lasarus Imhof, 1656—1704), издававшаяся в первой половине XVIII в. как на немецком, так и на французском языках. Преподаванию географии и универсальной истории в Сухопутном кадетском корпусе уделялось большое внимание (см., например: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 11, т. 22. С. 579).

[5] Например, среди книг, поступивших в корпусную библиотеку из-за границы в 1757 г., были первые шесть томов «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера (ЦГВИА, ф. 314, оп. 1, № 2867, л. 39, 61).

[6] О Геннинге см.: *Пряничников Е. А.* Новый документ об Абраме Петровиче Ганнибале и его семье // Из коллекций редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1981. С. 72—80. Геннинг известен как автор ряда опубликованных сочинений (см.: Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII в. Л., 1985. Т. 2. С. 17—18, № 1257—1261).

С. Н. ИСКЮЛЬ

КНИГИ ГЕРХАРДА-АНТОНА ФОН ХАЛЕМА В РОССИИ

Интерес к творчеству Герхарда-Антона фон Халема в России в начале XIX в. был предопределен тем обстоятельством, что немецкий историк серьезно и плодотворно занимался русской историей. Венцом его кропотливых занятий были капитальные, в полном смысле слова, научные исследования — жизнеописания двух великих людей российской истории нового времени — генерал-фельдмаршала графа Б.-К. фон Миниха и императора Петра Великого.

Герхард-Антон фон Халем, историк и поэт, родился 2 марта 1752 г. в Ольденбурге, умер в Эутине 4 января 1819 г. Получив историко-правовое образование, фон Халем некоторое время служил чиновником герцогской канцелярии и Государственного совета в Ольденбурге. Во время французского господства в Германии фон Халем исполнял обязанности советника аппеляционного суда в Гамбурге, а по восстановлении правления герцога Петера-Фридриха-Людвига в Ольденбурге вернулся на ольденбургскую службу.

Попутно со служебной карьерой протекала и литературная деятельность Халема. В 1783 г. им было основано литературное общество. Ольденбургская газета обрела в лице фон Халема своего редактора. В 1790 г. он совершил путешествие по германским государствам, Франции и Швейцарии, что имело большое значение для мировоззрения историка, близко соприкоснувшегося с революционизирующим влиянием событий во Франции. По возвращении из путешествия фон Халем пишет «Взгляд на судьбу Германии», книгу, в которой отразилась общая атмосфера неуверенности и исканий мыслящего общества тогдашней Германии. Затем появляется «История герцогства Ольденбургского» —

обширный труд в трех томах (1794—1796) и одна за другой — «Жизнь Петра Великого» (Т. 1—3. Мюнстер, 1803—1805) и «Жизнеописание российского генерал-фельдмаршала графа фон Миниха» (Ольденбург, 1803; второе издание — 1838).

Переводы книг фон Халема были выполнены по прошествии недолгого времени после выхода их в свет в Ольденбурге и Мюнстере. Первой была переведена книга о Минихе, и это не удивительно, ибо специальных книг об этом незаурядном государственном и военном деятеле на русском языке к тому времени не было, как впрочем и до настоящего времени, если не считать ряда публикаций и статей в исторических журналах. «Жизнь Петра Великого» так же привлекла к себе большое внимание как одно из первых и основательных жизнеописаний российского императора, вышедшее из-под пера историка за пределами России, — в сущности первая полная биография, так как до этой книги о Петре Великом преимуществовали сочинения частного, компилятивного и анекдотического характера.

„Lebensbeschreibung der Russiche-Kaiserlichen General-Feldmarschalles B. C. Grafen von Münnich“ (Oldenburg, in der Schilze’schen Buchhandlung, 1803) с посвящением герцогу Петеру-Фридриху-Людвигу было переведено в 1806 г.[1] Автором перевода был Василий Федорович Тимковский (1781—1832). О Тимковском известно, что он происходил из мелкопоместной и богобоязненной семьи; обучался сначала в Киевской духовной академии, затем в Московском университете. Известно, что он начинал свою службу в канцелярии Государственного Совета при председателе Департамента Государственной Экономии Н. С. Мордвинове, затем был определен к государственному секретарю А. С. Шишкову — известному деятелю Александровского времени, участвовал в составлении ряда манифестов, которыми отмечены 1812—1813 гг., сопровождал Шишкова в заграничных походах русской армии, «вслед за Александром Первым».[2] Тимковский служил правителем канцелярии при наместнике Бессарабии, занимал должность начальника обоих отделений Азиатского департамента МИД, был одно время прикомандирован к главнокомандующему в Грузии А. П. Ермолову и умер сорока лет от роду на посту бессарабского губернатора. Человек образованный и начитан-

ный (по отзывам знавших его людей знал чуть не наизусть всего Плутарха), В. Ф. Тимковский в молодые годы пробовал силы в стихосложении, затем, еще будучи студентом, обратился к переводам и опубликовал «Путешествие Морица по Англии» (М., 1804) с неизвестного оригинала и «Жизнь Миниха». Им была написана также «История Бессарабии» (1816), погибшая по время петербургского наводнения 1824 г., и «Князь Курбский», рукопись неустановленного жанра, судьба которой неизвестна.[3]

Для того времени перевод Тимковского веьма близок к авторскому тексту, точен и без существенных искажений мысли автора. Перевод издан без каких-либо важных структурных изменений сравнительно с первым оригинальным изданием 1803 г. разве что перед каждой частью книги дано изложение ее содержания, чего в оригинале нет, но это не существенно, ведь, например, сохранены основные авторские примечания по тексту, что нередко в начале XIX в., да и позднее, беззастенчиво опускалось при переводе. Важно другое: одобрение «Цензурного Комитета, учрежденного для Округа Императорского Московского Университета» перевод получил, вероятно, после внесения в него некоторых важных (может быть, для автора, но не с точки зрения цензуры) изменений. Это коснулось главным образом примечаний, где были опубликованы отрывки из дневника Миниха, письма Екатерины II, самого Миниха, свидетельства различных участников дворцовых переворотов. Именно по цензурным соображениям было опущено примечание V, в частности, Manifest от 22 января и Urteil от 27 января 1742 г. (Спустя полвека эти документы были изданы в «Полном собрании законов Российской Империи», начавшем издаваться при императоре Николае I.) В примечании 10, содержавшем высказывания графа фон Ostein'a о Бироне, переводчик, а скорее всего цензор, дали свое, более нейтральное толкование. Ряд примечаний (33 и 38) в переводе опущены вообще, а примечание 24 (Elisabeth hatte einen besonderen Hass gegen ihn gefasst, weil er ihr verschiedene male Geld...) исправлено до неузнаваемости. В целом же авторский текст переведен без купюр и «отсебятины»; исключение в этом смысле составляет, пожалуй, только последняя глава первой части, где выброшены упоминание об Иоанне Антоновиче и сочувственные слова Елизаветы Петровны о нем, и концовка второй части,

а именно слова императрицы Екатерины II о Минихе: «Ist gleich Münnich nicht Sohn, so ist er doch ein Vater des Russischen Reichs». Что здесь смутило придирчивого цензора, остается только гадать, но эти справедливые слова императрицы в переводе опущены.

„Leben Peters des Grossen“ (Münster u. Leipzig, bey Peter Waldeck, 1803—1804)[4] была переведена Евгением Ушаковым, о котором известно только, что он был «писатель и переводчик с немецкого 1812—1827 гг.».[5] Вместо посвящения, предпосланного своей книге фон Халемом, переводу предшествует посвящение автора перевода: «Всепресветлейшему, державнейшему, великому государю Императору Александру Павловичу, самодержцу всероссийскому с чувством глубочайшего благоговения посвящает трудившийся над переводом верноподданный Евгений Ушаков». Скудные подробности прохождения всех частей рукописи в феврале — мае 1812 г. отражены в документах С.-Петербургского цензурного комитета.[6]

В целом эта книга фон Халема переведена полностью и без изъятий, с более или менее точным воспроизведением авторской мысли с языка оригинала на русском языке. Однако, как и в случае с книгой о Минихе, примечания к книге о Петре подверглись самой произвольной правке, сокращению, а то и полному изъятию. В большинстве случаев сняты указания на публикации источников (в том числе и на Нестора) и ссылки на литературу. В русском переводе в первом томе опущено примечание 1-е с большой выдержкой из Сумарокова (Die Leute rasen, die uns beständig vorschwatzen, dass wir vor den Zeiten Peters der Grossen Barbaren, oder wohl gar Vieh gewesen...). Опущены примечания 6, 9—10 о восстании стрельцов и короновании братьев Петра и Иоанна. Интересна тенденция: в оригинале Chowansky war (sagt Gordon. I. S. 94)... в переводе звучит так — «Хованский, как утверждают некоторые...» (прим. 8); в оригинале — nach Weber (III. S. 21), перевод — «как утверждают некоторые...» (прим. 16). Последнее (16) примечание сильно сокращено, снят целый абзац — Schade, das der Staaträth Müller, dem so wichtige Urkunden und Nachrichten zu Gebote standen, — а также ссылка на Müllers Lebensgeschichte in Büschings Beiträgen zur Lebensgeschichte denkwürdiger Personen (III. S. 99). Таким образом в ч. I

осталось 49 примечаний против 94 в оригинале, в ч. II — 51 против 100, в ч. III — 65 против 79. Необходимо пояснить, что несмотря на некоторые послабления в деятельности цензурных органов после царствования Павла I при императоре Александре сохранялись известные строгости и цензурные ограничения, которые были возможны благодаря весьма «расширительному» и произвольному толкованию цензурных инструкций, а также вследствие индивидуальных черт характера каждого цензора в отдельности. Именно поэтому всякие упоминания о «смутных» временах российской истории либо беспощадно вымарывались, либо под пером цензора или переводчика преображались до неузнаваемости, зачастую в ущерб смыслу.

И все же книга фон Халема о Петре Великом в основном дошла до российского читателя без резких искажений против оригинала. Можно здесь предположить, что тому отчасти способствовало то обстоятельство, что в 1812—1813 гг. резко возрос объем рассматривавшейся в Цензурных комитетах литературы (главным образом антифранцузского и антиреволюционного содержания) и основное содержание книги осталось нетронутым.

География продажи книг Г.-А. фон Халема в России дотаточно широка, и в публиковавшихся время от времени каталогах книжных магазинов систематически приводились данные о наличии и ценах на книги этого автора.

Согласно «Реэстру» книг, у «комиссионеров Императорского Московского Университета» Инихова и Базунова книга фон Халема «Жизнь графа Миниха» продавалась в 1808 г. в Москве в 1-й книжной «университетской» лавке, «что на Тверской» и во 2-й — «на Никольской, подле самого входа в Управу Благочиния, под № 3-м».[7] Отметим, что перевод этой книги фон Халема, судя по «Реэстру», продавался также в Курске и Воронеже, «в заведенных там кижных лавках». Книга продавалась в переплете и стоила 2 руб. 90 коп.

По такой же цене (290 копеек), но с указанием, что книгу можно купить и без переплета за 250 копеек, «Жизнь Миниха» продавалась в Москве, у Матвея Глазунова, «в книжных его лавках, стоявших на Никольской улице, против Казанского собора, на углу под № 1-м и 2-м».[8] Как можно прочесть на титульном листе «Реэстра» книжных

лавок Глазунова, книги, перечисленные в перечне, а значит и книга о Минихе, продавались и в книжных лавках других городов, «как-то в Харькове у Алексея Белоусова, в Екатеринбурге у Ивана Калашникова, в Астрахани у Николая Шайкина, в Владимире у Федора Филосова, в Ярославле у Матвея Глазунова, можно было купить на ярмарках: Макарьевской в Лебедяне, Коренной в Ромнах», а также в Кременчуге, Полтаве и Ростове.

Не обошли своим вниманием книгу фон Халема и известные ревнители книжной культуры и распространители просвещения в России В. Плавильщиков и А. Смирдин.[9]

Книга Г.-А. фон Халема о Минихе значится также среди книг, входивших в так называемую «библиотеку для чтения», которая являлась также и магазином и помещалась в доме купца И. Глазунова: в описании книги, находившейся в «Реэстре» под номером 781, значилась цена 10 рублей.[10] В 1831 г. эта книга, судя по каталогу книжных лавок купца И. Заикина, стоила уже 15 рублей.[11]

У Плавильщикова и Смирдина можно найти краткое описание книги фон Халема о Петре Великом.[12] Более подробное описание этой книги было помещено в «Реэстре» книжных лавок Императорского Московского Университета за 1822 г.: «„Жизнь Петра Великого", описанная Г. Галемом и разделенная на десять периодов, с присовокуплением родословной таблицы Российских государй от царя Алексея Михайловича до Императора Александра I, и с алфавитным реэстром всех государей, знаменитых мужей и полководцев, прославившихся при жизни Петра Великого; 3 ч. С. Петербург. 1812. в Императорской Типографии; 18 руб.».[13] В следующем, 1823 г. книга Г.-А. фон Халема продавалась в той же Москве, в книжных лавках купца Свешникова, и вместе с тем, как значилось на титуле «Реэстра», «в Харькове, Могилеве и на разных ярмарках».[14] Книга о Петре Великом стоила по этому реестру уже 20 рублей, но, вероятно, потому, что продавалась в переплете, ибо так быстро книги в то время не дорожали. В Петербурге в 1831 г. эта книга продавалась уже дешевле, также как и книга о Минихе, за 15 рублей (в переплете — 18 рублей).[15]

Таким образом, располагая этими далеко не полными данными, можно с известной долей верятности судить о том, что во всяком случае до начала 30-х гг. XIX в. рус-

ские переводы книг Г.-А. фон Халема продавались во многих книжных магазинах и лавках европейской России и имели широкое распространение. В каталогах более позднего времени указания на эти издания отсутствуют, что тоже отчасти говорит в пользу их популярности. Что же касается оригинальных изданий обеих книг историка, то кроме предположения, что эти книги вероятнее всего продавались и покупались, никаких определеных данных обнаружить не удалось. Вероятно и скорее всего, что отчасти «виною» этому является наличие в продаже переводов этих книг, что даже при тогдашней информированности книгопродавцов могло влиять на приобретение ими немецких изданий книг фон Халема.

Обратимся в заключение к наиболее интересным из обнаруженных в библиотеках экземплярах книг фон Халема.

«Жизнь графа Миниха» (Библиотека ЛОИИ, шифр XI-2589) имеет в левом углу внутренней стороны первой доски переплета экслибрис «Из книг Матвея П. Глазунова в Москве». Переплет кожаный с золотым тиснением по корешку. Возможно, что этот экземпляр входил в собрание библиофила и коллекционера Н. П. Лихачева.

На экземпляре этого издания, хранящегося в отделе редкой книги БАН, на обеих досках кожаного переплета оттиснут золотом двуглавый орел, что является точным указанием на принадлежность экземпляра к Императорской библиотеке Академии наук (шифр 1806/36).

Экземпляр с золотым обрезом, хранящийся в ГПБ, одетый в кожаный переплет, имеет в правом верхнем углу титула оттиск «ИБ» в лавровом венке с короной над буквами, что свидетельствует о том, что книга принадлежала старому собранию Императорской Публичной Библиотеки. Корешок переплета богато украшен золотым тиснением замысловатого рисунка и надписью золотом «Жизнь Миниха» (ГПБ. 18.10.7.6).

Оригинальный экземпляр «Lebensheschreibung... Grafen von Münnich» имеется в библиотеке ЛОИИ. На внутренней стороне первой доски переплета экслибрис вырезан или оторван, но часть надписи, которую он покрывал, можно прочитать: «....rlin 1819». Можно предположить, что первоначально книга принадлежала к собранию Бутурлиных —

государственных, общественных деятелей XVIII—XIX вв. В этот экземпляр вложен лист бумаги с надписью (рукою Н. П. Лихачева?) о том, что экземпляр впоследствии принадлежал историку Михаилу Ивановичу Семевскому (1837—1892 гг.), много занимавшемуся историей политической и придворной жизни, бытописанием России XVIII в. (шифр И-765). Интерес должен вызвать также экземпляр этого издания, хранящийся в ГПБ (шифр 13.10.6.33.[a]); в нем, на чистом листе между форзацем и гравированным изображением Миниха, четким готическим почерком черными чернилами написано: «den durchläugtigster Prinzen Georg» и чуть ниже — «der Verfasser». На обороте титула внизу слева сажевый отпечаток большой буквы «P» с императорской короной над ней. Эти указания говорят о том, что экземпляр входил в библиотеку принца Георга Ольденбургского, супруга великой княгини Екатерины Павловны.

«Жизнь Петра Великого» (ЛОИИ, шифр XI-3007) имеет экслибрис «Из Библиотеки для чтения А. Смирдина № 2800» (сам номер вписан в экслибрис чернилами). Экземпляр ГПБ (шифр 18.14.5.1) в верхнем углу титула носит сажевую печать: двуглавый орел под императорской короной и надпись «Bibliotheque de Tsarskoe Selo», что служит указанием на принадлежность его к библиотеке одного из дворцов императорской резиденции.

Что касается собственно оригинала «Leben Peters des Grossen», то роскошный экземпляр этой книги с золотым обрезом и тиснением по переплету находился прежде в собрании князя М. С. Воронцова: экслибрис «Библиотека князя Воронцова. С.-Петербургский дом» наклеен в левом верхнем углу первой доски переплета (ГПБ. шифр 30.2.5.1). Собрание М. С. Воронцова, выдающегося военного и государственного деятеля России, включало в себя и более ранние приобретения, так что этот экземпляр мог быть приобретен и А. Р. Воронцовым, и его братом С. Р. Воронцовым.

Остальные выявленные экземпляры — их около десятка, включая и переводы, — не имеют признаков, которые могли бы указать на их принадлежность в прошлом к частным собраниям или государственным книгохранилищам; вероятно, что это случайные или позднейшие приобретения.

Если говорить о значении трудов фон Халема в общем контексте развития российской историографии, то, несомненно, историки, изучавшие Петровское и последующие времена, не могли пройти мимо его оригинальных и серьезных исследований, привлеченные обилием первоклассного материала и основательностью его изложения. Такие историки, как, например, Н. Г. Устрялов и С. М. Соловьев, понимали важность изучения трудов своих предшественников и использовали их достижения в своих исследованиях. Вместе с тем историографические исследования, которые помогли бы представить ясную картину взаимовлияния двух историографий, одна из которых с самого начала училась у другой, в этом отношении либо не доведены до конца (Шмурло Е. Ф.), либо все еще весьма недостаточны и ограничены.

Между тем именно такие исследования способны приблизить нас к пониманию той особой роли, которую сыграл фон Халем и его труды в изучении российской истории XVIII столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Жизнь графа Миниха, Императорского Российского Генерал-Фельдмаршала. Сочинение Г-на Галема. Перевел с немецкого Василий Тимковский. Москва, В Университетской Типографии, 1806. Часть Первая — 221 с.+5 с. оглавления. Часть Вторая — 204 с.+2 с. оглавления+2 с. «погрешностей» к обеим частям.

[2] Письмо Василия Федоровича Тимковского (1813 года). Публикация М. А. Максимовича // Русский архив. 1871. № 12. С. 2118—2120.

[3] *Шугуров Н.* Илья Федорович Тимковский, педагог прошлого времени // Киевская старина. Киев, 1891. Т. XXXIV. С. 215—216.

[4] Жизнь Петра Великого, описанная Г. Галемом. Перевод с Немецкого. СПб., В Императорской Типографии, 1812—1813. Часть Первая — 294 с. Часть Вторая — 445 с. Часть Третья — 332 с. (с. 277—332 — «Алфавитный реэстр»)+2 с. «погрешностей».

[5] Сборник Русского Исторического Общества. СПб., 1888. Т. 62. С. 376.

[6] Центральный государственный исторический архив (Ленинград), ф. 777, оп. 1, д. 133, № 27, л. 7, 14; д. 134, л. 13; ф. 777, оп. 27, д. 183, л. 8 об. — 10, 12 об. — 13.

[7] Реэстр российским книгам, которые сверх многих других продают у Комиссионеров Императорского Московского Университета Инихова и Базунова... Москва, в Вольной типографии Федора Либия, 1808. С. 43.

[6] Реэстр российским книгам, Расположенным по классам, продающимся в Москве, у книгопродавца Матвея Глазунова... Москва, в университетской типографии, 1808. С. 31.

[9] Роспись российским книгам для чтения из Библиотеки В. Плавильщикова. Ч. II. СПб., в Типографии В. Плавильщикова, 1820. С. 294; Роспись Российским книгам для чтения из Библиотеки А. Смирдина. СПб., 1828. С. 216. (Ниже сокращенно — Смирдин.)

[10] Реэстр российским книгам, составляющим библиотеку для чтения в С.-Петербурге, по Мещанской улице, против самого Ломбарда, в доме С.-Петербургского купца Ивана Глазунова, под № 34. СПб., печатано в Типографии Ивана Глазунова, 1823. С. 44. (Ниже сокращенно — Плавильщиков.)

[11] Полный каталог 1831 года российским книгам, атласам, географическим картам, портретам и музыкальным сочинениям..., продающимся у книгопродавца Ивана Заикина в книжных лавках против Гостинного двора в доме Императорской Библиотеки... СПб., в типографии Карла Крайя, 1831. С. 74.

[12] Плавильщиков. С. 289; Смирдин. С. 212.

[13] Реэстр российским книгам, ландкартам, планам, эстампам, портретам и нотам, продающимся сверх многих других книг, в Москве, в книжной лавке Императорского Московского Университета, состоящей в доме Университетской Типографии, между Дмитровскою и Петровскою улицами, на валу. М., в Университетской Типографии, 1822. С. 35.

[14] Реэстр российским книигам..., продающимся... в Москве, в книжных лавках Свешникова: На Никольской улице в Лавке Приказа Общественного Призрения и во флигеле Заиконоспасского монастыря... М., в типографии Семена Селивановского, 1823. С. 22.

[15] Полный каталог 1831 года российским книгам... у книгопродавца И. Заикина... СПб., 1831. С. 75.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЗОРЫ И ПУБЛИКАЦИИ

КНИГА В РОССИИ

Проблемы источниковедения и историографии

Сборник научных трудов

Редактор *Э. И. Кутасова*

Сдано в набор 3.07.91. Подписано в печать 20.01.92.
Формат 60×84/16. Бум. тип. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 7,90 Уч.-изд. л. 8,18.
Тираж 900 экз. Заказ № 199. Цена 5 руб.

Издательский отдел Библиотеки Российской академии наук
(199034. С.-Петербург, Биржевая л., 1)

Типография РПМ Библиотеки Российской академии наук
(199034. С.-Петербург, Биржевая л., 1)